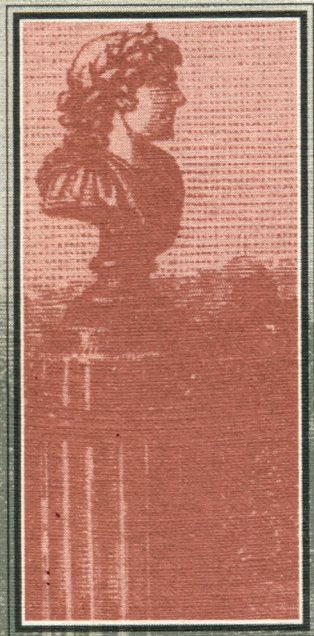

россия в мемуарах

Ш. Массон
СЕКРЕТНЫЕ ЗАПИСКИ
О РОССИИ ВРЕМЕНИ

ЦАРСТВОВАНИЯ
Екатерины II
и Павла I

Ш. Массон СЕКРЕТНЫЕ ЗАПИСКИ О РОССИИ

россия в мемуарах

россия в мемуарах

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Ш.Массон
СЕКРЕТНЫЕ ЗАПИСКИ
О РОССИИ ВРЕМЕНИ

ЦАРСТВОВАНИЯ
Екатерины II
и Павла I

Наблюдения француза,
жившего при дворе,
о придворных нравах,
демонстрирующие
незаурядную
наблюдательность
и осведомленность
автора

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Вступительная статья

Е.Э. Ляминой и А.М. Пескова

Подготовка текста и комментарии

Е.Э. Ляминой и Е.Е. Пастернак

Художник

Н. Пескова

Корректор

Е. Чеплакова

Адрес редакции:

129626, Москва, И-626, а/я 55

тел.: (095) 194-99-70

Массон Ш.

Секретные записки о России. — М.: “Новое литературное обозрение”, 1996, 208 с.

ISBN 5-86793-019

Воспоминания француза, который провел ряд лет при дворе Екатерины II и Павла I, содержат закулисную хронику русской придворной жизни того времени. Демонстрируя незаурядную наблюдательность и осведомленность, автор дает яркие характеристики мудрой императрицы и ее сумасбродного сына, их фаворитов и придворных. Независимость суждений и неліцеприятность выводов делают книгу уникальным мемуарным источником. Книга выходила на русском языке в начале XX в. и с тех пор не переиздавалась.

ISSN-0869-6365

ISBN 5-86793-019

© Художественное оформление

“Новое литературное обозрение”, 1996

О "ЗАПИСКАХ" МАССОНА

Подходил к концу 1796 год и вместе с ним — век Екатерины Великой. Тридцать четыре года ее царствования были отмечены принятием новых законов, блистательными военными победами, расцветом наук и искусств, основанием новых городов, роскошью и изысканностью двора. Но главное, что наложило отпечаток на эту эпоху, — личность самой императрицы — "Северной Минервы", "философа на троне", мудрой преобразовательницы, переписываться с которой почитали за честь просвещеннейшие умы Европы. Однако это была видимая всем, парадная сторона: *Catherine le Grand* — Екатерина *Великий* — охотно соглашалась с тем, что ее сравнивали с Великим Петром, а совершенное ею — с реформами первого русского императора. Меж тем за время этого правления, которое началось с дворцового переворота и убийства законного государя, случилось и было подавлено восстание Пугачева, трижды разделена Польша; процветало казнокрадство, подданные привыкли к постоянной смене фаворитов и их креатур; а под конец царствования, встревоженная событиями во Франции, Екатерина принялась бороться с собственными "якобинцами". Был посажен в крепость литератор и издатель Н.И. Новиков, скончался "в простудной горячке" (а шепотом передавали, что был засечен до смерти) драматург Я.Б. Княжнин, арестован и сослан в Сибирь А.Н. Радищев. 7 ноября 1796 года Екатерина скончалась. На престол взошел ее единственный сын Павел Петрович, которому к этому времени минуло сорок два года. Характер наследника был непредсказуем; он мог быть кротким и милостивым, а через несколько минут перемениться и разгневаться из-за пустяка. Он вырос в обстановке, где ему постоянно выказывали нелюбовь и презрение — как мать, так и те, кто ее окружал. Начало его царствования было ознаменовано справедливыми деяниями и отеческим попечением об угнетенных и обиженных. Считая своим долгом "обустроить государство" и видя вместе с тем всю тщетность своих усилий, Павел I со временем становился все более мелочным и придирчивым. Он сосредотачивал свое внимание на внешнем: на форме шляп, на проявлении уважения к его особе, на употреблении тех или иных слов. Все эти меры не достигали своей цели, но делали императора смешным и страшным в глазах его подданных.

"Конец царствования Екатерины II и начало правления Павла I" — перелом, стык двух эпох — отразился во многих воспоминаниях, писанных русскими и иностранными мемуаристами. Предлагаемые вниманию читателей "Секретные записки..." Шарля Массона, француза на русской службе, относятся к традиции французских мемуаров XVIII века. Самые известные из воспоминаний такого рода были созданы герцогом Л. де Сен-Симоном, о стиле которого современный исследователь замечает: «В хроникальном потоке прорезываются отдельные повествовательные формы <...> Наряду с портретами <...> это структурно законченные анекдоты, сцены — то мимолетные, то разрабатанные с театральной обстоятельностью и наглядностью. Есть и размышления, и

риторические отступления, и даже вкрапленные в текст "максимы"¹. Массон не мог читать записок Сен-Симона, которые вышли в свет на три десятилетия позже его собственных, но он принадлежал той же литературной эпохе, когда резкой границы между мемуарами, в основе которых обычно лежит рассказ о происшествиях личной жизни автора, и историей еще не было. Поэтому в его книге читатель также находит хронику событий, перемешанную с патетическими восклицаниями, рассуждениями и обобщениями, портретами, зарисовками петербургского быта, эпиграммами, историческими документами. Для Массона создание мемуаров и написание истории, — в сущности, одно и то же. Отсюда многочисленные экскурсы в прошлое России, то множество исторических лиц, которое появляется на страницах его сочинения. Отсюда отсылки к "Историям" и мемуарам, посвященным России, споры с их авторами. О себе и подробностях своей биографии Массон говорит редко, скупо и лишь постольку, поскольку происшедшее с ним может иллюстрировать его взгляд на русскую жизнь (впрочем, такая сдержанность отчасти объясняется и нежеланием раскрывать свое авторство). О его судьбе нам известно немногое.

Шарль Франсуа Филибер Массон родился во Франции, в Бламоне, в 1762 году; воспитывался в Швейцарии. В конце 1786 года он приехал в Петербург, где к этому времени уже находился на службе его старший брат, составивший ему протекцию у директора артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса П.И. Меллиссино. Массон-младший поступил туда преподавателем. В конце 1788-го или начале 1789 года он был представлен президенту Военной коллегии и воспитателю великих князей Н.И. Салтыкову, нуждавшемуся в образованном человеке, который мог бы вести иностранную корреспонденцию и быть гувернером при его сыновьях, камерюнкерах Дмитриии, Александре и Сергее. Заняв новую должность, Массон из поручиков был произведен в капитаны драгунского полка и назначен одним из адъютантов Н.И. Салтыкова.

Став своим человеком в семье Салтыковых, с которыми он прожил восемь лет в императорском дворце, Массон был свидетелем многих событий, происходивших при дворе, сопровождал своих воспитанников к великим князьям Александру и Константину, путешествовал вместе со своим начальником, исполнял различные дипломатические поручения и завязал множество знакомств. Не без покровительства Салтыкова Массон был определен учителем математики к великим князьям (заметим, что вся деятельность самого Н.И. Салтыкова, по словам Массона, заключалась в том, чтобы предохранить своих подопечных "от сквозняков и засорения желудка")². В 1795 году он удачно женился — на дочери барона Розена, родственника дипломата Я.И. Сиверса и бывшего генерал-адъютанта Петра III К.К. Унгерн-Штернберга. Тогда же Массон был назначен секретарем великого князя Александра Павловича с зачислением в Екатеринбургский гренадерский полк.

¹ Гинзбург Л. Мемуары Сен-Симона // Saint-Simon. Memoires. М., 1976. Vol. 1. P. 11.

² Цит. по: Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1. С. 29, 226.

С воцарением Павла I братья Массоны оказались в немилости, чему главной причиной стал круг их знакомств, иностранное происхождение и благоволение к ним Н.И. Салтыкова, а также, возможно, и то, что Массон-младший не слишком тщательно скрывал свои республиканские симпатии и восхищение Бонапартом¹. В конце 1796 года по приказанию государя они были вывезены из Петербурга в Курляндию, откуда направились в Пруссию². В изгнании Ш. Массон в течение двух лет не получал разрешения на въезд во Францию; он переезжал с места на место, тревожась о судьбе жены и маленькой дочери, которые оставались в России и не могли последовать за ним (дело решилось благодаря сочувствию и хлопотам К.К. Унгерн-Штернберга). В 1800 году ему удалось вернуться во Францию и вскоре, по протекции Люсьена Бонапарта, получить место в управлении департамента Рейн-Мозель. О дальнейшей судьбе его сведений еще меньше. В 1803 году (или же в XII — по республиканскому летоисчислению) в Париже было напечатано подробное, дотошно составленное "Статистическое описание департамента Рейн-Мозель". Этот труд, как сообщается в конце текста, вышел из-под пера "гражданина Массона", генерального секретаря тамошней префектуры и корреспондента Французской Академии. 3 июня 1807 года Массон умер в Кобленце. Можно предположить, что после его смерти жена вернулась в Россию; во всяком случае, их дочь, красавицу Ольгу Массон (она родилась в сентябре 1796 года и умерла не ранее 1830-х годов), мы встречаем среди петербургских знакомых молодого Пушкина — к ней обращены стихи "Ольга, крестница Киприды..." (1819).

В конце 1790-х годов Массон на некоторое время нашел приют в Пруссии, в имении одного из своих знакомых, графа Лендорфа. Там им и были созданы "Секретные записки о России, и в особенности о конце царствования Екатерины II и начале правления Павла I, представляющие собой картину нравов Санкт-Петербурга в конце XVIII века и содержащие некоторые анекдоты, собранные в течение десятилетнего там пребывания". Два почти полностью идентичных издания этой книги появились одновременно в Амстердаме и Париже (в 1800 году — тома 1 и 2, в 1802-м — том 3) без указания имени автора. В 1804 году труд Массона был переиздан. Полный текст мемуаров к

¹ *Courbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnu russe (1799—1894)*. Paris, 1967. P. 47. Одним из возможных поводов для изгнания Массона и его брата французский исследователь Ш. Курбе считает следующее: "<...> вероятно, кто-то рылся в его бумагах, и, кроме того, ему могли припомнить поэму "Швейцарца", в которой он называл Свободу единственным божеством, оплакивал падение Новгородской республики и приветствовал события 1789 года" во Франции. "Швейцарцы" (Париж, 1800) — эпическая поэма в восьми песнях с историческими примечаниями (в основу ее легли реальные события последней четверти XV века: неудачная попытка бургундского герцога Карла Смелого подчинить народ Швейцарии). Была представлена Массоном Французской Академии и получила высокую оценку. Интересно, что поэма вышла в издательстве Ш. Пужана, одного из образованнейших книгоиздателей того времени, у него же напечатано и первое издание "Записок". Общим книгам Пужан предпослал краткие вступительные заметки, в которых с уважением отзывался о Массоне и его трудах.

² Подробнее см.: *Рябинин Д.* Высылка из России братьев Массонов // Рус. старина. 1873. № 3. С. 548—585.

этому времени составлял уже четыре тома небольшого формата; вышли и переводы на немецкий, английский, датский языки. После Гильзитского мира (1807) резкие выпады против России стали неуместны, и Наполеон запретил продажу "Записок"; скорее всего, по этой причине они довольно долго не переиздавались¹. Во второй половине XIX века интерес к воспоминаниям Массона не исчез: в 1859 и 1863 годах в Париже вышли новые издания "Записок" (правда, существенно сокращенные по сравнению с теми, которые были подготовлены самим автором), в 1917 году мюнхенские книгоиздатели выпустили в свет новый их перевод на немецкий язык.

На титульном листе каждого тома перечислены те "анекдоты", о которых узнает читатель (следует иметь в виду, что "высокий" анекдот XVIII — начала XIX века — это не столько забавная история, сколько искусный рассказ о происшествии, в котором, как правило, действуют исторические лица, оканчивавшийся зачастую "point" — неожиданным поворотом, "солью"). В первом и втором томах речь пойдет, как обещает заглавие, "о планах Екатерины относительно ее сына, о его странностях, о несостоявшемся браке великой княжны Александры со шведским королем, о характерах главнейших придворных, и именно — о Суворове". Все это сопровождается "замечаниями о воспитании владетельных особ, о нравах женщин, о религии народа". По мере подготовки сочинения к выходу в свет и при переиздании своего труда Массон, по-видимому не терявший связи с Россией и получавший оттуда новые материалы (в предисловии к первому изданию он говорит, что имеет "основания считать все" сообщаемое им о времени после 1796 года "также правдивым"), дополнял первоначальный текст своими примечаниями, которые отражали случившееся за это время. Третий том первого издания содержит рассказы "о войне в Персии, о действиях русских войск против Франции, об опале и смерти Суворова, о мерах Павла I в области финансов, о его домашней жизни и трагическом конце".

Появление "Записок" Массона объясняется не только его желанием разоблачить злоупотребления, опровергнуть очевидную ложь исторических сочинений о России (Ж. Кастера, Вольтер), но еще и стремлением осмыслить собственный опыт, рассказать историю своего изгнания. Они были задуманы им еще во времена службы при дворе, когда он собирал материалы, которые "надеялся в один прекрасный день обнародовать". Однако из-за постигшей его немилости Массон был вынужден все это уничтожить и в предисловии к первому изданию сетовал на то, что "хрупкая память — сейчас единственный источник", который у него остался.

Впрочем, автор "Секретных записок" никогда не был чужд литературного труда. О написанной им поэме уже говорилось. Кроме того, через два года после приезда в Петербург он сочинил панегирик великим князьям под названием "Торжество на прибытие Их Императорских Высочеств Государей Великих Князей Александра Павловича и Константина Павловича, при Артиллерийском и Инженерном Шляхетном кадетском корпусе, 4 августа 1788 года" (перевод Г. Шиповского; СПб., 1788). В следующем году в Типографии Шляхетного кадетского корпуса в Петербурге была на-

¹ Courbet Ch. Op. cit. P. 48.

печатана книжечка под названием "Памятный курс географии, или Легкий и приятный способ читать карты, воспитывая при этом вкус молодых людей". Это любопытное сочинение, как выясняется из авторского предисловия, было создано еще до приезда Массона в Россию и служило ему практическим пособием для занятий с его юным воспитанником — девятилетним сыном графа Лендорфа. Учить географии по изобретенному Массоном способу оказалось и в самом деле так легко и приятно, что автор не поспевал переписывать текст для знакомых и друзей своего хозяина, а в 1787 году напечатал этот учебник в Берлине (второе издание вышло в Швейцарии незадолго до петербургского). Новизна методы очевидна: основные географические понятия и важнейшие объекты, запечатленные на картах того времени, перечислены здесь... в изящных и быстро запоминающихся александрийских стихах. Связывающие их парные рифмы, в которые Массон вынес опорные "мнемонические точки", укладывают весь ворох географических знаний в стройную и связную картину, не обладать которой отпрыск аристократического семейства в то время просто не имел права: умение без труда и с удовольствием пользоваться картой числилось в ряду основополагающих для дворянина. Краткую вводную заметку к петербургскому изданию учебника написал преподаватель изящной словесности в корпусе — Кюине д'Орбейль, знакомец Массона, стихи которого он цитирует во второй главе "Записок". Из нее ясно, что пособие использовалось в этом учебном заведении на уроках географии.

В 1793 году Массон перевел на французский нравоучительную поэму С.С. Джунковского "Александрова, увеселительный сад Его Императорского Высочества Благоверного Государя и Великого Князя Александра Павловича". В сочинении Джунковского описывался сад, разбитый по проекту законоучителя великих князей о. А.А. Самборского на участке земли между Царским Селом и Павловском, который Екатерина подарила своему старшему внуку. Сама мысль о написании поэмы, видимо, была подана Самборским. В основу планировки и устройства ландшафта Александровой дачи легла хрестоматийно известная аллегорическая сказка императрицы о царевиче Хлоре. Массона, скорее всего, связывали с Самборским дружеские отношения (в "Записках" он отзывался о нем очень тепло, что особенно заметно на фоне язвительных, эпиграммически заостренных характеристик, на которые он не скупился в отношении большинства других лиц). Так что пожалование Массона в секретари к великому князю вскоре после выхода в свет двух изданий его перевода (1793, 1794; напечатан вновь в Вене в 1804 году) представляется не случайным.

Когда карьера Массона так внезапно, через полтора месяца после смерти Екатерины II, оборвалась и он был выдворен из России, сочинять панегирики ему уже было не с руки. "Полезные записки", как он определяет жанр своего труда, были для него, по-видимому, и материальным подспорьем. Еще одно сочинение, выпущенное им в 1805 году в Метце (скорее всего, тоже из соображений заработка), — "Новая Астрея, или Романтические приключения минувшего времени" (в двух томах). Как следует из авторского предисловия, это переложение народных немецких преданий было составлено

ранее, в начале 1790-х годов: "Достигнув зрелости, я представляю вниманию читателей произведение моей юности"¹.

Об интересе, который вызвали "Записки" Массона, свидетельствует не только число их изданий и переводов, но и прием, оказанный им современниками. Они сразу стали одним из важных источников по истории России и долгое время оказывали влияние на тех, кто после Массона обращался к этой теме (в частности, на маркиза де Кюстина, автора известного сочинения "Россия в 1839 году"). "Эта книга, даже если оставить в стороне полемический и литературный талант ее автора, обнаруживает поистине примечательную осведомленность в русской жизни", — пишет современный исследователь². Скорее всего, Массон знал русский язык³. Он старался быть точен и доказателен: так, в приложении к третьему тому мемуаров он поместил переводы официальных документов (акт о престолонаследии, полный титул Павла I, положения о цензуре, о таможах, о чеканке новой монеты и др.).

Однако читавшие книгу Массона не без основания видели в ее тоне и эмоциональной окраске суждений автора пристрастие, уязвленное самолюбие, гнев и обиду. "Мы с большим основанием можем заподозрить, что он говорил бы о России и ее властителях совершенно иначе, если бы его карьера в этой стране продолжалась так же удачно, как началась"⁴. По этой причине к оценкам и изложению Массона зачастую относились с недоверием, хотя рассказ его последователен и вполне правдив. У автора сложилась репутация озлобленного, желчного неудачника, а книгу многие стали воспринимать как памфлет. Кроме того, "Записки" были отданы в печать в то время, когда Павел I отправлял войска в Италию, а вышли они в свет незадолго до смерти императора. Наследовавший ему Александр I объявил о намерении следовать предначертаниям Екатерины и изменил политику России по отношению к Франции: в отношениях двух стран наметилось сближение. Массону немедленно стали возражать — в газетах ("Mercure de France", "Le Publiciste"), в книгах (А. Коцебу выпустил сочинение "Достопамятнейший год моей жизни" — чрезвычайно резкий ответ на "Секретные записки")⁵, и, наконец, его мемуары начали опровергать дипломаты, в частности граф Сегюр⁶. Массон тщетно пытался оправдаться — в подробных, по пунктам опровергаю-

¹ Masson Ch. F. Ph. La nouvelle Astrée... Metz, 1805. Vol. I. P. 1.

² Courbet Ch. Op. cit. P. 47—48.

³ Ibid. P. 49. Целый ряд слов в "Записках" набран курсивом — это русские слова во французской транслитерации: "oukas", "tzarevitch", "raz-dva", "ischvoschtschiki" и даже "sdelaité kak pregede" (передача — с точки зрения фонетики весьма удачная — слов Платона Зубова).

⁴ Ibid. P. 48.

⁵ Русский перевод напечатан в приложениях к журналу "Древняя и новая Россия" (1879. № 1—2). О политической подоплеке нападок Коцебу на Массона см.: Liechtenhan F.-D. La progression de l'interdit: les recits de voyage en Russie et leur critique a l'époque des tzars // Revue Suisse d'histoire. 1993. Vol. 43. P. 38—41.

⁶ Courbet Ch. Op. cit. P. 50. Отводя незаслуженные обвинения, Массон замечал: "В то время, когда этот <...> том был уже предан тиснению, переворот столь же ужасный, но старательнее скрытый и куда более подлый, чем тот, что имел место в 1762 году, завершил жизнь и царствование Павла I. Это событие, как и те, которые ему предшествовали, сопутствовали и последовали за ним, прекрасно доказали невиновность автора этих мемуаров. Они удостоверили справедливость его рассказа, основатель-

щих клевету и недобросовестность Коцебу "Письмах от одного француза к одному немцу" (Париж, 1802), при помощи смягченных комментариев и предисловий к своим мемуарам, но все это не принесло плода¹. Александр I не пригласил Массона в Россию, как другого своего наставника — Лагарпа, который приехал в Петербург уже в августе 1801 года, и, судя по всему, не проявлял к своему бывшему секретарю и его участи никакого интереса.

"Секретность", объявленная в названии "Записок", заключалась в изложении откровенных подробностей частной жизни высокопоставленных особ, в остроумных и цепких наблюдениях над природой русского деспотизма.

Именно поэтому мемуары Массона стали в России вдвойне секретны. Даже в середине XIX века, когда никого из описанных им уже не было в живых, "Записки" не дозволялись русской цензурой. Первые переводы их появились в печати только в 1870-х годах (до этого времени ссылки на эти мемуары и более или менее точные и пространные цитаты из них встречаются в научных трудах, посвященных описанной Массоном эпохе)². Не говоря о России, где распространение "Записок" было строжайше запрещено, и в Европе стараниями русских посольств продажа книги Массона преследовалась. Так, в ноябре 1801 года русский консул в Лейпциге Иоганн Шварц добился у саксонских властей запрета на продажу третьей части "Секретных записок", а заодно и их перевода на немецкий язык по причине предосудительных "поношений и измышлений"³. (Отметим: это было уже при Александре I, через 8 месяцев после смерти Павла. Впрочем, убийство Павла тоже было секретом — по официальному объявлению император скончался от апоплексического удара.)

Суть предосудительности подобных мемуаров и суть таких государственных секретов, как смерть от апоплексического удара, отлично изъяснил Герцен в одном из первых исторических изданий вольной лондонской типографии в 1860 году: "Времена татарского ига и московских царей нам несравненно знакомее царствований Екатерины, ность его наблюдений и выводов, потому что часть тех происшествий, которые он предвидел, теперь произошла" (*Memoires secrets*. Amsterdam, 1802. Vol. 3. P. V).

¹ В предисловии к третьему тому, т.е. около 1801 года, Массон писал: "Соединяя в себе любезность и кротость, за которые были любимы Елизавета и Екатерина, с выдающимися качествами, коих следует ожидать от истинного потомка Петра I, он [Александр], кажется, предназначен к тому, чтобы привести на высшую ступень расцвета и славы молодую и могущественную нацию, обожаемому властелином которой он стал" (Р. XI).

² В журнале "Заря" (1870. № 10) был напечатан небольшой отрывок из первой главы первого тома "Записок" — о приезде шведского короля в Петербург. Из исследовательской литературы, кроме упомянутой статьи Д. Рябинина, назовем труды Е.С. Шумигорского "Императрица Мария Феодоровна" (СПб., 1892), Н.К. Шильдера "Император Александр I. Его жизнь и царствование" (СПб., 1897. Т. 1.), Е.П. Карновича "Цесаревич Константин Павлович" (СПб., 1899), статьи по истории России конца XVIII в. в "Русском биографическом словаре".

³ Гофман П. К вопросу о распространении сведений о Радищеве в Германии // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 372—375. Сам Массон сообщает в третьем томе "Записок", что, как только они вышли из печати, "русский посланник в Берлине поторопился отослать их с курьером к Павлу I, который тотчас же приказал всем полномочным представителям России в Германии препятствовать их распространению" (Р. VI).

Павла. История императоров — канцелярская тайна, она была сведена на дифирамб побед и на риторику подобострастия <...> С одной стороны, правительство запрещает печатать о таких происшествиях, о которых все знают, о которых все говорят — в гостиных и передних, во дворце и на рынке. С другой — оно открыто лжет в официальных рассказах и потом заставляет повторять свою ложь в учебниках. Сначала ей никто не верит, но, боясь преследований, никто в этом не признается; потом события забываются, современники умирают, и остается какое-то смутное предание о том, что правительство исказило факт. Отсюда общая уверенность, что правительство всегда говорит неправду, и сомнение в возможности знать истину¹.

Отсюда и огромное доверие у русского образованного общества к источникам малодоступным — рукописным или привезенным в Россию в обход существующих запретов. Отсюда и достаточно широкое знакомство с мемуарами Массона в русском образованном обществе, особенно в пору, когда события, о которых тот рассказывает, еще не перешли в ряд давно прошедших.

Экземпляры "Секретных записок" были в библиотеках П.И. Багратиона и М.С. Воронцова, И.И. Дмитриева и А.С. Пушкина, А.Г. Разумовского и Д.Н. Шереметева. Их знали не только в столицах, но и в провинции. Так, едва выйдя в Париже, мемуары Массона оказались в глухом Оренбурге, где Г.С. Винский, учитель в семье директора местной таможни, перевел фрагменты записок на русский со своими назидательными примечаниями насчет развращенности нравов при дворе Екатерины и поднес рукописный экземпляр своего перевода отцу детей, наставником которых он тогда пребывал². Конечно, это лишь один факт такого рода, нам известный, и то, что оренбургское образованное общество было знакомо благодаря усилиям Винского с мемуариями Массона, — еще не доказательство того, что в других губернских городах Массона читали и переводили. Ясно лишь то, что раз до нашего времени дошло немало экземпляров французского издания, значит, в то время, когда этим изданием особенно интересовались в России, экземпляров было во много раз больше.

Нельзя, впрочем, сказать, что Массон сообщает бесценные по своей достоверности сведения о русской общественной и придворной жизни конца XVIII столетия.

Если в его записках и встречаются какие-то пикантные подробности или неизвестные по другим источникам случаи, — это подробности и случаи, которые следует называть анекдотическими, то есть не столько содержащими новые факты, сколько подтверждающими какую-то тенденцию, что-то характерное, типичное для русской жизни.

Вот, например, Массон пересказывает слышанный им эпизод — посещение Петром III заключенного в Шлиссельбурге Ивана VI (Петр III вступил на престол в декабре 1761 года, и в начале июля 1762 года его убили; Иван VI, будучи младенцем, был провозглашен императором в 1741 году; в 1742 году сослан; с 1756 года содержался в Шлиссельбургской крепости, где был убит в 1764 году): «Петр III, тронутый его состоянием, задал ему несколько вопросов, и между прочим следующие: "Кто ты?" — "Я император". — "Кто же посадил тебя в тюрьму?" — "Злые люди". — "Ты желал бы

¹ Предисловие Искандера // Записки сенатора И.В. Лопухина. Лондон, 1860. С. III—IV.

² См.: Сомов В.А. Французская "Россика" эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII веке. Л., 1986. С. 196—197.

вновь сделаться императором?" — "О да! почему же нет? у меня были бы прекрасные одежды и люди, которые бы мне прислуживали". — "Но что бы ты сделал, если бы был императором?" — "Я отрубил бы головы всем тем, кто причинил мне зло».

Понятно, что Массон не был очевидцем разговора и слышал эту историю в чьем-то пересказе (в данном случае указан источник услышанного — это К.К. Унгерн-Штернберг). Поэтому здесь важна достоверность не фактическая, а анекдотическая: внимание акцентируется на моментах, значимых для оценки русской жизни и истории: во-первых, на бедственном положении Ивана Антоновича; во-вторых, на смысле императорских занятий, с точки зрения слабоумного страдальца (жить в роскоши); в-третьих, на логике отношения русского самодержца к подданным: преследовать по подозрению и по доносу (ибо о главных своих злодеях Иван Антонович мог знать лишь по чужим рассказам).

Свойствами исторических анекдотов отличаются и те повествования Массона, в которых он говорит о лично виденном. Вряд ли он лжет, когда рассказывает о том, что впервые увидел Суворова дразнящим уличных мальчишек. Может быть, так и было. Суворов отличался экстравагантностью, и аналогичные рассказы можно найти у других мемуаристов. Но в системе записок Массона этот эпизод превращается в определенный признак личности Суворова — типичного русского варвара, талантливого, остроумного, но все равно варвара.

В сущности, все анекдоты Массона можно условно разделить на два типа: одни должны подтвердить обобщения мемуариста насчет недостаточной цивилизованности России, другие — насчет торжества необузданного деспотизма русской власти.

Точка зрения Массона — это точка зрения европейски мыслящего, цивилизованного человека, которого не испортило пребывание в России и который сумел выйти нравственно невредимым из этого общества рабов и господ. Его позиция — позиция свободного человека, и он адресует свой труд свободно мыслящим европейцам. Оценки его решительны и безапелляционны. "Воровство — порок, неотделимый от русского управления, и коренится он в национальном характере, в испорченности нравов, недостатке честности и общественного самосознания"; "Лучшая история России — это, бесспорно, история Лёвека <...> он один <...> сумел сделать для иностранцев хоть сколько-нибудь интересной такую отвратительную и отделенную от остального движения времени историю, какова история России до царствования Петра I"; "Русское правительство — угнетатель и завоеватель, русский — воин и разоритель". Можно подумать, будто в Европе не было казнокрадов и взяточников, что походы крестоносцев и религиозные кровопролития менее отвратительны, чем княжеское братоубийство или опричнина, что Франция или Пруссия никого никогда не завоевывала и что гуманные французские или прусские войны никого не разоряли!

Но, вероятно, обижаться на Массона не стоит. Во-первых, многие его злые строки продиктованы обидой на незаслуженное оскорбление и изгнание, после чего он остался почти без средств к существованию. Во-вторых, надо помнить о специфике его позиции "свободного европейца". Массон судит о России, опираясь не на существовавшие в Европе нормы общежития, а на мыслимые, — на те нормы, которые кажутся западному человеку уже или почти достигнутыми в Европе. Судит с точки зрения иде-

ного образа жизни, при котором государственные чиновники приносят государственную пользу, а не используют служебное положение в личных целях, при котором подданные ощущают не свою отданность на милость самодержцу, а находятся в договорных отношениях с властью, при котором гражданские свободы являются неотъемлемым правом каждого частного лица и проч. и проч.

Массон был человеком умным, образованным и наблюдательным. Сам замысел — построить обобщения на основе частных случаев и на описании поведения отдельных лиц, искусное исполнение этого замысла, умение вывести из сумбура эпизодов отчетливые заключения и выстроить концепцию русской политической и общественной жизни, будучи современником и очевидцем событий, — заслуга немалая. Конечно, у Массона почти нет положительных героев. Один из немногих — Александр Павлович, еще не ставший в пору сочинения мемуаров императором и обрисованный автором "Секретных записок" более или менее благожелательно. Но с точки зрения идеальной-теоретической о каких положительных героях русской политической и гражданской истории конца XVIII века можно говорить? Фавориты — разорили казну. Суворов — разорил Польшу. Павел I — разорил собственное дворянство.

Казалось бы, усердие, с которым предпринимались попытки исключить "Секретные записки" из круга чтения в России, не могло не увенчаться успехом и книга должна была выпасть из поля зрения нескольких поколений русских читателей. Однако этого не произошло. Напротив, в качестве ценного исторического источника труд Массона используется в воспоминаниях Н.И. Греча и Ф.Ф. Вигеля. В мемуарах С.Н. Глинки и Л.Н. Энгельгардта встречаются текстуальные переклички с этим, не называемым прямо, сочинением. Вероятно, одна из точек зрения, с которой полемизирует Д.В. Давыдов в своем очерке "Встреча с великим Суворовым" (1834—1835), принадлежит Массону: "Ненавистники России и, к сожалению, некоторые русские не признают в нем [Суворове] военного гения <...>"¹.

Перевод полного текста "Секретных записок" в России по-прежнему остается делом будущего. В предлагаемой книге печатается та их часть, которая уже выходила в свет в начале нашего века.

Е.Э. Лямина, А.М. Песков

¹ Давыдов Д. Сочинения. М., 1962. С. 173.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Книга, которую я пишу, — не путевые заметки, но результат долгого пребывания в России. Однако пусть читатель не ищет в этом сочинении ни географических описаний, более или менее точных и уже тысячу раз повторенных, ни приключений, пережитых в дороге или гостиницах. Моя цель состоит в том, чтобы передать публике наиболее интересные наблюдения и анекдоты о стране и народе, которые заслуживают знакомства и достойны лучшего правительства. Я хочу сообщить свои наблюдения над этой громадной державой философу и моралисту, избрав центром двор, при котором я находился, а временем действия — смерть Екатерины и вступление на царство ее сына. Я надеюсь оставить историку некоторые материалы о самом блестящем царствовании последних веков и о характере самой могущественной и знаменитой женщины, которая только занимала трон со времен Семирамиды¹.

То, что я расскажу о странном человеке, который ей наследовал, и о лицах, которые стояли или еще стоят на ступеньках этого трона, наверное, не будет наименее занимательной частью этих записок. Я опишу только то, что видел, слышал, чувствовал или испытывал сам, и, если истина носит неподражаемый характер, я смею думать, что ее узнают в моем сочинении*.

Сообщая о таком намерении, следует заручиться доверием к себе. Я не могу достичь этого лучшим способом, чем предлагая самому читателю решать, был ли у меня случай собрать факты и записать наблюдения, заслуживающие веры. Познакомившись с автором, можно лучше оценить его произведение: вы увидите, мог ли я как следует знать то, о чем говорю, иной раз столь немногое.

Я уже напечатал несколько небольших трудов, не открывая своего имени, потому что они были чисто литературные и льстили только моему тщеславию. Но теперь, когда я дерзаю смело и откровенно говорить о великой нации, о пышном дворе, о почти обоготворенной государыне и в особенности о тиране, столь же мстительном, сколь и могущественном, я познакомлю с собою читателя. Я намереваюсь писать полезные записки, а не сатиру или панегирик**, и я должен считаться с вещами, о которых говорю, и с суждениями, которые выражаю, столько же, сколько и с последствиями, которые это может иметь. Не стоит читать дальше тем, кто хотел бы видеть вокруг царского

* Все, что я сообщу о событиях, происшедших после моего изгнания из России, не может иметь той же достоверности, но у меня есть основания считать все это также правдивым.

** Прося снисхождения к неровностям и шероховатостям стиля, который, быть может, покажется избыточным германизмами и славянизмами, очень простительными, впрочем, французу, с детства покинувшему родину, я не испрашиваю его для некоторых особенностей моего слога, которые, по-видимому, не так уж существенны. Читателю тотчас же станет ясно, что, льстясь надеждой заинтересовать своих соотечественников, я намереваюсь писать и для русских, которые, как я надеюсь, когда-нибудь прочтут и поймут меня.

трона только рабов и прихвостней; опустите ваше холопское чело и закройте эту книгу: здесь содержатся одни истины!

Не преследование, жертвой которого я стал в России, внушило мне эти записки, но, быть может, именно негодование придает мне мужества их обнародовать. Из дальнейшего изложения станет ясно, что мои родственники и друзья в России потребовали от меня этого во имя чувства чести и для моего же оправдания. О, не свойственно ли возмущению раскрывать то, о чем благодарность, сама причастная к преступлению, обязывает промолчать? Лишь праведный гнев мог внушить мне смелость повествовать о последних событиях, которые увидела Россия в то время, когда я еще блуждаю без родины и приюта. У деспотов столь же чуткие уши, сколь длинные руки: я знаю и чувствую, что они слышат и досягают издалека. Нужды нет! я все равно буду говорить. Они могут заковывать в цепи и умерщвлять, а я могу думать и писать. Я постараюсь воспользоваться этим невинным правом с большей осторожностью, нежели та, с какой они применяют свою власть.

Я начал эти заметки давно, в царском дворце, в то время, когда меня одушевляло менее раздраженное чувство. В уединении я собирал материалы, которые надеялся в один прекрасный день обнародовать, но разразившаяся надо мной катастрофа вынудила меня, как увидит читатель, бросить их в огонь. У меня остается лишь несколько отрывков, которые я имел случай оставить в Германии. Истина не пострадает от этого неудобства, но число фактов и анекдотов сильно сократится, и сочинение сделается, может быть, менее занимательным. Я не смогу придать ему даже правильной формы, согласно моему первоначальному намерению; найдутся в нем пробелы, которые я не в состоянии заполнить, потому что хрупкая память — сейчас единственный источник, который у меня в этом отношении остается. В последнее время много писали о России: французы делали это очень поверхностно; англичане — как путешественники, отмечающие все то, что встречается им по дороге; немцы — как льстецы*.

Я сам чувствую, признаюсь, сильное предубеждение в пользу русских. Оно внушено мне их достоинствами, гостеприимством, уважением и дружбой, которые они оказывали мне в течение десяти лет. С другой же стороны, я питаю глубокое отвращение к их правительству, и оно основано на виденных или пережитых мной ужасах.

Итак, я надеюсь точно соблюсти равновесие между благодарностью, которой я обязан народу, и негодованием, возбуждаемым его правителями; между восхищением, которое вызывают блестящие деяния, и презрением, внушаемым теми, кто норовит присвоить себе их славу. Впрочем, колебания между этими чувствами не окажут влияния на суть вещей: они проявятся всего скорее в том, доброе или резкое слово вырвется из моего сердца.

Я не стану подражать тем писателям, которые под видом сообщения записок и анекдотов о стране, которую они объездили, влезают в частные дела и снимают завесу

* Это не относится к наблюдениям графа Штернберга² и некоторым другим достойным трудам, которые только что просветили Германию.

с семейных сцен, мало интересных для иностранца. Было бы весьма скверной признательностью за гостеприимство, которым я пользовался в этой стране, если бы я стал очернять ее обитателей. Исходя из этих принципов, я не стану касаться подробностей, иногда очень выразительных, об интимной жизни многих домов, где встречаются нравы и обычаи, принадлежащие иному миру и иному веку. Но я заявляю, что смотрю на нравы, действия и репутацию всякого общественного деятеля как на всеобщее достоинство. К какому иному трибуналу можно привлечь этих должностных лиц, которые уважают только своего тирана и считают возможным безнаказанно афишировать пороки и презирать мнение современников; этих сильных мира сего, которых осмеливаются называть по имени только в самых приторных и льстивых разглагольствованиях? Они походят на те аптекарские товары, которые внушают отвращение в чистом виде и которые можно продавать только завернутыми в золотую или серебряную фольгу.

Итак, прочь от меня, низменная осторожность, которая могла бы помешать мне говорить о тиранах, пока они живы! Для них существует эта и только эта жизнь. Есть ли иное бытие для злодеев? есть ли бессмертие для подлецов? “После меня хоть потоп”, — говорят они: так пусть же ненависть и отвращение шествуют по крайней мере рядом с ними! Вот те лица, которых я постараюсь привлечь и принести в жертву на алтаре разума. Пусть те черты, которыми я отваживаюсь изображать их в моем убежище, дойдут до них и смутят их! Буду верить, впрочем, в свою большую заслугу перед русским народом: ведь я пользуюсь свободой для того, чтобы отомстить за него, сколько могу, имея мужество опубликовать то, что думают честные люди, и обрекая на негодование Европы тех, кто является бичом и позором человеческого рода.

Вдобавок я намереваюсь познакомить с собою не только по имени, но и посредством истории, изложенной в этих записках. Что скажет мое имя тем, которые меня не знают? Другие же сумеют отгадать, кто я такой, по моему рассказу — и именно их я беру в свидетели его правдивости.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПРЕБЫВАНИЕ ШВЕДСКОГО КОРОЛЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

Подробности и анекдоты, касающиеся его предполагаемого брака с великой княжной Александрой¹ • Его портрет • Портрет этой молодой принцессы • Замечания об их несостоявшемся браке • Германские принцессы, вызванные в Россию • Женитьбы великих князей, подробности об их супругах и пышности двора в эту эпоху

После того как Екатерина и Густав² заключили Верельский мир³, в отношениях между ними тотчас же воцарились церемонность и внимательность, до странности противоречившие той ожесточенной ненависти и тем поношениям, которые они расточали друг другу во время войны. Офицеры обеих воевавших сторон равно спешили засвидетельствовать уважение, которое они внушили друг другу, ибо, за исключением *казачества* Денисова*, эта война по способам ее ведения весьма отличалась от тех, к которым привыкли русские. В шведах они нашли врагов, учтивость которых равнялась их храбрости, а хорошо воспитанный русский, сам кичащийся этими качествами, отличает их и в других.

Граф Штакельберг⁶, известный своим посольством или, вернее, царствованием в Польше, был отправлен в Швецию, и Екатерина, которая не могла жить в мире со своими соседями, если они не были ей покорны или преданны, изыскивала новые средства водворить там свое влияние, уничтоженное талантами и твердостью Густава. Выдать замуж одну из юных великих княжон⁷ за шведского принца — вот что сделалось с этих пор ее любимым проектом. Говорят даже, что этот брак составлял тайную статью мирного договора. Несомненно, однако, что великая княжна Александра была воспитана и выросла в надежде быть со временем

* Казачий генерал⁴, отличившийся варварством и опустошениями в войне со шведами на территории Финляндии. Он же или его племянник⁵ командует в настоящее время корпусом донских казаков, который направляется в Германию. Дядя — невежда, но храбрый солдат и заядлый игрок.

королевой Швеции. Все окружающие утверждали ее в этой мысли и вели с нею беседы о необыкновенных достоинствах и привлекательности молодого Густава⁸. Сама императрица, улыбаясь, часто говорила ей о нем. Однажды она открыла портфель, где находились портреты многих принцев, достигших брачного возраста и положения, и велела великой княжне сказать, кого бы она выбрала себе в мужа; внучка, покраснев, назвала того, о ком ей рассказывали столько прекрасного и который уже был возлюбленным ее нарождающегося воображения. Добрая бабушка, не обращая внимания на то, что внучка умела читать и узнала шведского принца по его имени под портретом, убедила себя, будто этот выбор был сделан по сродству душ, и с новым удовольствием принялась за исполнение своего плана.

Точно известно, что многие из приближенных молодого Густава стремились зародить те же чувства в его сердце. Однако я не знаю, согласился ли бы в конце концов король, его отец, такой упрямый и деспотичный, на этот союз, столь же приличный между двумя молодыми людьми, сколь мало он приличен между двумя государствами. Как бы то ни было, печальная и внезапная смерть Густава разрушила планы Екатерины. Они состояли ничуть не меньше, как в том, чтобы отправить его во главе шведов играть во Франции ту роль, которую некогда играли в Германии и Польше Густав Адольф⁹ и Карл XII¹⁰, в надежде, что он найдет там такой же конец, тогда как она готовилась стать в Швеции регентшей малолетнего сироты-короля¹¹, взяв его вместе с королевством на свое материнское попечение.

Но герцог зюдерманландский¹², захватив бразды государственного правления во время несовершеннолетия своего племянника, оказался в решительной оппозиции к русской политике. Менее галантный рыцарь, чем его брат, он не был расположен жертвовать своей страной ради дам: он платил Екатерине той же ненавистью, какую она почувствовала к нему в течение войны, когда гром его канонад доносился до самого царского дворца¹³. Эта морская война, которую он вел, впрочем довольно несчастливо, ожесточила его против русских, и он не остался в неведении о той шутовской роли, которую ему старались навязать при петербургском дворе: в Эрмитаже даже играли комедии, где он был высмеян¹⁴.

Тогда самый отвратительный подкуп, самые низкие и недостойные интриги были пущены в ход против него. Европа еще раз, с новым ужасом, увидела, как та, которая притязала на роль земного божества, прославляемого на троне, самолично разжигала мятеж в королевстве, подкупала предателей и... платила убийцам. Погубить регента, заменить его советником из числа своих креатур, привязать к своей колеснице Швецию рядом с Польшей — вот цель, которую она себе поставила и которой старалась достичь всеми мыслимыми средствами. Штакельберг, чьи

ум и учтивость очаровали короля* и который, по его собственным словам, нашел в этом принце “истинного рыцаря, достойного его бессмертной государыни”, просил об отзыве. Его величие не могло выносить незначительной роли при регенте молодого короля Швеции, после того как он сам так долго был регентом старого короля Польши. Его место занял г-н Румянцев¹⁹, брат того Румянцева, который очень известен и уважаем в Германии. Однако, несмотря на весь его ум, данные ему инструкции были слишком всероломны и двусмысленны, чтобы он мог завоевать себе в Швеции такое же расположение: заговоры и козни, на которые жаловался регент, потребовали его скорого отозвания. Кто не был смущен тем бесстыдством, с которым Россия подстрекала, прикрывала и защищала Армфельда²⁰, несмотря на достоверные доказательства его преступных покушений, несмотря на самые энергичные протесты? В то время, когда все государи Европы сообща травили и преследовали любого, кого касалось одно лишь подозрение в мятеже, регент Швеции тщетно жаловался им на человека, злоумышлявшего против его жизни, и на правительство своей страны, которое хотело продать его иностранной державе. Не было европейского двора, где от его протестов не увертывались бы самым обидным образом, и Армфельд, пренебрегая этими жалобами, прибыл наконец в Россию, где он был принят, награжден пенсией и находился в одно время с королем и регентом**.

Я не буду исследовать во всех разветвлениях этот заговор, который так долго волновал шведский двор, и не стану называть всех агентов, взявших на себя труд его и далее осуществлять: но Екатерина не отказалась от мысли господствовать там, и прать роль покровительницы молодого короля и выставить регента тираном, кото-

* Из всех министров Екатерины граф Штакельберг — самый умный; он наиболее исполнен величия, которое выказывал в особенности в Польше. Г-н Тутут¹⁵, посланный туда императором¹⁴, в день своей аудиенции у ничтожного Понятовского¹⁷ был введен в залу, где, увидев важно восседавшего человека, который был окружен почтительно стоявшими польскими вельможами, принял его за короля и начал приветственную речь. Это был Штакельберг, который не поторопился вывести его из заблуждения. Тутут, узнав о своей ошибке, был пристыжен и задет. Вечером, играя партию с королем и Штакельбергом, он пошел картой со словами: “Король трепф”. — “Вы ошибаетесь, — сказали ему, — это валет”. Австриец, который сделал вид, что ошибся, вскричал, ударяя себя по лбу: “Ах! простите, государь! вот уж второй раз за день мне приходится принять валета за короля”. Как ни находчив был Штакельберг, на этот раз он только закусил губы. По возвращении из Швеции он влячил жалкое существование в передних Зубова¹⁸, но всегда оставался среди немногих избранных лиц в интимном обществе Екатерины и умел забавлять ее после того, как послужил ей. Самым большим унижением для него, вероятно, было в царствование Павла очутиться камергером на службе у того самого польского короля, который часто отирался в передней его варшавского особняка. В этой шалости императора есть что-то тонкое и благородное, что делает ему честь.

** В 1798 году он находился в Карлсбаде, подавленный болезнями и презрением всех, кто его знал.

рый злоупотреблял малолетством своего племянника, или якобинцем, желавшим подражать герцогу Орлеанскому²¹. Она даже повелела пригласить короля прибыть и отдаться под ее покровительство или, по крайней мере, совершить путешествие в Россию. Все средства были пушены в ход для того, чтобы залучить его в Петербург без дяди. Удивительно, как регент не был доведен до крайности: в бумагах о кознях Армфельда нашлись многие страницы, которые, будь они опубликованы, унизили бы Екатерину в глазах всей Европы; он все же не стал их обнародовать. Из страха, из слабости или из скромности?

Между тем он был готов заключить союз с Францией, которая останется самой полезной союзницей Швеции до тех пор, пока жестокая политика, непомерное честолюбие и беспринципное управление не позволят русской власти видеть лучших друзей в ближайших соседях. Но до наступления этого счастливого и отдаленного времени личные симпатии или преходящие интересы, которые могли бы связать союзом Швецию и Россию, всегда будут печальны для первой: под узурпаторской рукой ее мощной соперницы ни одно государство не может служить порукой ее существования, кроме Франции, Пруссии и Турции.

Чтобы уничтожить в самом зародыше надежды Екатерины, регент сделал другой шаг, еще более решительный. Он попросил для своего юного воспитанника руки принцессы мекленбургской²², которая была торжественно обручена с ним, и велел объявить об этом брачном союзе всем европейским дворам. Граф Шверин²³, который уже был в России, где его красивая наружность снискала ему много приятельниц, поспешил в Петербург с этим поручением, но нашел в Выборге приказ императрицы, запрещающий ему предстать перед ней. Поступок, конечно, странный: в нем обнаруживается скорее досада задетой за живое женщины, чем осторожность *государыни*. Как! потому только, что король Швеции женится на другой принцессе, а не на ее внучке, она не пожелала выслушать извещение об этом, как того требует этикет! Все это могла бы позволить себе обманутая любовница, которая не ведает ни приличий, ни истинной гордости. Уважение, которое она обязана была соблюдать по отношению к себе самой, к своему полу и в особенности к своей очаровательной внучке, должно было спасти ее по крайней мере от взрыва этой унижительной досады. Она перестала в этот момент играть роль *Великой Екатерины**.

Чтобы объяснить такое поведение, столь же оскорбительное, сколь неделикатное, она велела своему стокгольмскому поверенному в делах (или, скорее, в интригах) вручить регенту удивительную ноту, которую можно прочесть среди офи-

* Русские возвеличили даже самое ее имя: они произносят на своем языке *Екатерина*, что можно перевести только как *Archi-Catherine*²⁴.

циальных документов. Здесь она не только вменяла герцогу эодерманландскому те отношения, которые он поддерживал с Францией, в преступление по оскорблению ее императорского величества, но, кажется, еще и намекала на то, что он был заодно с убийцами короля — его брата, право мстить за смерть которого она присваивала себе. Досада Екатерины и безрассудство ее министров этим не ограничились. Все предсказывало, что с королем Швеции обойдутся как со Станарелем²⁵: при помощи пушек заставят его разорвать помолвку с принцессой мекленбургской и жениться на великой княжне Александре*. Эта милая княжна гораздо более заслуживала того, чтобы юный принц сражался за право обладать ею, чем за возможность от нее отказаться. Распространялись также слухи, что молодой король был уже влюблен в нее, что дядя старался этому помешать, что король только и мечтал о том, как бы ему уклониться от брака с принцессой мекленбургской, чтобы, став совершеннолетним, объявить о предпочтении другой претендентки.

Нет сомнения, что многие шведы, подкупленные как обещаниями Екатерины, так и теми надеждами, которые они основывали на щедрости этой великолепной государыни, старались внушить эти намерения молодому королю и возбудить в его сердце ту же страсть, какую сумели зажечь в сердце прелестной Александры. Существовала даже переписка (и довольно продолжительная) между Швериным, Стенбоком²⁸ и приближенными к великим княжнам лицами. Некоторые из этих писем были показаны императрице при посредничестве мадам Ливен²⁹, главной воспитательницы принцесс.

После таких резких выходов против регента кто бы мог ожидать, что он уступит и покорится? Тем не менее это случилось: по крайней мере, он позволил или запугать себя, или подкупить**. Г-н Будберг³⁴, который только что объехал Германию, отыскивая жену великому князю Константину³⁵, и привез принцессу ко-

* Тогда велено было с большим шумом и пышностью положить несколько досок на льду Невы (об эту пору довольно крепком и способном выдержать даже башни), чтобы, как говорили, облегчить проход артиллерии, которую отправят в Финляндию. Министры и генералы вслух говорили об этой предстоящей войне — вот доказательство, что это не было простой игрой, и я не знаю, был ли г-н Стединг²⁴ одурачен такою уловкой. Князь Георгий Долгорукий²⁷, слишком честный и непридворный генерал для того, чтобы получать назначения от фаворитов, был даже послан к границам в качестве пугала.

** Один женевец по имени Кристин³⁰, проньера, бывший перед тем секретарем г-на Калонна³¹, находясь в Стокгольме, втерся к регенту благодаря какой-то басне, сочиненной ему в похвалу. Так как он бывал в Петербурге, то многое рассказывал регенту о Екатерине, о юных великих княжнах, об уважении, которое там к нему питали, о выгодности союза с Россией посредством женитьбы короля на одной из принцесс. Уверившись по ответам герцога, что последний не так уж далек от примирения с Екатериной, он предупредил об этом Ла Гюс³², любовницу Моркова³³, и на этом основании прерванные переговоры возобновились: Кристин прибыл в Петербург пожинать плоды своей ловкости, но смерть императрицы лишила его награды, которой он ожидал.

бургскую с тремя дочерьми, был признан способным преодолеть те препятствия, которые мешали найти мужа юной великой княжне. Сначала он был отправлен в Мекленбург, чтобы договориться о признании помолвки недействительной, а от туда, в качестве посланника, в Стокгольм. Деньги, угрозы, обещания наконец восторжествовали. Екатерина добилась того, чтобы король женился лишь по достижении им совершеннолетия, и регент, желая, вероятно, показать, что его воспитанник свободен в своем выборе и своих поступках, согласился наконец на его путешествие в Петербург, куда он был так благосклонно приглашен. Вопросы о свадьбе, истинного мотива этого визита, коснулись лишь слегка, сентиментально. «Если, — как об этом говорили, — эти двое детей уже любят друг друга, если при личном свидании они еще более понравятся друг другу, мы подумаем о том, как устроить счастье их обоих». Таков был язык императрицы. Завлечь короля к своему двору уже означало для нее выиграть партию. Екатерина рассчитывала на чары принцессы и на те милости, которые она сама будет расточать королю, регенту и их свите. Она не сомневалась, что юный Густав, увидав ту, от которой он дерзнул отказаться из видов государственных, отдаст свое королевство и славу Карла XII за то, чтобы ею обладать.

Он прибыл в Петербург со своим дядей и довольно многочисленной свитой 14/25 августа 1796 года и остановился у г-на Стединга, своего посла. Весь город пришел в движение, все желали видеть молодого монарха. Императрица, которая пребывала в Таврическом дворце*, перешла в Эрмитажный дворец, чтобы принять его там и дать в его честь празднества. С первой же встречи с ним она казалась очарованной «и почти влюбленной»**. Он хотел поцеловать ей руку, она этому воспротивилась: «Нет, — сказала она, — я не забуду, что граф гаагский — король»³⁸. — «Если ваше величество не хочет позволить мне этого как императрица, — ответил он, — то пусть разрешит по крайней мере как дама, к которой я отношусь с таким уважением и восхищением». Его встреча с великой княжной была еще более занимательна. Оба были чрезвычайно смущены, и взгляды всего двора, жадно на них устремленные, увеличивали их замешательство. Они находили друг друга, без сомнения, достойными тех чувств, которые питали с детства. И следует думать, что если государственные соображения короля Швеции или при-

* Императрица купила главный дворец Потемкина-Таврического³⁶ и, чтобы почтить память знаменитого фаворита, о котором она долго скорбела, дала название Таврического этому дворцу, где проводила осень и весну. Он находится в Петербурге, неподалеку от Зимнего дворца и тоже на берегу Невы. Именно в этих пышных палатах Потемкин устроил своей государыне в 1791 году столь великолепный и прославленный праздник³⁷.

** Это были ее собственные слова.

хоти теперешнего русского императора помешали заключению этого брака, то самая прелестная принцесса сделалась самой несчастной.

А ведь никто не имел больше прав на счастье, чем Александра Павловна. В четырнадцать лет она была уже взрослой и сформировавшейся. Стан у нее был благородный и величественный, смягченный всеми прелестями ее возраста и пола, черты лица правильные, цвет лица ослепительный; на ее чело ясность, чистота и невинность наложили божественный отпечаток. Белокурые с пепельным оттенком волосы, которые всегда казались убранными руками фей, украшали эту прекрасную головку. Ее ум, таланты и сердце вполне соответствовали очарованию ее внешности. Г-жа Вилламова, ее личная гувернантка, воспитала в ее душе самые благородные и чистые чувства. Разум, рассудительность, утонченная чувствительность отличали ее с самого детства и пленяли тех, кто к ней приближался.

Трудно было найти — не скажу короля, но молодого человека — более привлекательного, лучше воспитанного и подающего столько лестных надежд, чем король шведский. Ему было семнадцать лет, он был высок и строен; у него было благородное, умное и тонкое лицо, однако несколько величавое и гордое, что заставляло уважать его, несмотря на его возраст; он обладал всей грацией юности без обычной для этого возраста неловкости. Он был непринужденно вежлив, любезен; все, что он говорил, было обдуманно. К серьезным вещам он относился со вниманием, которого трудно было ожидать от юноши; он обнаруживал познания, свидетельствовавшие о весьма тщательном воспитании, и некоторая важность, напоминавшая о его сане, не покидала его. Вся пышность русской империи, которую всячески выставляли напоказ перед ним, по-видимому, не ослепила его. Среди этого блестящего и многочисленного двора он скоро стал вести себя менее принужденно, чем сами великие князья, не умевшие ни с кем разговаривать. Таким образом, и двор, и город прибегали к лестным сравнениям в пользу иностранного принца. Сама императрица не скрывала, что она с прискорбием замечает разницу между ним и вторым ее внуком, грубости и шалопайство которого раздражали ее до такой степени, что она раз или два в течение пребывания шведского короля приказывала посадить Константина под арест*.

* Во многих случаях, когда король появлялся вместе с молодыми великими князьями, общество было шокировано и добродушные русские унижены этой разницей. При упражнениях кадетов артиллерийского корпуса, где юный Густав оказывал внимание тому, что было наиболее достойно примечания, и разговаривал с генералами, окружавшими его и великого князя Александра¹⁹, которому с немалым трудом удавалось поддержать честь империи, Константин бегал за солдатами, кричал, передразнивал их, угрожал им и даже бил их, что стоило ему выговоров. Печально, что этот молодой великий князь целиком предан этим капральским вкусам, делающим его несчастьем и посмешищем для бабки и отца. На такие мелочи уходит драгоценное время его юности, что довершает искажение его ума и сердца. Несомненно, шведский король уехал из Петербурга, едва ли не лучше узнав этот город, чем те, кто будут там править.

Все вельможи государства наперебой спешили разделить радость Екатерины, которая сама лично назначала тех, кто обязан был дать особые празднества в честь ее юного гостя, и определяла дни торжеств. Графы Строганов⁴⁰, Остерман⁴¹, Безбородко⁴², Самойлов⁴³ отличились затратами и тем великолепием, которое они развернули перед глазами гостей и столицы. Придворные старались превзойти друг друга богатством своих костюмов, а генералы — военными зрелищами, которые были показаны королю. Старый генерал Мелиссино⁴⁴ более других блеснул маневрами и фейерверками, устроенными по его приказанию. Густав был очарован всем этим. И все-таки он разумно употреблял свои утренние часы, гуляя пешком по городу и осматривая вместе с регентом то, что было для него интересным и поучительным. Повсюду он задавал такие вопросы и находил такие ответы, которые обнаруживали и его ум, и воспитание. Регент, по-видимому, наслаждался своим творением, выслушивая общие похвалы, расточаемые его воспитаннику. Регент был человеком весьма небольшого роста; его манеры ловки и вежливы, лицо наблюдательное и тонкое. Глаза блестели сильным огнем. Все, что он говорил, выдавало в нем умного человека и заставляло задуматься тех, кто его слушал.

Легко можно представить, что в течение праздников, которые следовали один за другим, оба молодых влюбленных часто имели случай видиться, танцевать, говорить между собою; они сближались и казались очарованными друг другом. Старушка Екатерина помолодела: она уже давно не предавалась так подолгу движению и удовольствиям. Близкая свадьба не была больше тайной: она была злобою дня. Императрица говорила уже с юным королем и со своей внучкой как с нареченными и поощряла их взаимную любовь. Однажды она даже заставила их в своем присутствии впервые поцеловаться; вне всякого сомнения, это был первый поцелуй, запечатленный на невинных устах юной великой княжны и оставивший ей такое сладкое и дорогое воспоминание, что оно сделало ее надолго несчастной.

Тем временем шла работа над заключением этого желанного союза. Единственной статьей, представлявшей некоторое затруднение, был вопрос о религии. Екатерина предчувствовала мнение своего двора на этот счет и даже совещалась с архиепископом⁴⁵, чтобы узнать, может ли ее внучка отречься от православия. Вместо того чтобы ответить ей так, как она хотела, он ограничился словами: «Ваше величество всемогущи». Великий патриарх России⁴⁶, не найдя поддержки у духовенства (а этого, как ей казалось, она должна была добиться без труда), Екатерина захотела выглядеть более русской, чем сами русские. Поэтому — куда в большей степени из-за того, чтобы польстить национальной гордости, чем из уважения к греческой религии, — она решилась оставить королеву Швеции в лоне православной церкви. Чем неожиданней и унижительней казалось ей что-нибудь для шведского народа и правительства, тем больше это льстило ее тщеславию и амбициям

ее министров. Кроме того, попы, диаконы и другие лица, которых она отправила бы с молодой королевой, были бы людьми верными и способными поддерживать великую княжну в соблюдении интересов России. Король был влюблен, ослеплен; регент казался совершенно подкупленным — какова же была вероятность того, что после столь решительных поступков они откажутся от этой сделки? В частных разговорах только слегка касались этого деликатного пункта. Шведы вовсе не думали, что Екатерина проявит шепетильность в данном вопросе, и король дал понять, что из уважения к предрассудкам русских он пойдет на то, что великая княжна не должна будет делать формального отречения. Екатерина, убежденная, что дела уже не повернуть назад, предоставила своим любимым министрам — Зубову и Моркову — улаживать контракт по их усмотрению. Со своей стороны шведский посланник просил у великой княжны согласия на брак в течение аудиенции, которую он получил для того, чтобы сделать формальное предложение. Обручение было назначено на вечер 10/21 сентября.

Этот день был днем величайшего огорчения и даже унижения, которое когда-либо испытывала счастливая, властная Екатерина. Всем придворным было приказано собраться на торжество в тронный зал. Молодая великая княжна в подвечном уборе, в сопровождении своих юных сестер, великих князей и их супруг, всех дам, кавалеров и великого князя-отца вместе с великой княгиней⁴⁷, прибывших из Гатчины на помолвку дочери, появилась к семи часам вечера. Сама императрица прибыла во всем блеске: недоставало только жениха, неторопливость которого сразу же всех удивила. Частые появления и исчезновения князя Зубова и нетерпение, в котором была императрица, вскоре возбудили любопытство и шушуканье дам. Что случилось? Не захворал ли король? Он по меньшей мере неучтив... Как он осмелился заставить ждать таким образом *государыню* в ее тронном зале и собравшийся двор! Между тем король, ожидаемый, как супруг одиннадцати тысяч дев⁴⁸, все не появлялся.

Вот что было причиной этого странного запоздания. Король должен был отправиться ко двору в семь часов вечера. В шесть дипломат Морков привез ему контракт и статьи договора, которые он только что сочинил вместе с Зубовым. Густав, прочитав его, очень удивился, так как обнаружил там такие условия, о которых не договаривался с Екатериной. Он спросил, от нее ли исходит то, что ему предлагали подписать*.

На утвердительный ответ Моркова он возразил, что это невозможно. Он заметил, что не желал стеснять свободы совести великой княжны и она могла в час-

* Непременным условием было, чтобы принцесса имела свою часовню и собственный клир в королевском дворце, а также известные обязательства против Франции, которые содержались в большом секрете. Еще более секретные обязательства, данные регентом Директории, удерживали его⁴⁹. Можно

тной жизни исповедовать свою религию, но у него не было права позволить ей иметь часовню и причт в королевском дворце; что публично, а также на всех официальных церемониях она должна была, напротив, придерживаться веры его страны. Представьте себе удивление и замешательство Моркова: он был вынужден забрать свои бумаги и донести Зубову, что король отказывается их подписать. Он вскоре возвратился в величайшем волнении и сказал, что императрица уже находится в тронном зале в окружении всех придворных, что нет возможности с нею говорить, что она ожидает принца и все надеются на то, что он удержится от выходки, которая была бы несказанным оскорблением для ее величества, юной великой княжны и всего государства. Безбородко и многие другие прибывали один за другим, увещевая, убеждая, умоляя короля ехать. Все шведы, к которым приступали с вопросами, склонялись к уступке. Регент довольствовался словами, что это зависит от короля. Он отвел его в сторону, сделал с ним круг по комнате и, по-видимому, сам уговаривал его, нашептывая ему что-то на ухо. Король громко ответил: «Нет, нет, я этого не хочу! я не могу! я ничего не подпишу!» Он сопротивлялся всем внушениям, всем надоеданиям русских министров и, наконец, раздосадованный этими приставаниями, удалился в свою комнату и запер дверь, сказав перед этим еще раз, ясно и определенно, что отказывается подписать что-либо, не согласное с законами его страны. Русские министры пребывали в ослобнении от дерзости короля-ребенка, который отважился таким образом противиться их государыне, и стали договариваться о том, как объявить ей об этой катастрофе.

Если бы твердость, которую обнаружил молодой Густав в этом случае, была неотъемлемым качеством его души, если бы те настояния, с которыми обращались к нему его советники, не были деланными, то его поведение обещало бы шведам величайшего государя. И в этом случае нельзя было бы не восхищаться семнадцатилетним принцем, которого в этом случае одна любовь должна была бы покорить. К чести регента, однако, следует полагать, что увещания, с которыми он, по-видимому, обращался к племяннику, были притворными и что он желал только свалить на упрямство короля свое собственное сопротивление, которое могло навлечь на него месть Екатерины. Большая часть шведов из свиты Густава была в самом деле пленена и очарована. Эти молодые придворные, в глазах которых свадебные подарки имели большую ценность, были чрезвычайно удручены тем, что свадьба расстроилась. Посол Стединг вел довольно хитрую игру, но граф Флемминг⁵⁰ открыто сказал, что он никогда не посоветует королю предпринимать действия, противные законам королевства.

заподозрить, что четыре обещанных и уже частью полученных миллиона сильно повлияли на то отращивание, которое он обнаружил к действиям против Франции. У него была манера выставлять вперед свою шляпу, держа ее в руке, что давало придворным повод к самым язвительным замечаниям.

Эти споры между русскими министрами и королем продолжались почти до десяти часов. Екатерина и ее двор все еще ожидали. Нужно было, наконец, доложить ей, что все потеряно. Князь Зубов с таинственным видом подошел к ней и начал шептать ей что-то на ухо. Она поднялась, пролепетала какие-то слова и почувствовала себя дурно: с ней случился даже легкий удар⁵¹ — предвестник того, который несколько недель спустя свел ее в могилу. Императрица удалилась, и двор был распущен под предлогом внезапного недомогания короля. Однако истинные причины вскоре сделались известны всем. Одни были возмущены дерзостью малолетнего короля Швеции, другие — неблагоразумием мудрой Екатерины, так легко допустившей, чтобы с ней обошлись подобным образом; особенное негодование вызывала самонадеянность Зубова и Моркова, которые надеялись провести шведов и воображали, что заставят их экспромтом подписать брачный контракт.

Самой трогательной жертвой этого глупого лукавства и жестокой надменности была прелестная Александра. Ей едва хватило сил на то, чтобы вернуться к себе в апартаменты, и там, не удерживая более слез, она предалась в кругу своих гувернанток и фрейлин скорби, которая не оставила равнодушными приближенных и сделала ее на самом деле больной. Через день после такой непредвиденной развязки приходились именины великой княгини Анны Федоровны*. По придворному этикету полагался бал. Никто не хотел на нем танцевать. Король, однако, приехал; императрица тоже появилась на мгновение и ничего ему не сказала. Даже Зубов, очевидно, дулся на короля Швеции. Смущение читалось на всех лицах. Александра была нездорова и отсутствовала. Король танцевал с другими великими княжнами, побеседовал минуту с великим князем Александром и вскоре уехал, приветствуя всех еще вежливее, чем обыкновенно. Это было его последнее появление при дворе. Дни торжеств, пышности и празднеств внезапно сменились днями уединения и скуки, и никогда король при иностранном дворе не проводил таких печальных и неприятных минут. Все были больны или притворялись больными. Симпатия, которой заслуживал Густав и которую внушала Александра, всех располагала в их пользу. Ее жалели за то, что она пострадала от чужого тщеславия и скудоумия, его — за то, что он вынужден был принести жертву, которая так дорого должна была стоить его сердцу**. Совершенно открыто проклинали Зубова и

* Супруга великого князя Константина, урожденная принцесса саксен-кобургская⁵².

** Он женился потом на принцессе Фредерике Баденской, сестре великой княгини Елизаветы⁵³. Несмотря на обаяние своей молодой супруги, он, как известно, не наслаждался тем счастьем, которое обещал столь прекрасный союз; и следует опасаться, что Александра, которая, говорят, должна выйти замуж за эрцгерцога австрийского, будет не более счастливой. Увы! предчувствие автора сбылось слишком скоро. Эта прелестная великая княжна, которую действительно выдали за великого герцога, палатина венгерского, только что умерла в возрасте семнадцати лет: «И, роза, она прожила столько, сколько живут розы»⁵⁴. Трудно найти более прекрасный и трогательный сюжет для г-жи Лафайет⁵⁵ — она могла

Моркова; ничего не понимали в поведении императрицы; сама она предавалась страшной досаде. Утверждают, что ее униженные фавориты уговаривали ее прибегнуть к насилью над молодым принцем, который был в ее власти. Она проводила целые дни почти в полном одиночестве в своем Таврическом дворце под тем предлогом, что там празднуется освящение церкви, но на самом деле для того, чтобы скрыть от глаз придворных свои терзания и чтобы еще раз поговорить со своим клиром и фаворитами о том затруднительном положении, в котором она очутилась.

Попытались немного уладить дело. Король еще раз неофициально виделся с ней, а министры несколько раз собирались на совещания. Густав наконец вывернулся, объявив, что, поскольку он не может по шведским законам согласиться на то, чего желает императрица, он посоветуется об этом со штатами, которые будут собраны в его совершеннолетие, и если штаты согласятся на то, чтобы королева осталась в греческом законе, он пришлет сватать великую княжну. Русский депотизм, в негодовании на то, что слышит такие речи от короля, тщетно подстрекал его к тому, чтобы пренебречь мнением штатов и предлагал ему необходимые силы для их усмирения в случае бунта. Но от короля невозможно было добиться другого решения.

Таков был итог этого путешествия, о котором официальные документы едва осмеливались говорить. Король уехал в тот самый день, когда праздновали рождение великого князя Павла*, через восемь дней после разрыва. Он оставил сильное раздражение и досаду у императрицы⁵⁶, много скорби и любви в сердце великой княжны, которая была больной и печальной, и общее сожаление, соединенное с уважением к нему. Несмотря на непредвиденную катастрофу, был произведен обмен подарками (чтобы не породить новых толков в публике), и русские были тем более удивлены богатством и изящным вкусом даров шведского короля, что его стремились представить *бедным маленьким мальчиком*.

Если во всей этой истории так мало говорилось о великом князе Павле, так это потому, что о нем никто не вспоминал, как в отношении его детей, так и в связи с тем, что касалось государства. Он пребывал в своем дворце в Гатчине, и в течение всего визита шведского короля, который продолжался около шести недель, его видели в Петербурге только один или два раза. Великая княгиня, его жена, напротив, трижды или четырежды в неделю совершала это скучное и утомительное путешествие, стремясь присутствовать на праздниках и требовать возвращения, по крайней мере внешне, своих материнских прав и обязанностей. Эта добыла из истории Александры русской создать произведение, которое было бы достойной парой к истории принцессы Клевской.

* Теперешнего императора; 20 сентября по старому стилю или 7 октября по новому.

рая великая княгиня говорила: “Если замужество всех моих дочерей будет стоить мне таких же мучений, я умру от этих ужасных дорог”. Король был для вида один раз в Гатчине и Павловском. Павел и регент казались слишком несхожими людьми, чтобы сойтись друг с другом. И в этом случае с первого раза было видно, что он одного мнения со своей матерью, и даже превосходит ее в строгости и приверженности православному греческому вероисповеданию. Вероятно поэтому странности Павла поставили бы столько же препятствий счастьем его дочери, сколько тщеславие Екатерины и бестолковость ее министров*. Одного костюма шведов: их короткой одежды, шинелей, лент и круглых шляп — было достаточно для того, чтобы внушить ему неисцелимое отвращение.

Этот сорвавшийся насильный брак поистине покрыл позором русских дипломатов, а для старой императрицы должно было быть очень унижительным данное ей позволение употреблять такие жалкие средства. Кроме того, не пострадало ли достоинство русской державы оттого, что она оказалась в столь затруднительном положении при устройстве своих милых великих княжон и ей пришлось прибегать к такому количеству больших и малых плутней для того, чтобы выдать их замуж? Нет сомнения, что безмерно честолюбивая Екатерина, казалось, поставила себе задачей сделать эти браки как можно более трудными: она, как некогда мадемуазель де Монпансье, убила их мужей пальбой из пушек⁵⁹. Король польский, герцог курляндский, даже господарь молдавский — вот подходящие супруги, которых она могла бы им предоставить.

Впрочем, какое бы будущее ни ожидало великих княжон, они, без сомнения, будут счастливее, чем немецкие принцессы, вышедшие замуж в России: участь всех их самая жалкая. Известна ужасная судьба Софии Брауншвейгской, супруги достойного сожаления царевича Алексея⁶⁰; жизнь регентши Анны⁶¹, несчастной матери не менее несчастного Ивана III, была еще печальнее. Разве не мрачен был жребий великой княгини Наталии Дармштадтской⁶², первой супруги Павла? Кого

* Через несколько дней после восшествия на престол Павел пришел в апартаменты своих дочерей и стал шутить над одной из их фрейлин по поводу ее скорого замужества. “Что касается моей дочери Александры, — прибавил он, — то ее нельзя выдать замуж, потому что ее нареченный еще не умеет писать”. Он только что получил письмо от шведского короля, секретарь которого пропустил в адресе несколько титулов самодержца и между прочими совершенно новый титул герцога курляндского. Чтобы в будущем никто не смог допустить такой преступной ошибки, Павел издал указ, в котором пространно повелевал титуловать его так, как ему угодно. Он принимает титулы всех древних княжеств, как будто необъятная русская империя нуждается в испанском нагромождении имен для того, чтобы казаться великой и могущественной. Они составляют добрую страницу⁵⁷, и он желает, чтобы их перечисляли даже в ектеньях. И вправду этот царь достоин одного из своих предшественников, который объявил войну Польше⁵⁸ лишь из-за того, что его не поименовали согласно со всеми его титулами. Известно, впрочем, что Павел был на волосок от возобновления войны со Швецией и что он довершил несчастье своей милой дочери, вынудив своими поступками шведского короля отказаться от нее навсегда.

не трогали огорчения, которые выпали на долю Марии Вюртембергской, теперешней императрицы? Кто не жалеет теперь юную принцессу саксен-кобургскую, сделавшуюся добычей великого князя Константина? Надеюсь, мне не посмеют возразить, ссылаясь на Екатерину, великую Екатерину! Убийца своего мужа⁶³, не была ли она самой несчастной из жен? Единственное исключение, которое я вижу в этом ряду несчастливых супругов, составляет Елизавета Баден-дурлахская: ее собственный характер и в особенности нрав ее мужа, по-видимому, обещают ей более счастливую жизнь*.

Юные и трогательные жертвы, которых Германия, по-видимому, отправляет в дань России, как некогда Греция посылала своих девушек на съедение Минотавр, сколько тайных слез вы пролили в бездушных апартаментах, в коих вы заключены? Сколько раз вы обращали ваши взоры и вздохи к милым жилищам, где вы провели годы детства? О, если бы ваши дни протекали в объятиях супруга вашей национальности, в благословенном небом климате, среди более счастливого и просвещенного народа, при менее пышном и развращенном дворе, — разве такая участь не предпочтительнее? Цепи, которые вы носите, только тяжелее оттого, что они сделаны из золота. Окружающая вас роскошь, драгоценности, которые на вас надеты, не принадлежат вам, и вы не рады им; если любовь своим обаянием не скрашивает для вас обитель мук и скуки, она скоро становится для вас только ужасной темницей. Поистине ваш удел может вызвать слезы даже у тех, кто вам завидует: титул русской великой княгини, столь блестящий и привлекательный, подтверждал до сих пор только право на исключение из счастья.

Что можно сказать о недостатке гордости у немецких принцев, посылающих в Россию своих дочерей, которых там выбирают, как грузинских невольниц, приводимых в сераль турецкого султана? Та из принцесс, которая благосклонно принята, несчастна, а те, которых отсылают обратно, оскорблены: ведь выделяемое им приданое и чересчур щедро украшающие их ленты свидетельствуют лишь о том, что сами они были предложены, осмотрены и отвергнуты. Обычно мать этих принцесс совершает далекое путешествие, чтобы сторговаться таким образом за одну из своих дочерей, выставляя их всех на постыдные смотрины. Конечно, времена изменились: когда тиран Иван Васильевич, такой же жестокий, но менее странный, чем Павел, желая сблизиться с государями Европы, просил себе в жены сестру Августа Сигизмунда⁶⁴, короля польского, последний, шутя с грубостью, до-

* К несчастью, этого исключения уже более нет. Павел, который всегда терпеть не мог эту принцессу, сейчас является ее преследователем. Ярость, в которую его привело известие о браке шведского короля с ее сестрой, по-видимому, увеличила его ненависть к ней и ее родителям, и она более не смеет открыто с ними переписываться. Тиран в своей империи, он таков же и в кругу семьи: он запрещает здесь основные, самые справедливые и естественные чувства.

стойной его века и, без сомнения, того представления, которое у него составилось о русском великом князе, отправил ему белую кобылу, одетую в женское платье. Теперь по первому знаку русского самодержца немецкие князья спешат снарядить в дорогу самых красивых из своих дочерей, сопровождаемых их матерями, чтобы великие князья могли отобрать тех, кто им подойдет, и отослать других назад с конфузом, которого не могут скрыть ни кружева, ни драгоценности, ни деньги. Самодержцы обходятся теперь с германскими принцессами точно так же, как они когда-то поступали с дочерьми своих холопов, которых они собирали к себе в терем, чтобы выбрать себе самую красивую. Как же, повторяю, немецкие князья могли подчиниться этой постыдной повинности и так мало уважать скромность и нежную чистоту своих дочерей?

Из всех жертв, доставленных таким образом в Россию*, две юные принцессы баден-дурлахские оказались самыми интересными и очаровательными. Их мать⁶⁷, урожденная принцесса дармштадтская, уже побывала здесь в юности вместе с сестрами, одна из которых имела несчастье стать первой женой Павла. Эта принцесса, любезная женщина и достойная мать прекрасного семейства, не пожелала вновь появляться на зрелище, где она сама некогда была выставлена, со своими дочерьми. Она доверила их графине Шуваловой, вдове автора «Послания к Нинон»⁶⁸, принявшей на себя эту сделку, как и некто Стрекалов⁶⁹: он вел себя подобно казачку, которого послали похитить грузинских девушек для сераля султана.

Эти принцессы после длинного и мучительного путешествия прибыли в Петербург глубокой осенью 1792 года, ночью, в ужасную погоду, что, по всей вероятности, произвело на них самое удручающее впечатление. Их поселили во дворец, который занимал Потемкин, где их и приняла императрица в сопровождении своей фаворитки г-жи Бранишковой⁷⁰. Юные принцессы сначала ее приняли за Екатерину, но, когда графиня Шувалова вывела их из заблуждения, они бросились к ногам императрицы и со слезами лобызали ее платье и руки, пока она не подняла и не расцеловала их. Потом их оставили ужинать без присмотра. На следующий день государыня прибыла к ним, когда они еще занимались своим туалетом, и привезла им орден св. Екатерины, драгоценности и ткани. Она велела показать

* Екатерина велела приехать в Россию одиннадцати немецким принцессам⁶⁵, чтобы оделить ими своего сына и внуков: трем принцессам дармштадтским, которых доставила их мать; трем принцессам вюртембергским (последние доехали только до Пруссии: Фридрих⁶⁶ один только потребовал, чтобы великий князь проявил учтивость и проделал хотя бы половину дороги); двум принцессам баденским и трем принцессам кобургским, привезенным опять-таки матерью. Юный король шведский совершил три заграничных путешествия, чтобы найти себе жену, а для младшего из русских великих князей трех принцесс заставили приехать из глубин Германии!

ей их гардероб и, осмотрев его, сказала: “Друзья мои, я не была так богата, как вы, когда прибыла в Россию”^{*71}.

Юные великие князья виделись с ними в тот же день у бабушки. Старший, который уже догадывался о цели их приезда, казался задумчивым, смущенным и почти все время молчал. Екатерина сказала, что, зная мать этих принцесс и тот факт, что французы завоевали их отечество^{**}, она велела им приехать, чтобы воспитать их при своем дворе. По возвращении к себе великие князья много говорили о них⁷³, и Александр сказал, что старшая показалась ему очень хорошенькой^{***}. “Ах, нисколько! — вскричал младший. — Они вовсе не красивы, ни одна ни другая; их нужно отправить в Ригу, к курляндским принцам, они хороши только для них”^{****}.

Между тем слова Александра были доложены бабушке. Она пришла в восхищение оттого, что он нашел красивой именно ту, которую она для него предназначала и которой, по-видимому, также была очарована. Екатерина находила, что Луиза баденская похожа на нее саму, какой она была, когда приехала в Россию. Она велела принести свой портрет, который был написан в эту пору, сравнила его с принцессой, и всякий, как можно думать, был совершенно убежден, что две капли воды не более сходны. С этого времени она чрезвычайно привязалась к принцессе Луизе, удвоила нежность к Александру и с еще большим удовольствием занялась проектом оставить свой трон непосредственно им⁷⁴.

Юные иностранки впервые появились при дворе в тот день, когда там принимали польских депутатов: они благодарили великую Екатерину за честь, которую она только что оказала их республике, соблаговолив присвоить себе три четверти ее территории^{****75}. Принцессы были настолько же ослеплены окружающим их

* На склоне дней Екатерина часто говаривала: “Я приехала в Россию бедной, но расквиталась с государством: Таврида и Польша — вот приданое, которое я ему оставляю”.

** Это было в то время, когда де Кюстин покорял Германию⁷².

*** Она на самом деле была восхитительно прекрасна. При русском дворе по красоте с ней могла сравниться одна великая княжна Александра. Ее сестре было всего тринадцать лет, и черты ее лица еще не определились, но в ней было что-то еще более пикантное и одухотворенное.

**** Эти принцы были воспитаны так, как если бы должны были царствовать, в один прекрасный день наследовав своему дяде. Старшего предназначали для второй великой княжны, Елены Павловны. Теперь в их судьбе все изменилось. Они — субалтерн-офицеры в войсках Павла, а старший только что сослан в инвалидный гарнизон. Его мать, супруга курляндского принца Карла, молила Павла о снисхождении к ее сыну, но получила через петербургскую газету, в которой он приказывает печатать свои решения по частным ходатайствам, ему подаваемым, следующий ответ: “Принцессе Бирон, просящей о возвращении из ссылки ее сына, — отказано”.

***** Тогда часть Польского королевства, или республики, еще существовала. Депутатов приняли, однако только как представителей подвластной провинции: они стояли с непокрытыми головами, а императрица сидела; она приветствовала их простым кивком после того, как они преклонили перед ней колени. Граф Браницкий⁷⁶, муж фаворитки, был оратором этого постыдного посольства, которое жела-

великолепием, насколько другие выказывали восхищение их расцветающей красотой. Но со старшей из них произошел случай, который заставил суеверных русских говорить, что она будет несчастлива в России. Приближаясь к трону Екатерины, она споткнулась о ступеньку и упала ничком. Пусть это печальное предсказание не сбудется!

В то время, когда ее сестра проводила дни в печали, оплакивая свою отчизну и родителей, воспоминание о которых не могла рассеять вся пышность двора, и когда ее, осыпав дарами, отправили, наконец, обратно (причем подарки меньше занимали ее, чем удовольствие в скором времени снова увидеть берега Рейна)*, принцесса Луиза, казалось, улыбалась судьбе, ее ожидавшей. Неизвестный утешитель родился в ее сердце и осушил ее слезы. Она полюбила молодого великого князя, который должен был стать ее супругом и был равен ей красотой и скромностью. Она от чистого сердца готова была делать все, чего от нее требовали: изучала русский язык, брала уроки греческого катехизиса и в скором времени уже могла публично исповедать свою новую веру; бородастый епископ совершил над нею таинство миропомазания, нанеся миро на ее нежные обнаженные руки и ноги, после чего она была провозглашена великой княгиней Елизаветой Алексеевной. Екатерина предпочла дать ей свое собственное отчество, а не называть ее по отцу, как это принято**.

ло, однако, произнести приветствие по-польски. Среди прочих глупостей он сказал: "Великая Екатерина соизволила сказать слово и сделать знак — и деспотизм, готовый захватить польский престол, пал, подобно идолу". Этим словом Екатерины была наглая брошюра, составленная Альтести⁷⁷, где все польские вельможи были представлены якобинцами, а король — мятежником; этим знаком были две армии, отправленные в Польшу⁷⁸, которые уничтожили и сожгли все, чего не могли разграбить; этим идолом деспотизма была Конституция третьего мая⁷⁹. О бесстыдство!

* Кроме большого количества подаренных ей бриллиантов, ее заверили в получении пенсионера, который должен был смениться приданым. Не знаю, выдала ли его Россия, когда она сделалась королевой Швеции. Среди подарков, которые ей вручили, была лента ордена св. Андрея для ее отца. Это главный в России орден, но Екатерина не знала даже числа его кавалеров; оказалось, что у принца баденского он уже был. Императрица, однако, не захотела, чтобы орден возвращали и позволила принцу отдать его сыну, в ту пору еще ребенку. Часто случалось, что офицеров награждали орденами, которые у них уже были. Один офицер тщетно хлопотал об иной награде: он носил два одинаковых креста. Впрочем, Екатерина, временами столь щедрая, обнаружила смешную скупость, назначив гувернантке, которая сопровождала баденских принцев в Россию, ничтожную пенсию в 200 рублей, что возмутило даже двор Карлсруэ⁸⁰. Эти черты скарденности часто встречались среди щедрот Екатерины. Она охотно одаривала только тех, кто и без того имел слишком много; она предпочитала жаловать, а не награждать. В конце жизни она сделалась весьма скупой, в особенности по отношению к императорской фамилии, которая нередко нуждалась в самом необходимом, в то время как фаворит и его креатуры купались в роскоши.

** В том, что русские называют друг друга по имени и отчеству, есть что-то древнее и почтенное. Русский мог именовать императрицу, даже во время разговора с нею, Екатериной Алексеевной, то есть Екатериной, дочерью Алексея. Принцесса баденская должна была бы зваться Елизаветой Карловной, так как она дочь принца Карла. У греков также существует этот обычай, и мы могли бы говорить, удачно передавая русские окончания на греческий лад: Иван Василид, Александр Николаид и проч., как

Свадьба была сыграна в мае следующего года с пышностью и необыкновенными празднествами. Россия только что окончила три войны, почти одинаково победоносных⁴¹. Толпа генералов и офицеров, покрытых лаврами, которые они стяжали в этих кампаниях, умножила число придворных. Многие шведы — поклонники Екатерины, почти все преданные и покорные ей польские магнаты, татарские ханы, посланники великой Бухары, турецкие паши, греческие и молдавские депутаты, персидские суфии⁴² и французские эмигранты, которые просили и о мщении, и о покровительстве*, пополнили в это время ряды окружавших гордую самодержицу Севера. Никогда петербургский двор не являл зрелища столь блистательного и разнообразного. Это были последние счастливые дни Екатерины. Она обедала, восседая на троне, который стоял на возвышении посреди других столов. Осыпанная и увенчанная золотом и бриллиантами, она обводила ясным взором это громадное собрание, состоявшее из множества наций, и, казалось, всех видела у своих ног. Созерцая ее в окружении блестящей и многочисленной семьи, поэт мог бы принять ее за Юнону, находящуюся посреди богов**.

Приезд принцессы саксен-кобургской с тремя дочерьми, одна из которых сделалась супругой великого князя Константина, был менее замечателен. Русские даже позволяли себе отпускать колкие замечания насчет этих принцесс, смеясь над старомодностью и дурным вкусом их одежд. Их представили ко двору только после того, как обновили им гардероб. Константину не понравилась ни одна из них; он говорил, что у них ужасно немецкий вид, — до такой степени у него был русский вкус. Чтобы заставить его сделать выбор, пришлось подогреть его воображение; и тогда он, к сожалению, указал на младшую, маленькую брюнетку, которая обнаруживала ум и внушала интерес. Она заслуживала большего счастья, нежели то, которое обещал ей характер ее супруга, о коем нам еще представится случай упоминать.

говорят Алкид, Селевкид, Гераклд; это тем более удобно, что произношение и орфография отчужденных Васильевич, Николаевич и т.д. всегда затруднительны для француза.

* Однажды Екатерине одновременно представили явившихся к ней с просьбами юного Ришелье⁴³, персидского посланника, калмыцких депутатов и одного сумасшедшего русского старика, которого она, по просьбе Н. Салтыкова⁴⁴, сделала кавалером. Ришелье поцеловал ей руку со всей галантностью француза, персы — с восточной церемонностью, калмыки распростерлись на полу, а русский старик преклонил колена и возвел глаза к небу.

** Это сравнение не преминуло отразиться в строфе следующей эпиталамы⁴⁵:

Ни королева Фив среди своих дочерей,
 Ни Людовик, собравший всех сыновей,
 Не имели столь пышного окружения.
 Три поколения будут цвести перед ней,
 И она всегда будет очаровывать нас:
 Гордая тем, что она их мать, а не своим бессмертием.
 Такова Юнона в окружении богов.

ГЛАВА ВТОРАЯ ЕКАТЕРИНА II

Подробности ее болезни и смерти • Ее портрет • Ее характер •
Замечания о ее дворе, придворных, министрах • Влияние
французской революции на ее ум • Покровительствовала
ли Екатерина литературе? • Ее сочинения • Нравы и
памятники ее царствования

ребывание шведского короля в Петербурге, сопутствовавшие этому празднества, то оскорбление, которое было его следствием, — все это, несомненно, приблизило кончину Екатерины. В течение шести недель она была участницей непрерывных торжеств, что очень утомляло ее, так как уже с давних пор всходить и спускаться по дворцовой лестнице, одеваться и появляться на мгновение было для нее тем более тяжким трудом, что она всегда, даже через силу, старалась казаться молодой и здоровой и не желала пользоваться портшезом. Некоторые придворные, зная, как трудно ей было подниматься, не посчитались с затратами и превратили свои лестницы в удобные, устланные коврами пандусы, чтобы принимать ее в дни праздников и балов, даваемых ими в честь короля. Подобная галантность обошлась Безбородко в четыре или пять тысяч, и он пошел на такие расходы единственно ради того, чтобы облегчить Екатерине приезд в его дом*. К концу жизни Екатерина сделалась почти безобразно толстой: ее ноги, всегда опухшие, нередко были втиснуты в открытые башмаки и по сравнению с той хорошенькой ножкой, которой некогда восхищались, казались бревнами. Знаменитый пират Ламбро Кацони¹, которого некогда ввел к ней адмирал Рибас² по милости Зубова и который был при ней шутом, после того как откорсарствовал в Архипелаге, желал стать также ее доктором. Он убедил ее, что

* Пусть русские сиятельства и превосходительства, которые прочтут эти строки, не оскорбляются, увидев себя поименованными просто по фамилиям: я и желал бы облечь их во все титулы, как горькую пилюлю в красивую оболочку; но часто в тот момент, когда я писал, господин делался графом, граф — князем, а князь — принцем, советник — генералом, а комнатный лакей — превосходительством. Все с такой быстротой меняется под творческой десницей Павла, что я должен придерживаться одних имен.

знает вернейшее средство для исцеления ее ног, и сам ходил за морской водой, чтобы заставить ее ежедневно принимать холодную ножную ванну. Сначала она чувствовала себя от этого хорошо и вместе с Ламбро смеялась над советами врачей, однако вскоре ее ноги распухли еще больше, а вечера и движение, в котором она все время находилась, ухудшили дело. В тот момент, когда она узнала об отъезде короля и была вынуждена распустить двор, собранный для празднования помолвки ее внучки, она уже почувствовала легкий апоплексический удар. В последующие дни ей приходилось делать над собой усилия, чтобы появляться на людях с обыкновенным выражением лица и не давать другим заметить, что она изнемогает от досады, причиненной ей строптивостью “маленького короля”*. В силу этого кровь все сильнее прилиwała ей к голове, и тогда ее лицо, и без того излишне румяное, становилось то багровым, то синеватым, а ее недомогания участились.

Мне бы не стоило упоминать здесь о предвестиях и приметах ее смерти, но поскольку чудеса все еще в моде в России, как станет понятно из дальнейшего, то справедливо будет заметить, что вечером того дня, когда императрица выехала с королем к Самойлову, сверкающая звезда отделилась над ее головой от небесного свода и упала в Неву. Я могу даже (в подтверждение истинности мрачных предзнаменований) удостовериться, что об этом говорил весь город. Одни утверждали, что эта прекрасная звезда означает отъезд юной королевы в Швецию; другие, указывая на то, что крепость и гробницы государей³ находятся неподалеку от места, где, казалось, упала звезда, говорили (по секрету и с трепетом), что это возвещает близкую смерть императрицы. Подчеркиваю: именно шепотом и дрожа, потому что слова “смерть” и “императрица”, сказанные вместе, в России суть богохульство, что весьма опасно для всякого произнесшего их.

Несомненно, однако, что 4 ноября (по старому стилю) 1796 года Екатерина у себя в небольшом обществе, которое называли тогда маленьким эрмитажем⁴, была чрезвычайно весела. Она получила с пароходом, пришедшим из Любека, новости о том, что генерала Моро⁵ заставили отступить за Рейн, и написала по этому случаю австрийскому министру Кобенцлю⁶ очень шутивное письмо**. Она много смеялась над Львом Нарышкиным⁷, ее обер-шталмейстером и первым шутком, торгуясь с ним и покупая у него разного рода безделушки, которые он обыкновенно носил в кармане и предлагал ей, как это сделал бы коробейник, чью роль он иг-

* Таково уничижительное прозвище, которое она ему дала. Этот принц с раннего детства стремился к тому, чтобы его считали взрослым. Однажды он прогуливался по парку и услышал, как одна женщина крикнула другой: “Бежим на дорожку, посмотрим на нашего маленького короля!” Густав, обиженный, воскликнул: “Ах, сударыни! разве у вас есть большой?”

** Вот это письмецо, которое все повторяли: “Спешу донести Вашему превосходительному превосходительству, что превосходные войска превосходного государства совершенно разбили французов”.

рал. Она милостиво пожурела его за страх, который он испытывал перед известиями о смерти, сообщив ему о кончине короля сардинского⁸, о чем она тоже только что узнала, и много говорила об этом событии в тоне непринужденном и шутливым. Между тем она удалилась несколько ранее обыкновенного, почувствовав, как она сказала, легкие колики оттого, что слишком много веселилась.

На следующий день она встала в свой обычный час и велела войти фавориту, который оставался у нее с минуту. Потом закончила несколько дел со своими секретарями и отослала последнего из представившихся ей, попросив его побыть в передней, пока она не призовет его для завершения работы. Он дождался некоторое время. Но камердинер Захария Константинович⁹, обеспокоившись, что его не зовут и что из комнаты не доносится ни звука, открыл наконец дверь. Он с ужасом увидел, что императрица распростерта на полу в дверях, которые вели из спальни в гардеробную. Она была уже без сознания и без движения. Побежали к фавориту, который помещался в нижних покоях; позвали докторов; суматоха и уныние распространились вокруг нее. Возле окна разостлали матрас, положили ее на него и сделали ей кровопускание, промывание и оказали все возможные виды помощи, употребляемые в подобных случаях. Они произвели свое обычное действие. Императрица была еще жива, сердце ее билось, но она не подавала никаких иных признаков жизни. Фаворит, видя это безнадежное состояние, велел уведомить графов Салтыкова и Безбородко и некоторых других. Всякий торопился отправить своего курьера в Гатчину, где находился великий князь Павел; курьером Зубова был его собственный брат¹⁰. Между тем императорская фамилия и остальные придворные не знали о состоянии императрицы, которое держали в тайне. Только в одиннадцать часов — в это время она обыкновенно призывала к себе великих князей — стало известно, что она нездорова, а слух о том, что императрица больна, просочился лишь в час полудни. Но об этой новости говорили с большой таинственностью и робкими предосторожностями — из боязни себя скомпрометировать. Можно было наблюдать, как встречались двое придворных, в совершенстве осведомленных об апоплексическом ударе: они обменивались вопросами и ответами, остерегаясь друг друга, и шаг за шагом приближались к ужасному событию, изо всех сил стараясь одновременно до него дойти и таким образом получить возможность говорить о том, что они уже знали. Нужно часто бывать при дворе, и в особенности при русском, чтобы судить о важности таких мелочей и не находить их смешными.

Тем временем лица, которым случай или положение дали возможность первыми обо всем узнать, поспешили известить об этом событии своих родственников и друзей, потому что на смерть императрицы смотрели как на точку резкого поворота в государстве вследствие характера великого князя Павла и тех проектов или намерений, которые, как предполагалось, имелись на его счет у Екатерины.

Посему было чрезвычайно важно успеть заранее принять свои меры предосторожности. Таким образом, двор, а вслед за ним и весь город, находился в тревоге, волнении и ожидании.

Пять или шесть курьеров, почти одновременно прибывших в Гатчину, не застали там великого князя: он ушел вместе с придворными за несколько верст посмотреть на мельницу, выстроенную по его приказанию¹¹. Выслушав эту новость, он был поражен великой радостью — или великой печалью, потому что крайности сходятся и напоминают друг друга: подчас трудно различить эти проявления чувств. Вскоре он справился с волнением, обратился с несколькими вопросами к курьерам, распорядился относительно своего путешествия и совершил его с такой быстротой, что менее чем в три часа проехал расстояние в двенадцать лье¹², отделяющее Гатчину от Петербурга. Он прибыл туда вместе с женой в восемь часов вечера и застал всех во дворце в величайшем смятении.

Его появление соединило вокруг него нескольких министров и придворных. Остальные исчезли. Фаворит, предававшийся страху и скорби, выпустил из рук бразды государственного правления. Вельможи, занятые последствиями, которые это неожиданное событие могло иметь, устраивали каждый свои дела. Все придворные интриги оказались в одно мгновение расстроены, потеряв центр возможного объединения, как спицы колеса, ступица которого разбита.

Павел в сопровождении всей семьи направился к императрице, которая не обнаружила никаких признаков сознания при виде своих детей, собравшихся вокруг нее. Она неподвижно лежала на матрасе, и по ее внешнему виду нельзя было даже сказать, что она еще жива. Великий князь Александр, его супруга, юные принцессы заливались слезами и образовали вокруг нее самую трогательную группу. Великие княгини, придворные кавалеры и дамы оставались одетыми и не ложились спать всю ночь, ожидая последнего вздоха императрицы. Великий князь и его сыновья ежеминутно подходили к ней, чтобы быть его свидетелями. И следующий день прошел в таком же волнении и ожидании.

Павел, который не слишком скорбел о потере матери, так мало его любившей, занялся раздачей мелочных приказаний и всевозможными приготовлениями к восшествию на престол. Он уделял этому великому моменту своей жизни такое же внимание, с каким директор театра осматривает кулисы и машины перед тем, как поднять занавес. В самом деле, кажется, что смерть государя — только антракт комедии: так мало его личность занимает тех, кто его окружает, и даже его детей. Екатерина еще дышала, а все уже думали только о переменах, которые должны были совершиться, и о том, кто пришел ей на смену.

Тем временем апартаменты дворца мало-помалу наполнились офицерами¹³, которые приехали из Гатчины в таких смешных и необыкновенных мундирах, что

казались людьми из другого века или пришельцами из иного мира. Горе, страх или скорбь изображались на лицах старых придворных: они побледнели, осунулись и один за другим удалялись, освобождая место для вновь прибывших. Бесчисленное множество карет окружало дворец и загромождало улицы, которые к нему вели. Все те, у кого были здесь какие-нибудь знакомые, проводили у них целый день в ожидании событий. Выезд из города, впрочем, был запрещен, и не позволяли пропускать ни одного курьера.

Вообще считали, что Екатерина скончалась уже накануне, но политические соображения заставляли скрывать ее смерть. Верно, однако, что она все это время находилась как бы в состоянии летаргии. Лекарства, которые ей прописали, произвели свое действие: она еще двигала ногой и сжимала руку горничной. Но, к счастью для Павла, она навсегда потеряла дар речи. К десяти часам вечера она, по-видимому, вдруг собралась с силами и начала ужасно хрипеть. Императорская фамилия сбежалась к ней; но великих княгинь и княжон необходимо было избавить от этого страшного зрелища. Наконец Екатерина издала жалобный крик, который был слышен в соседних комнатах, и испустила последний вздох после тридцатисемичасовой агонии. В течение этого времени она, по-видимому, не страдала, кроме одного мгновения перед самой кончиной, и ее смерть оказалась такой же счастливой, как и ее царствование.

Хотя иногда полагают, что можно судить о любви, заслуженной монархами, по тому впечатлению, которое производит их смерть, но это почти не относится к России, где нельзя сделать такого наблюдения, если только не принимать двор за целую империю. Человек, всех больше потерявший со смертью императрицы¹⁴, тот, кого это событие низвергло с вершины величия в толпу, откуда вынес его фавор, был в то же время печальнее всех: его скорбь имела даже трогательный оттенок. Юные великие княжны, нежно любившие свою бабуку, с которой они были более близки, нежели с собственными родителями, также заплатили ей дань самых искренних слез: они смотрели на нее как на свое провидение, на источник своего счастья и удовольствий. Дамы и придворные, которые пользовались расположением Екатерины и входили в ее интимное общество, где она была очаровательно любезна, также оплакивали эту государыню. Даже фрейлины и придворная молодежь сожалели о беззаботных вечерах в Эрмитаже и о той свободе нравов и забав, которую она умела создавать и которой они противопоставляли солдатскую муштру и странный этикет, шедшие вслед за ней. Русские, остроумные и насмешливые, содрогались при мысли о необходимости уважать отныне людей, дотоле ими осмеиваемых и презираемых, и подчиняться порядку жизни, который был вечным и неисчерпаемым предметом их сарказма и колких словечек¹⁵. Женщины, прислуживавшие Екатерине, чистосердечно оплакивали добрую и великодушную гос-

пожу, ровное и мягкое расположение духа, благородный и гордый характер которой был выше всех мелких повседневных вспышек, отравляющих домашнюю жизнь. Действительно, если бы можно было судить о Екатерине как о матери семейства и считать дворец ее домом, а придворных — ее детьми, то здесь она, несомненно, заслужила слезы сожаления.

Многие другие особы также были бледны и пребывали в отчаянии, но эти-то неспособны были проливать слезы. Они имели вид скорее виноватый, чем печальный, и их скорбь не могла быть истолкована в пользу Екатерины. Это была та толпа креатур фаворита, вероломных министров, низких придворных и негодяев всех званий и положений, благосостояние и надежды которых покоились на злоупотреблениях ее царствования и ее превосходном характере. В это сборище плакальщиков необходимо включить и тех, которые принимали участие в перевороте 1762 года и играли тогда отвратительные роли обольстителей или палачей: они, казалось, пробудились от продолжительного сна, который отложил в долгий ящик их размышления, чтобы предаться страхам и даже, быть может, угрызениям совести.

Что касается народа, этого якобы пробного камня всех заслуг государей, а в России — камня неотесанного и попираемого ногами, как мостовые улиц, то трудно было отыскать что-либо подобное его равнодушию к происходившему во дворце. Распространялись слухи о том, что съестные припасы понизятся в цене, а власть господ над рабами будет ограничена законом и стеснена; но вскоре читатель увидит, как эти ожидания были обмануты Павлом. Знатнейшие обитатели города были в немом ужасе. Страх и всеобщая ненависть, которые внушал великий князь, казались, пробудили в это время любовь и сожаления, подобавшие Екатерине.

Точно такие же внезапные перемены произошли в облике блистательной столицы и особенно двора, прежде столь счастливого и изысканного; атмосфера свободы, непринужденности и учтивости, которая царила здесь, уступила место невыносимому гнету. Громко выкрикиваемые команды, звон оружия, грохот грубых сапог и шпор уже раздавались в апартаментах, где только что почил вечным сном Екатерина. Траур, в который облачились дамы, вызывающие смех одежды, которые напялили мужчины, язык, который все спешили себе усвоить, и перемены, что следовали одна за другой, привели к тому, что при встречах никто не узнавал друг друга, на задаваемые вопросы не получали ответа и говорили без взаимного разумеия. День св. Екатерины¹⁶, тем временем наступивший и праздновавшийся до толе с такой торжественностью, заставил с еще большим ужасом ощутить разорение и запустение, которые воцарились в этом лишенном прелести дворце — из сцены стольких празднеств и развлечений он превращался в поприще многих чудачеств.

В шестьдесят семь лет Екатерина еще сохраняла остатки красоты. Ее волосы были всегда убраны с античной простотой и особенным вкусом: никогда корона

лучше не венчала ничьей головы. Она была среднего роста, но довольно полная, и любая другая женщина ее телосложения не сумела бы держаться так пристойно и грациозно. В ее частной жизни веселье и доверие, которые она внушала, казалось, навсегда окружили ее молодежью, шутками и забавами. Ее собственная ласковость и простое обращение создавали непринужденную обстановку для тех, кто имел к ней доступ и присутствовал при ее туалете. Но как только она надевала перчатки, чтобы выйти и появиться в соседних апартаментах, она принимала совершенно иное обхождение и выражение лица. Из любезной и веселой женщины она вдруг превращалась в величественную и сдержанную императрицу. Тот, кто видел ее такой впервые, не разочаровался бы в том представлении, которое заранее о ней составил, и сказал бы: «Это точно она! Это и впрямь Семирамида Севера!» Не менее, чем к Фридриху Великому, к ней можно применить следующее изречение: «Praesentia minuit famam»¹⁷. Я видел ее в течение десяти лет один или два раза в неделю и всегда наблюдал за ней с новым интересом. Тщание, с коим я старался ее разглядеть, заставило меня воздержаться от низких поклонов, которые отвешивала ей толпа; похвала, которую я ей воздал, внимательно на нее смотря, вероятно, является для нее куда более лестной. Она ходила медленно и мелкими шагами; лоб ее был высок и ясен, взгляд спокоен, глаза часто опущены долу. Она здоровалась легким кивком, не лишенным грации, и улыбкой, являвшейся и исчезающей вместе с ним, как по заказу. Если она подавала руку для поцелуя иностранцу, то она делала это очень учтиво и обыкновенно говорила ему несколько слов о его путешествии и прибытии. Но именно в это время гармония ее лица нарушалась, и на мгновение вы забывали о великой Екатерине и видели перед собой всего только старую женщину: открывая рот, она уже не показывала зубов; голос ее дребезжал и был слаб, а речь лишена отчетливости в произношении. В нижней части ее лица было что-то жестокое и грубое; в ее светло-серых глазах — нечто лживое, а известная складка у основания носа придавала ей вид несколько злоедавший. Знаменитый Лампи¹⁸ написал ее недавно довольно похоже, хотя и чрезвычайно ей польстив. Однако Екатерина, заметив, что он не совсем забыл эту несчастную складку, которая отличает ее лицо, была весьма раздражена и сказала, что Лампи придал ей слишком серьезный и злой вид. Ему пришлось ретушировать и испортить картину, которая теперь кажется портретом юной нимфы. Трон, скипетр, корона и некоторые другие атрибуты заставляют все же признать, что это портрет императрицы. Впрочем, это полотно заслуживает внимания любителей, как и портрет теперешней императрицы работы того же мастера*.

* Знаменитая Лебрен, которая находилась в Петербурге и не удостоилась чести исполнить портрет императрицы при ее жизни, смотрела на нее в гробу и потом написала ее по памяти и воображению: этот портрет, хотя я видел только его набросок, очень похож. Вот шуточный совет, который дали

Что же до характера Екатерины, то я думаю, что он отразился в ее действиях. Царствование ее было счастливо и блестяще для нее и ее двора, но конец его принес неисчислимые бедствия разным народам и Российской империи. Все пружины управления были испорчены: любой генерал, губернатор, начальник департамента сделался в своей сфере деспотом. Чины, правосудие, безнаказанность продавались с публичного торга. Около двадцати олигархов под покровительством фаворита разделили Россию, грабили или позволяли грабить казну и состязались в обирании несчастных. Можно было наблюдать, как самые ничтожные из их слуг и даже их рабы в короткое время достигали значительных должностей и богатств. Кто получал триста или четыреста рублей жалованья и не имел иной возможности увеличить его, кроме как злоупотребляя своим положением, строил вокруг императорского дворца дома стоимостью в пятьдесят тысяч экю. Екатерина, далекая от того, чтобы расследовать нечистый источник этих сумасшедших состояний, гордилась видом столицы, украшавшейся у нее на глазах, и рукоплескала беспорядочной роскоши мерзавцев, которую она принимала за доказательство благоденствия своего государства. Никогда, даже во Франции, грабеж не был столь распространен и легок. Всякий, через чьи руки проходила некоторая сумма казенных денег для выполнения какого-либо поручения, нагло удерживал из нее половину, а потом делал представления о том, чтобы получить больше — под тем предлогом, что сумма была недостаточна. Ему или отпускали требуемое, или поручение оставалось невыполненным. Воры покрупнее потворствовали грабежу мелких ворюшек и были в нем соучастниками. Министр почты в точности знал, сколько приносила его секретарю каждая из его подписей, а полковник не стеснялся де-

г-же Лебрен, чтобы сделать картину совершенной: “Возьмите вместо полотна карту Российской империи, пусть фоном будет мрак невежества, драпировкой — раздели Польши, колоритом — человеческая кровь, наброском — памятники ее царствования, а тенью — шесть месяцев правления ее сына” и т.д. Впрочем, г-жа Лебрен не получила позволения написать ее при жизни потому, что государыня осталась недовольна картиной, изображавшей великих княжон Александру и Елену. Она находила рисунок ужасным, а краски — слишком кричащими. “Г-жа Лебрен, — говорила она, — написала двух великих княжон в образе маленьких савоярок”¹⁹. Прекрасные княгини Голицына, урожденная Шувалова, и Долгорукова, урожденная Б.²⁰ были иного мнения и не побоялись доверить свою красоту кисти г-жи Лебрен. Эти портреты принесли ей широкую известность, к неудовольствию Екатерины. Она написала потом портрет великой княгини Елизаветы²¹, почти не уступающий по красоте оригиналу. Так как здесь идет речь о портретах в собственном и переносном смысле этого слова, то нужно сказать следующее: читая критические замечания по поводу этих записок, автор был крайне удивлен придирками некоторых журналистов, которые упрекали его за то, что он не дал портрета Екатерины, хотя более, чем кто-либо иной, мог это сделать. Вот новое и неоспоримое доказательство того, что журналисты не читают сочинений, о которых говорят тоном цензоров. В настоящее время большая часть их сочиняет свои статьи так же, как архиепископ де Бомон²² свои папские послания. Теперь журналист — это богатый и влиятельный собственник привилегированной прессы, который отвечает: “Это мой редактор или мой сотрудник сделал или сказал такую глупость”. И такие журналы дают сейчас Европе представление о нашем вкусе, литературе и духе общества.

лить с генералом прибыли, которые он наживал на солдатах*. Начиная с главного фаворита и кончая последним чиновником, все смотрели на государственное достояние как на легкую добычу и бросались на него с тем же бесстыдством, с каким народ — на жареных быков, выставляемых ему в дни празднеств. Орловы²³, Потемкин и Панин²⁴ одни только занимали свои места с некоторым достоинством: первые обнаружили таланты и безмерное честолюбие, Панин же был более просвещен и отличался патриотизмом и добродетелями**. Если же говорить в общем, то не было ничего ничтожнее, чем вельможи последних лет царствования Екатерины. Не обладая ни знаниями, ни кругозором, ни воспитанием, ни честностью, они не имели даже того тщеславного чувства чести, которое по отношению к настоящему является тем же, чем лицемерие в сравнении с искренностью. Грубые, как паши, жадные, как мытари²⁷, хищные, как лакеи, и продажные, как субретки в комедии²⁸, они, можно сказать, были государственной сволочью. Их прихлебатели, креатуры, слуги и даже родственники наживались не за счет их великодушия, а путем притеснений, которые вершились их именем, и за счет торговли их влиятельным положением; впрочем, их самих грабили так же, как они обирали государство. Услуги, которые им оказывали, даже самые низменные, оплачивались из казны. Часто их прислуга, шуты, музыканты, личные секретари и гувернеры их детей получали жалованье из какой-нибудь государственной кассы, находившейся в их ведении. Некоторые старались отыскать лиц с талантами и уважали достойных людей, но ни те ни другие не приобретали состояния: они не давали им ничего даже не из скупости, а из отсутствия благотворительности. Для того чтобы оказаться у них в милости, необходимо было сделаться шутом, а извлечь из них пользу можно было, только превратившись в мошенника.

* Полковник был полновластным хозяином в своем полку: он ведал в нем всеми ротами, всей хозяйственной частью. Русская армия всегда жила как бы на иждивении тех стран, в которых находилась, будь то подчиненные, дружественные или враждебные России, ибо полковники прятали себе в карман все суммы, отводившиеся на ее содержание. Они пускали лошадей на луга, а солдат — к крестьянам на прокорм. Их жалованье составляет 700—800 р., но их прибыли от полка восходят до 15 и 20 тысяч. Императрица ответила однажды министру, который ходатайствовал перед ней за неимущего офицера: «Если он беден — это его вина: он долгое время командовал полком». Таким образом, воровство было дозволено, а честность почиталась глупостью.

** Так, он совершил один великодушный поступок, который не нашел подражателей. После того как воспитание великого князя, наставником которого он состоял, было закончено, императрица в числе прочих наград подарила ему семь тысяч крестьян и ничего не дала адъютантам, секретарям и другим сотрудникам Панина. Тот немедленно распределил между ними полученные им семь тысяч крестьян, и я видел некоторых офицеров, которые до сих пор богаты вследствие этого благодеяния. Этот прекрасный жест не может, однако, изгладить из памяти того, что три основных деяния, совершенных за время его министерства, были бедственны: обмен Голштинии на семь кораблей²⁵, которых Дания никогда не могла отдать; первый раздел Польши²⁶, породивший охоту к остальным; и воспитание Павла, чей характер делает его сейчас бичом России, — таковы печальные памятники, оставленные Паниным.

Таким образом, почти все люди с положением и весом были в это царствование выскочками. Новые князья и графы целыми роями рождались в дни именин Екатерины — в то самое время, когда во Франции стремились к их уничтожению²⁹. За исключением Салтыковых, не увидишь в милости ни одной знатной фамилии³⁰. Впрочем, всюду, кроме России, это не было бы злом, однако это обрушилось истинным бедствием на сию империю, где богатое дворянство является единственным классом, обладающим образованием, а порой и чувством чести. Впрочем, все эти новые люди были такими алчными пиявками, что их нужно было поить самой чистой кровью государства и потом народа. Часто менять правителей не накладно для страны, которая остается их наследницей; но чехарды фаворитов и министров, которые наживаются и разворовывают сокровища, достаточно, чтобы истощить всякий иной край, кроме России. Во сколько миллионов обошлось одно лишь то, чтобы последовательно задарить именьями двенадцать главных фаворитов? Сколько потребовалось средств для того, чтобы сделать богатыми и знатными вельможами всех этих Безбородко, Завадовских³¹, Морковых и других, слишком многочисленных, чтобы их всех можно было перечислить? Разве Орловы, Потемкины, Зубовы не накопили больше богатств, нежели короли? А торговцы их подписями и устроители их мелких развлечений — разве не стали даже они богаче, чем самые удачливые коммерсанты Европы?*

Насколько сановники Екатерины были милы и умеренны у нее на глазах, настолько же вдали от нее они были ужасны и творили произвол. Человек, который прямо или косвенно имел протекцию фаворита, изощрялся на месте своего пребывания в общественной тирании: он не боялся тех, кто превосходил его чином, притеснял подчиненных ему и безнаказанно нарушал правосудие, дисциплину и указы**.

Эта расхлябанность и глубокое внутреннее расстройство всего управления государством суть следствия в первую очередь политики Екатерины и уже потом — ее слабости. Но первая и основная причина этого коренится в развращенности нравов и характера народа, и прежде всего двора. Как, будучи женщиной, могла бы она исполнить то, чего не могли совершить деятельная дубинка и убийственный топор Петра I? Узурпаторша трона, на котором она хотела удержаться, она принуждена была ласкать своих сообщников: ценой преступления они купили себе

* Мне на глаза попалась книга, озаглавленная «Жизнь Екатерины II»³²; в ней автор подсчитал суммы, высосанные фаворитами. Но насколько же приводимые им цифры ошибочны и занижены! Да и как исчислить громадные богатства, приобретенные Орловыми, Потемкиными и Зубовыми, если эти фавориты черпали из государственной казны, словно из собственного кошелька?

** По смыслу и по привычке я хотел было употребить слово «законы» — но я говорю о России, где есть распоряжения и приказания (указы), а законов нет.

безнаказанность. Чужеземка в империи, где она правила, она хотела слиться с народом, усваивая его вкусы и предрассудки и даже лыстя им. Екатерина умела время от времени награждать, но была лишена способности карать, и, только позволяя употреблять во зло свою власть, она добилась того, что не потеряла ее.

У нее было две страсти, которые умерли только вместе с ней: любовь к мужчинам, выродившаяся в распутство, и любовь к славе, превратившаяся в тщеславие. Первая из этих страстей никогда не господствовала над ней до такой степени, чтобы сделать из нее Мессалину³³, но часто позорила ее величие и пол: в преклонных летах она оставалась по привычке такой, какой ранее была по темпераменту. Вторая страсть заставила ее предпринимать похвальные начинания, которые, однако, редко доводились до конца, и несправедливые войны, принесшие ей все же тот род славы, в котором нельзя отказать необыкновенным успехам.

Великодушные Екатерины, блеск ее царствования, пышность ее двора, ее учреждения, памятники и войны для России являются тем же, чем век Людовика XIV³⁴ был для Европы. Но лично Екатерина была более великой, нежели этот король. Французы создали славу Людовика, Екатерина создала славу русских. Она не имела, в отличие от него, преимущества властвовать над просвещенным народом и родиться окруженною великими людьми. У нее было несколько хитрых дипломатов и удачливых генералов, но, не считая Румянцева³⁵, Потемкина и Панина, ни одного гениального человека: ум и пронырливая ловкость некоторых министров, отвага и свирепость Суворова³⁶, талант и гибкость Репнина³⁷, случай, вознесший Зубова, способности Безбородко и усердие Николая Салтыкова не составляют исключения.

Это не потому, чтобы Россия не была богата достойными людьми. Но Екатерина их боялась, и они всегда оставались вдали от нее. Отсюда следует, что все, ею совершенное, принадлежит ей, особенно добро. Пусть картина злоупотреблений и язв ее царствования не бросит, однако, чересчур отвратительной тени на личный характер этой государыни! Она казалась глубоко человечной и великодушной. Каждый, кто к ней приближался, испытывал это; все те, кто узнал ее близко, восхищались чарами ее ума; все окружавшие ее были счастливы. Ее нравы были изысканны и распущенны, но всегда сохраняли некоторое внешнее приличие*; сами ее фавориты всегда ее уважали. Ее любовь никогда не внушала отвращения, а фамильярность — презрения: ее обманывали, обольщали, но ею никто никогда не управлял. Ее деятельность, правильность ее образа жизни, ее умеренность, мужество, постоянство, даже ее трезвость — таковы моральные качества, которые

* Все слухи, которые распространялись по Европе о ее оргиях, о шампанском и водке, которыми она напивалась, о гренадерах, которых она к себе приводила, и сотни других рассказов — чистойшей клеветы.

было бы слишком несправедливо приписать лицемерию. О, как бы она была велика, если бы имела такое же справедливое сердце, как ум! Она правила русскими менее деспотически, нежели самою собой: никто никогда не видел, чтобы она вспыхнула от гнева, погрузилась в бездонную печаль или предавалась неумеренной радости. Капризы, раздражение, мелочность совершенно не были свойственны ее характеру, и еще менее — ее поступкам. Я не берусь решать, была ли она на самом деле великой, но ее, несомненно, любили*.

Так как с самой юности она была напитана развращающими максимами, которые заражают дворы, а на троне окружена облаком ладана, сквозь которое невозможно как следует видеть, то было бы чересчур строго, если бы мы внезапно направили на нее свет разума и стали вершить над ней суд согласно его суровым законам. Станем судить ее, как судили бы двадцать лет тому назад, и будем думать, что Россия по отношению к народу еще обретается в веке Карла Великого³⁸. Друзья свободы должны отнести к Екатерине по меньшей мере с той же справедливостью, с какой благоразумные богословы подходят к тем великим и мудрым людям, на которых не снизошла благодать откровения. Преступления Екатерины были преступлениями против государства, но не против ее сердца. Женщина, которая, казалось, мысленно участвовала в бойнях под Измаилом и Прагой³⁹, в кругу своих придворных была воплощенной человечностью. Ей недоставало, пожалуй, одного — быть несчастливой, чтобы обладать более незапятнанными добродетелями. Но постоянно сопутствовавший ее армиям успех испортил ее. Тщеславие, этот камень преткновения для женщин, оказалось подводным камнем и для Екатерины, и на ее царствовании всегда останется отпечаток ее пола.

Однако с какой бы точки зрения ни пожелали рассуждать о ней, она всегда будет первенствовать среди тех, кто снискал восхищение человечества своим гением, могуществом и в особенности успехами. Ее женственность, придавая но-

* Было сочинено несколько четверостиший, которые могли бы стать как эпиграфией Екатерине, так и надписью к ее портрету. Но ни одно из них не отличается такой силой и не характеризует ее так хорошо, как приводимые ниже строки. Они принадлежат двум русским юношам, которые раскрывают прекрасные качества их ума посредством возвышенного характера и благородного сердца:

Возвышенным умом она заставила забыть
О страшных превышениях своей власти
И удержалась благодаря добродетелям
На троне, завоеванном преступленьем.

Следующее очень льстиво, но имеет не менее достоинств:

В лоне мира или среди войны
Всем своим врагам она предписывала закон:
Своими разнообразными талантами она удивила свет,
Она писала как мудрец и правила как царь.

вый оттенок великим качествам, проявленным ею на троне, поставит ее в истории выше всякого сравнения. Последующие поколения всегда будут вынуждены обращаться к легендарным временам Изиды⁴⁰ и Семирамиды в поисках женщины, которая совершила или хотя бы начала столь же великие деяния.

Последние десять лет ее царствования еще увеличили ее могущество, славу, а также, вероятно, ее политические преступления. По смерти Фридриха, этого великого человека, диктатора европейских государей, остался десяток коронованных голов. Не считая Иосифа и Густава, все эти головы, вместе взятые, не стоили одной ее, ибо она превосходила других монархов обширностью своего ума настолько же, насколько и величиной государства. И если Фридрих был диктатором этих королей, то она сделалась их деспотом. Именно тогда конец той политической нити, которая приводила в движение бедную Европу, как картонного плясуна, и еще раньше выскользнула из Франции, чтобы перепархивать от Берлина к Вене и Лондону, прочно держала в руках женщина, дергавшая за него по своему усмотрению. Громадная и таинственная империя, ей подчиненная, неисчерпаемые богатства, которые она извлекала из еще не истощенных земли и народа, чрезвычайная роскошь ее двора, варварская пышность вельмож, сокровища и королевское величие ее фаворитов, славные подвиги ее армий и гигантские замыслы, лелеемые ее честолюбием, заставили потрясенную Европу разинуть от изумления рот. Государя, которые не пожелали бы выказать почтение друг другу, не находили унижительным, что дама решает и распоряжается за них.

Но французская революция, столь прискорбная для королей, оказалась особенно пагубной для Екатерины. Поток света, внезапно хлынувшие из сердца Франции, как лава из огнедышащего кратера, бросили на Россию ослепительно яркий, подобный молнии луч. И там, где прежде видели лишь величие, славу и добродетель, глазам всех предстали несправедливость, преступление и кровь. Екатерина затрепетала от ужаса и негодования: французы, эти трубачи славы, льстивые и блестящие историки, которые должны были когда-нибудь поведать о чудесах ее царствования потомству, внезапно сделались для нее неумолимыми, устрашающими судьями. Тогда она увидела, как химеры ее воображения исчезают одна за другой: она хотела восстановить греческую империю⁴¹, утвердить законы, распространить философию, она покровительствовала искусствам — и все это стало ей ненавистно. Екатерина, как и многие другие коронованные мудрецы, по-видимому, любила науки лишь потому, что они, с ее точки зрения, могли приумножить ее славу. Она желала держать их в руке, как потайной фонарь, пользоваться их светом, распределяя его по своему усмотрению, и видеть, не будучи видимой сама. Однако устрешенная этой внезапной вспышкой разума, она стремилась его

задушить. Друг Вольтера*⁴², почитательница Бюффона⁴⁵, ученица Дидро⁴⁶ старалась с этих пор вновь погрузиться в варварство. Но тщетно желала она спрятаться от света: она почилла на лаврах и проснулась на трупах. Слава, которая, как она думала, прочно заключена в объятиях, обернулась в ее руках фурией. И законодательница Севера, забыв свои собственные мудрые изречения и свою философию, оказалась всего-навсего лишь дряхлой Сивиллой⁴⁷. Ее подлые фавориты, повсюду указывая ей только Брутов⁴⁸, якобинцев⁴⁹ и отравителей, добились того, что окружили ее ужасом и подозрениями. Их бред зашел так далеко, что в манифестах она называла мятежниками и бунтовщиками короля, который утверждал свои королевские полномочия, и дворянство, украшавшее его царствование⁵⁰: поляки были объявлены якобинцами потому, что не имели несчастья быть русскими**.

Что бы она ответила, если бы в спокойную минуту ей доказали, что она сама сильно подвинула вперед и укрепила эту французскую революцию, столь ей ненавистную? И тем не менее это так. Если бы, по своему легкомыслию, она не набросилась так на несчастную Польшу и не разжигала заговоры в Пруссии и Швеции, она не вызвала бы такого негодования всей Европы против нее самой и монархов вообще. Она не вынудила бы короля прусского⁵⁴ внезапно заключить мир и держаться настороже по отношению к ней. Она не пробудила бы раздражения Испании, употребляя против монарха и католической знати такое же оружие и те же самые обиды, какие были в ходу у испанцев против французов. За это Франция должна бы поставить ей памятник: она сделала политику ее врагов ненавистной и нелепой для самих монархов; она оказала республике ту же услугу, что демоноги своими нападками, а Питт⁵⁵ — своими интригами.

Екатерина на самом деле вовсе не покровительствовала литературе в своем государстве: словесность расцвела раньше, в счастливое царствование Елизаветы, которое было прославлено многими произведениями⁵⁶, способными доказать Европе, что русские могут оспаривать у нее славу всех родов***. Из тщеславия

* Во время революции она велела вынести бюст Вольтера из своей галереи и забросить его в угол. Она просила Фокса⁴³ подарить ей его изображение, когда этот красноречивый человек во главе оппозиции помешал своему правительству объявить войну России⁴⁴. Когда тот же самый Фокс воспротивился войне против Франции, она также приказала убрать его бюст, к которому всего лишь год назад относилась с таким уважением.

** Даже американцы сделались в эту пору ненавистны для Екатерины: она осуждала переворот, которым когда-то притворно восхищалась, называла Вашингтона⁵¹ бунтовщиком и публично заявляла, что честный человек не может носить орден Цинцинната⁵². Ланжерон⁵³ и некоторые другие эмигранты, награжденные этим орденом, поспешили от него отказаться и не надевали его более.

*** Быть может, когда-нибудь у автора этих мемуаров будут необходимые материалы и спокойствие, и тогда он сможет познакомить французов с русской литературой. Они будут изумлены, увидев, насколько она приближается к их собственной по тонкости, чувству, жизнерадостности и вкусу. В особенности русский театр скопирован с французского. Только разность в системах правления, языке и нравах наложила некоторый отпечаток на характеры обеих наций.

Екатерина покупала библиотеки⁵⁷ и собрания картин, содержала на пенсии льстецов, сама льстила знаменитым людям, которые могли служить трубным гласом ее славы; она охотно послала медаль или табакерку немецкому писателю, посвятившему ей какое-то подобоострастное сочинение. Но нужно было прийти издалека, чтобы ей понравиться, и уже иметь громкое имя, чтобы заслужить ее восхищение и особенно награду: если бы гений родился у нее под носом, она бы его не заметила* и еще менее ободрила. Между тем, ревнивая ко всякой славе, и в особенности к той, которую Фридрих, единственный и неповторимый, снискал своими сочинениями⁵⁸, она пожелала также ее завоевать. Она написала свой знаменитый “Наказ”⁵⁹, ряд нравоучительных и аллегорических рассказов для воспитания внуков и большое количество драматических пьес и пословиц, которые повелевала разыгрывать и встречать восхищением в Эрмитаже. Ее грандиозное и тщетное намерение собрать некоторые слова трехсот различных языков в словарь не было доведено до конца⁶⁰.

Из всего вышедшего из-под ее пера самое лучшее, бесспорно, — это ее письма к Вольтеру. Они куда интереснее писем старого придворного философа, который “продавал ей часы и вязал ей чулки” (как он сам говорит в одном из посланий), повторяя на сто ладов одни и те же мысли и комплименты и твердя о необходимости изгнать турок из Европы вместо того, чтобы посоветовать ей сделать русских свободными. Если замысел нового уложения доказывает великие и мудрые замыслы Екатерины, достойные государыни, то ее письма говорят об уме, изяществе и талантах, которыми она была одарена как женщина величайших достоинств, и заставляют сожалеть, что она была самодержицей и обладала безграничной властью.

Вся Европа огласилась рукоплесканиями, когда она напечатала свой “Наказ” Комиссии для составления Уложения**, и немедленно наградила ее титулом Законодательницы Севера. Екатерина созвала депутатов от разных национальностей своей обширной империи, но только для того, чтобы заставить их выслушать чтение и получить от них комплименты, потому что тотчас же после того, как они воздали ей свои хвалы, их отправили по домам: одних — в немилости вследствие их стойкости, других — украшенных медалями за угодливость⁶³. Рукопись Екатери-

* Многие архитекторы, живописцы, скульпторы, механики и другие артисты, щедро наделенные талантами, жили и умирали в неизвестности и нищете только потому, что были русскими. Самое большее, их имена можно обнаружить в каких-нибудь топографических описаниях или в записках некоторых иностранных путешественников, воздавших им больше справедливости, нежели их отечество.

** Известно, что ее “Наказ” был включен в список запрещенных во Франции книг⁴¹: Екатерина и Вольтер вместе поиздевались над этим. И что же? Кто бы мог подумать, что двенадцать лет спустя все французские книги будут преследоваться в России и что полицеймейстер той же самой Екатерины конфискует в Петербурге у книгопродавца Гея “Обращение к народу” Тиссо⁴², говоря, что народ не нуждается ни в каких обращениях и что книга эта опасна.

ны была заключена в драгоценный ларец для показа любопытным иностранцам. Оставили что-то вроде комитета для редактирования законов. И когда фавориты или министры имели каких-нибудь протезе, которых не знали, куда пристроить, или шута, которого хотели содержать, ничего на него не расходуя, они добивались их назначения в члены этого комитета, чтобы выдавать им за это жалованье*. И все-таки Европа повторяла, что в России есть законы, потому что Екатерина составила введение к своду, скомпилированное из разных книг, и подчинила сотню различных народов одному режиму рабства**.

Среди пьес ее сочинения, которые она заставляла играть в городских театрах***, есть одна, написанная в новом жанре: это ни трагедия, ни комедия, ни драма, ни опера, но собрание сцен всех родов под названием “Олег, историческое представление”⁶⁸. Она была разыграна на празднествах в честь последнего мира с турками с необычайной пышностью и великолепными декорациями: более семи сотен лиц появляются на сцене. Сюжет целиком взят из русской истории и воспроизводит целую эпоху. В первом акте Олег полагает основание Москве. Во втором он в Киеве, где женит и утверждает на троне своего питомца Игоря. Древние обряды царских свадеб представлены занимательнейшими сценами и чудесными картинками, сотканными из игр и народных танцев, которые и показываются на подмостках. Олег отправляется потом в поход против греков: видно, как он проходит со своим войском и отплывает на кораблях. В третьем акте он находится в Константинополе. Император Лев, вынужденный заключить перемирие, принимает этого героя-варвара с величайшим великолепием. Он сидит за пиршественным столом, а молодые греки, девушки и юноши, поют ему хором хвалебные песни и исполняют перед ним древние греческие танцы. Последняя декорация представляет ипподром, где Олегу показывают зрелища из Олимпийских игр: второй театр высится в глубине сцены, и на нем перед двором разыгрывают эпизоды из Еврипида по-гречески. Наконец Олег прощается с императором и прибывает свой щит на колонне, дабы засвидетельствовать свой поход в Константинополь и пригла-

* Автор этих мемуаров знал, между прочим, некоего Митрофана Попова, шута, пустосвята и толкователя снов у одной придворной дамы, который числился членом этой комиссии: он никогда не слышал ни слова о “Наказе” Комиссии для составления Уложения и не умел читать!

** “Наказ” Комиссии для составления Уложения настолько точно заимствован у Монтескье⁶⁴ и Беккариа⁶⁵, что г-н Ф... де Б..., который обязался его перевести, не мог придумать, как сделать это лучше, чем переписывая текст у этих прославленных писателей. В этом можно убедиться по его переводу, напечатанному в Лозанне у Грассе. Именно от сего почтенного человека автор узнал об этом факте.

*** Они написаны на русском языке. Г-н Державин⁶⁶, секретарь Екатерины, известный другими сочинениями, слышет их автором, по крайней мере он поправляет их слог. Достоверно известно одно: у нее в распоряжении никогда не было человека, который бы мог написать за нее по-французски письмо к Вольтеру. Одар⁶⁷ и Обри, состоявшие в это время ее секретарями, не владели пером так хорошо, как она; автор этих писем, бесспорно, она сама.

свить своих преемников когда-нибудь сюда вернуться. Эта пьеса, безусловно, в русском духе и в особенности в духе Екатерины. В ней отразились ее заветные проекты и намерение поработить, наконец, Турцию, в то же время празднуя с ней мир. На самом деле это просто-напросто великолепный волшебный фонарь, в котором перед глазами зрителя проходят различные предметы. Но сама идея показать в театре, как бы во многих картинах, великие исторические события кажется мне более интересной, чем горловые упражнения наших певцов и любовные интриги, на коих держатся наши трагедии.

Екатерина не любила ни стихов, ни музыки и часто говорила об этом; в антрактах она не могла выносить игры оркестра и обыкновенно велела музыкантам молчать. Этот недостаток впечатлительности в женщине, столь богато одаренной в других отношениях, кажется явлением удивительным. Он объясняет, почему Екатерина, обладая таким умом и кругозором, могла быть вместе с тем столь бесстрастной и жестокой*. У себя в Таврическом дворце она обедала, имея перед глазами две отвратительные картины, на которых изображены ужасные бойни при Очакове⁶⁹ и Измаиле, где Казанова⁷⁰ с чудовишной достоверностью передал ручьи текущей крови, оторванные и трепещущие части тел, ярость убийц и судорожную агонию жертв. На этих кошмарных полотнах останавливались ее глаза и воображение в то время, когда Гаспарини и Мандини⁷¹ пели или Сарти⁷² дирижировал оркестром, исполнявшим какой-нибудь концерт.

Та самая императрица, которая писала комедии, нежно любила Сегюра⁷³ за его ум, слушала даже иногда его стихи и вдохновила его на создание «Кориолана»⁷⁴, пьесы всецело республиканской; та императрица, которая заставляла своих старых придворных, и в особенности графа Штакельберга** и австрийского

* Из сатирических эстампов, осмеивавших русскую императрицу (они печатались в Польше), особенно замечателен один, под названием «Пиршество Екатерины». Здесь императрица изображена сидящей за столом в одиночестве. С одной стороны несколько казаков подают ей окровавленные части тел шведов, поляков и турок, только что изрубленных ими. С другой, как бочки в подвале, выстроились молодые обнаженные мужчины. Старая матрона посредством онанической операции извлекает из этих живых емкостей жидкость, наполняет ею чашу и подносит Екатерине для питья. Под этой жестокой карикатурой можно прочитать стихи, ей соответствующие; их нельзя перевести сколько-нибудь приличным образом, но вот в нескольких словах их смысл: так как ты слишком любишь мужчин, ешь их плоть и пей их самую чистую кровь.

** В маленьком обществе Екатерины играли во всевозможные игры — в фанты, шарды и другие салонные игры, в волечко. Там можно было видеть, как старые, больные подагрой придворные старались сделать прыжок, а однажды великий князь Константин сломал руку графу Штакельбергу, грубо взялся с ним и повалил его на землю. Сегюр играл там прежде роль, которая больше соответствовала его положению и уму. Среди стихов, которые он сочинил в честь императрицы, есть одна эпитафия собачке⁷⁵. Она часто цитировалась и заслуживает внимания. Эти строки дышат французской учтивостью:

посла*, разыгрывать перед ней смешные фарсы, отозвала и разжаловала одного из своих посланников за то, что он умно излагал свои депеши, писал изящные французские стихи, был автором трагедии и желал прославить свою родину, сочиняя исторические хвалебные строфы в честь великих людей России. Это был князь Белосельский⁷⁸, возглавлявший миссию в Турине, человек достойный и со вкусом; он употребил большое состояние на покровительство искусствам и много ума — на собственные упражнения в них**.

За исключением путешествий знаменитого Палласа⁷⁹, исторических исследований трудолюбивого Миллера^{***80} и некоторых других работ по естественной истории, ни одна книга, достойная известности в других странах, не прославила России в царствование Екатерины****. Естественная история и математика —

За ее верность
Небо, зная ее нежность,
Должно дать ей бессмертие,
Чтобы она всегда была подле своей госпожи.

* Наверное, ни один посол не состоял еще так долго и благополучно при одном дворе, как граф Кобенцль в России: он был назначен на это место еще Марией Терезией⁸¹, и все ее преемники с тех пор оставляли его при исполнении этой должности. Этот человек имеет неблагородную и неуклюжую наружность, но он очень умен и обладает именно тем складом ума, который забавляет женщин. В течение десяти лет он был верным поклонником престольной княгини Долгорукой, Екатерина также любила его общество. Его страстью были комедии: он не только любил смотреть на игру других, но и сам выступал на сцене; и все это у него выходило совсем недурно. Когда ему было около шестидесяти лет, он выставил себя на посмешище тем, что регулярно брал уроки пения. И часто курьер из Вены, привозя ему известие о каком-нибудь событии или поражении, заставал его перед зеркалом: он разучивал роль, облаченный в костюм графини д'Эскарбарья⁷⁷ или Крушильяка. Дурные новости, кои он получал из Вены в продолжение войны, не мешали ему постоянно давать у себя праздники, балы и спектакли. Вошло даже в обыкновение говорить, узнавая об очередной победе Бонапарта: "Прекрасно! Значит, в субботу будет бал у посланника". Екатерина, задетая за живое этой драматической горячкой, сказала однажды: "Вот увидите, он прибережет свою лучшую пьесу на день вступления французов в Вену".

** Он сделался известен многими стихами, и в особенности "Посланием к французам", где он сам кажется французом и "венчает их лаврами, возвращающимися к нему". Вольтер написал ему лестное письмо, где повторил в его адрес комплимент, который некогда сделал знаменитому автору "Послания к Нинон".

*** Это тот самый Миллер, который написал такую основательную критику на недоверную историю Петра I⁸¹; Вольтер отозвался о нем следующим образом: "Это немец; желаю ему побольше ума и поменьше согласных". Вольтер очень удивлялся, что русские притязают знать свои имена, названия провинций и городов России лучше, чем словарь Ламартина⁸², и что они огорчаются, когда видят их искаженными. Он упрямо писал Руману, Шувалу и проч. вместо Романов и Шувалов, как будто бы окончания, придуманные им, были менее грубыми, чем окончание слова Шантелу⁸³. Он не хотел писать русские имена так, как они произносятся, однако, чтобы показать, что он глубокий знаток китайских имен, он старался как можно чаще писать Конфуцзе, которого мы называем Конфуций⁸⁴.

**** Многие славные немецкие литераторы: Клиггер⁸⁵, смелый и едкий мыслитель, и Коцебу⁸⁶, драматический писатель, талант которого порой бесчестят плагиаты, — творили в России. Но они остерегались, в особенности первый, печатать здесь свои произведения. Коцебу, однако, заслуживал того, чтобы ему простили его достойные сочинения за его "Ланганса", который является плохим подражанием "Кандиду"⁸⁷, за перевод сочинений Державина и за его "Бегство в Париж". Топографические и статистические

единственные науки, в которых русские хоть несколько продвинулись с помощью немцев. Между тем ни один народ не находится в столь благоприятных условиях для того, чтобы оказать более существенные услуги науке. Естественная история и история древняя должны ожидать от нее самых удивительных открытий. Руины двадцати разрушенных городов свидетельствуют о том, что Маньчжурия и Монголия были некогда населены цивилизованными народами, а памятники, еще и теперь открываемые в этих местах, служат подтверждением превосходных научных концепций Бюффона и Байльи⁸⁹, которые в настоящее время более систематически оправдываются, по-видимому, учеными трудами и любопытными открытиями Кювье⁹⁰. Целые библиотеки были обнаружены под руинами Аблайкита⁹¹ и в колоссальных развалинах, которые тянутся вдоль берегов Иртыша. Тысячи рукописей на неизвестных языках и множество манускриптов, написанных по-китайски, по-калмыцки и по-маньчжурски, истлевают в пустынных отделениях Академии: они были бы куда целее, если бы оставались под развалинами до тех пор, покамест их не раскопали бы менее варварские правительство или народ.

Лучшая история России — это, бесспорно, история Левека⁹². Екатерина ненавидела это сочинение, как и труд аббата Шаппа⁹³, и задала себе огромную работу, справляясь с древними хрониками, чтобы отыскать какие-нибудь недочеты и ошибки у этого уважаемого историка. И все потому, что он двадцать лет назад имел мужество намекнуть, что Екатерина была убийцей Петра III и Ивана. В остальном он оказал русскому народу неоценимую услугу: он один, благодаря труду, терпению и таланту, сумел сделать для иностранцев хоть сколько-нибудь интересной такую отвратительную и отделенную от остального движения времени историю, какова история России до царствования Петра I*. Но кто сможет когда-нибудь достойным образом написать историю Екатерины?^{**} До наших дней любое историческое сочинение было только сборником отдельных событий, умело заключенных в изящную рамку сюжета таким образом, чтобы на их фоне можно было кие труды изящного Шторха⁹⁴ заслуживали бы еще одного исключения, если бы он напечатал их в том же виде, в каком написал.

* Лица, которые пожелали бы выполнить эту задачу лучше Левека, должны, вместо того чтобы критиковать слабые стороны его труда, как это сделал Леклерк⁹⁵, провести десять лет в России, выучить язык, исследовать нравы, справиться с древними летописями, с историями Татищева⁹⁶, князя Щербатова⁹⁷ и в особенности с огромными материалами, оставленными Миллером, Бакмейстером⁹⁸ и другими.

** Этим человеком сможет быть только кто-нибудь из русских — я звал одного или двух таких; но ему нужно будет писать подальше от родины. А пока это случится, ни один иностранец, не знающий ни лиц, ни нравов, ни страны, сколько бы он ни втискивал разрозненные исторические факты в раму искусно выдуманного сюжета и ни называл своей книги «История Екатерины II», не сочинит ее истории. Подобными отписками можно было бы довольствоваться, если бы речь шла о китайском императоре. Впрочем, ясно, что анонимный автор, о котором я говорю, имел в распоряжении несколько хороших мемуаров, повествующих о различных периодах истории. Однако если бы те, кто доставил ему эти материалы, сами могли написать книгу, в ней было бы меньше ошибок относительно мест, лиц и дат.

выделить нескольких людей и создать занимательную картину. Доказанные факты — как бы жемчуга и гранаты, которые историк берет по своей прихоти и нанизывает на белую или черную тесьму, представляющую собою его план: истина появляется здесь лишь тогда, когда оказывается уместной. Бессмертный автор “Карла XII”, “Петра I” и “Века Людовика XIV”⁹⁸ говорит даже, что речь идет скорее о том, чтобы рассказать о вещах полезных, чем передать истину; как будто ложь может принести пользу! Он писал графу Шувалову⁹⁹: “Пока я не придумал, как мне приукрасить ужасное событие — смерть царевича, я начал другое сочинение”. Разве это язык историка-философа? О, если у вас нет мужества говорить правду, то почему же вы не отбросите пера историка? Если и позволительно приукрашивать чудовищные происшествия, то только в трагедии или эпической поэме. Цель истории не в том, чтобы прославлять человека, а в том, чтобы просвещать народы и наставлять правительства.

Перед смертью Екатерины большая часть памятников ее царствования уже находилась в руинах: законодательство, новые поселения, воспитание, учреждения, фабрики, здания, больницы*, каналы, города, крепости — все было лишь начато и оставлено прежде, нежели окончено. Как только очередной проект рождался в ее голове, она бросала все остальное, чтобы заниматься единственно им до тех пор, пока новая идея не увлекала ее. Она предала забвению законодательный свод для того, чтобы изгнать турок из Европы. После славного мира в Кайнарджи¹⁰⁰ она, по-видимому, занялась внутренним управлением, но все было брошено ради того, чтобы сделаться царицей Тавриды. Возник проект восстановить престол Константина¹⁰¹; за ним последовал план унижить и наказать короля Швеции. Захватить Польшу было потом самой сильной ее страстью, и тогда новый Пугачев мог бы дойти до самого Петербурга и беспрепятственно его захватить. Она умерла, помышляя о новом разгроме Швеции, о разрушении Пруссии, снедаемая яростью при виде торжества республиканских идей во Франции. Таким образом, она беспрестанно была увлечена новым желанием, более сильным, чем предыдущее; это заставляло ее забывать как о целом, так и о частностях своего правления.

По случаю возведения многих на самом деле еще не выстроенных зданий были выбиты медали, как, например, в честь мраморной церкви, которая вот уже в течение двадцати лет все стоит в лесах¹⁰². Многих других сооружений и вовсе никто никогда не видал. Петербург загроможден развалинами громадных зданий, которые обрушились прежде, нежели были заселены. Подрядчики и архитекторы кра-

* Одна из основанных Екатериной лечебниц все же заслуживает упоминания как своеобразное учреждение: она предназначена для приема пятидесяти женщин, страдающих венерическими заболеваниями. Приходящих не спрашивают здесь ни об имени, ни о роде занятий; с ними обходятся заботливо, с вниманием и скромностью. Это последнее слово даже вышито на белье, которое выдается больным.

ли деньги, а Екатерина, имея план или медаль у себя в кабинете, верила, что постройка закончена, и более ей не интересовалась.

Петербургский альманах называет более двухсот сорока городов, основанных Екатериной; это много больше того количества населенных пунктов, которые были разорены ее армиями, однако эти так называемые города — всего-навсего жалкие поселки, которым она изменила название и статус именным указом, то есть высочайшим повелением ее императорского величества; почти так же недавно Павел приказал яхту переименовать во фрегат*. Многие из этих городов — просто столбы, где написано их название и указано их будущее местоположение. В ожидании, пока они будут застроены и в особенности заселены, они фигурируют на картах России как центры будущих епархий**.

Правда, что князь Потемкин приказал построить настоящие города и гавани в Крыму. Это очень красивые клеточки, но птиц там еще нет, и те, кого пытаются привлечь, быстро умирают там от печали, если не могут улететь прочь. Русское правительство — угнетатель и завоеватель, русский — воин и разоритель: с тех пор как Таврида присоединена к империи, она пустынна***.

Эта мания Екатерины все делать вчерне, ничего не доводя до конца, дала Иосифу II повод обронить острое словцо. Во время путешествия по Тавриде¹⁰⁵ она пригласила его присоединиться к церемонии основания города Екатеринослава, первый камень которого она только что заложила с большой торжественностью.

* Он на самом деле отдал такое приказание.

** По приказанию Екатерины с большими издержками был выстроен (неподалеку от Царского Села) город София¹⁰⁶, размеры которого необычайны. Дома там уже рушатся и никогда не были заселены. Если таков жребий города, воздвигнутого у нее на глазах, то какова же должна быть участь тех, которые она основала в отдаленных пустынях? Но самый смешной город, без сомнения, Гатчина, основателем которой является Павел. Эти господа принимают людей за аистов, которых привлекают, укрепив колесо на крыше или колокольне. Начиная с превосходного Потсдама¹⁰⁴ и кончая смехотворной Гатчиной, все эти насильственные постройки доказывают, что настоящими основателями городов могут быть только культура, промышленность и свобода. Деспоты — всегда разрушители; они умеют строить и заселять только тюрьмы и казармы.

*** Один из моих друзей, ученый, путешествовал по заданию Академии по Тавриде с целью про- извести там разыскания. Однажды он остановился у хижины татарина, который жил на старинный лад и оказал ему гостеприимство. Мой друг, заметив, что хозяин печален, спросил его о причине. “Ох! у меня большое горе!” — “Не могу ли я узнать о нем?” — “Русские солдаты, стоящие лагерем по соседству от меня, ежедневно приходят и рубят на дрова плодовые деревья, которые кормят меня и дают мне тень, и скоро моя плешивая голова останется без защиты от палящих солнечных лучей”. — “Вам нужно жаловаться их начальнику!” — “Я жаловался”. — “Ну и что же?” — “Он ответил, что заплатит мне по два рубля за фруктовое дерево, срубленное в моем саду, и по столько же за каждое из тех, которые еще будут срублены. О, я не требую денег: пусть мне дадут, по крайней мере, умереть спокойно в тени деревьев, посаженных моими предками, или же мне придется последовать за моими несчастными братьями, которых вынудили бежать из отечества”. И слезы катились по белой пушистой бороде старика.

По возвращении Иосиф сказал: “Вместе с русской императрицей я свершил в один день великое дело: она положила первый камень города, а я — последний”.

Памятники, которые будут существовать в Петербурге со времен Екатерины до тех пор, пока их не поглотит трясина, — это великолепные набережные Невы и конная статуя Петра I¹⁰⁶. Но как ни прекрасен этот последний монумент, ему многого не хватает для того, чтобы он соответствовал тому представлению, которое можно себе составить по его выспренным описаниям. К нему можно применить следующие стихи Делиля:

Природа с высоты своих гранитных гор
С пренебрежением бросает долу взор
И видит смертного труд жалкий и ничтожный:
Природе подражать в величии не можно¹⁰⁷.

Идея поместить великого царя на диком утесе, на который он вскочил, а не на обыкновенном пьедестале, кажется новой и грандиозной, но она была весьма дурно воплощена. Скала, с бесконечными трудами перевезенная из Финляндии на берега Невы, была высотой в 20 и длиной в 40 футов; ее покрывал седой мох в несколько пальцев толщиной. Ее лишили грубых и естественных форм, чтобы придать правильные. Ее обтесали, отполировали, уменьшили по крайней мере вполовину. Сейчас это небольшой пригорок, задавленный огромным конем, и царь, который должен был оттуда видеть свою империю еще более обширной, чем он задумывал, едва может созерцать первый этаж соседних домов*. По странному противоречию, Петра I одели в то самое русское платье, от которого он силой отучал своих подданных. Если бы эта статуя имела пьедестал, соразмерный ее величине, это был бы достойный восхищения шедевр.

Было бы очень любопытно видеть картину Петербурга и его нравов в царствование Екатерины, исполненную во вкусе “Картины Парижа”, которая принадлежит перу мыслителя Мерсье¹⁰⁹. Но, как все гениальные произведения, она породила лишь дурные подражания, начиная с описания Берлина, сделанного и дополненного Николаи¹¹⁰, и кончая описанием Петербурга, автором которого является профессор Георги¹¹¹. Все эти работы столь же бедны мыслями и пользой, сколь они изобилуют мелочными подробностями. Граф Ангальт¹¹² сочинил в таком же духе описание императорского кадетского корпуса, директором которого он состоял. Здесь указано, сколько лестниц, ступеней, окон, дверей и труб насчи-

* Д’Орбейль посвятил Екатерине стихи, в которых находится следующая изящная строфа:

Благодаря твоим заботам дышит жизнью бронзовое изваянье,
Которое мы видим на скале Фетиды¹⁰⁸,
И царь обнаруживает, что его держава
Еще обширней, чем он полагал.

тывается в этом огромном здании. Все это может пригодиться трубочисту, который обязан содержать их в порядке, но чему это может научить общество?*

Г-н Шторх, молодой трудолюбивый и ученый ливонец, составил труд, названный им “Картина Петербурга”; его не следует смешивать с теми, о которых я только что упомянул. Но эта “Картина” так же походит на Петербург, как портрет работы Лампи — на Екатерину: это черно-белое изображение, без теней, о чем говорит в предисловии сам автор. Шторху не хватило одного, чтобы его произведение было совершенным, а именно возможности написать его в ином месте, кроме России. Он посвятил свою книгу Екатерине, которая наградила автора этой льстивой живописи, но вслед за этим выразила ему свое неудовольствие за то, что он напечатал французскими литерами свои написанные по-немецки статистические таблицы¹¹⁴, — другую работу, дающую весьма точные сведения о состоянии России.

Петербург, отдельные части которого отличаются исключительным великолепием и красотой, сильно напоминает набросок большого полотна, где уже виден лоб, похожий на чело Аполлона Бельведерского, и глаз, какой мог бы быть у гения, тогда как все остальное едва намечено неясными чертами и пунктиром.

Так как Петербург населен людьми различных национальностей, составляющими несколько колоний, то нет ничего сложнее, чем нравы и обычаи его обитателей. Неизвестно, в общем, какой тон, какая мода там господствует. Французский язык служит связующим звеном между разными народами, но там говорят и на многих других наречиях. Если собирается хоть сколько-нибудь многочисленное общество, то по очереди пользуются тремя языками — русским, французским и немецким. Но часто можно услышать, как в том же самом кругу греки, итальянцы, англичане, голландцы, азиаты говорят по-своему.

В Петербурге немцы — художники и ремесленники, чаще всего портные и сапожники; англичане — седельные мастера и негоцианты; итальянцы — архитекторы, певцы, продавцы картин и проч. Но неизвестно, что такое здесь французы: большая часть ежегодно переменяет свое положение. Один прибыл лакеем, сделался учителем и становится советником; случалось, что иной по очереди перебивал комедиантом, гувернером, торговцем, музыкантом и офицером. Нигде нельзя лучше заметить, насколько француз непостоянен, предприимчив, изобретателен и способен ко всему.

* Это описание Петербурга даже не точно в деталях. Оно оказывает честь автору этих мемуаров, называя его в числе писателей, там находящихся, но смешивает в кучу имена, должности и сочинения и делает одно лицо из генерала Мелиссино, майора М.¹¹³ и его брата. А сочинитель был между тем в Петербурге! И был знаком с ними! Верьте после этого описаниям.

Чтобы изучить нравы и характер каждой нации, нужно заглянуть в дома, потому что по-русски люди ведут себя только на улицах. У французов забавляются салонными играми, весело ужинают, напевают некоторые водевили, которые еще не позабыли; у англичан обедают в пять часов, пьют пунш, говорят о торговле; итальянцы музицируют, танцуют, смеются, жестикулируют, их разговор вращается вокруг спектаклей и искусств; у немцев разговаривают о науках, курят, спорят, много едят, изо всех сил стараются делать друг другу комплименты; у русских встречается смесь всех возможных обычаев, а чаще всего — азартная игра: это душа всех их собраний и удовольствий, но она не исключает ни одного из других развлечений. Иностранец, француз в особенности, после того как изездил негостеприимные края Пруссии и дикие поля Ливонии, бывает изумлен и очарован, найдя в обширной пустыне громадный, превосходный город, общество, забавы, искусства и вкус, которые, как он считал, существуют только в Париже.

В климате, подобном петербургскому, где едва-едва можно наслаждаться несколькими неделями хорошей погоды, с правительством, каково оно в России, где нельзя заниматься ни политикой, ни исправлением нравов, ни литературой, развлечения общественные должны быть стеснены, а удовольствия домашние доведены до совершенства. Роскошь и изысканные удобства, пышность и изящный вкус покоев, изобилие и утонченность яств, веселость и непринужденность разговоров вознаграждают человека, любящего удовольствия, за тот гнет, в котором природа и правительство держат его душу и тело. Танцы и празднества следуют друг за другом: каждый день может оказаться праздником, и человек находит в большом доме собрание шедевров всех искусств, товары со всех концов света, а часто, даже посреди стужи, — весенние сады и цветы.

Царское Село¹¹⁵ — обширный и печальный замок, постройка которого была начата Анной и закончена Елизаветой; Екатерина пользовалась им, а Павел его забросил. Местоположение его болотистое, окрестности пустынно и сады скучны. Памятники, которыми украсила их Екатерина, как и сооружения Петербурга, суть эмблемы ее характера. Рядом с обелисками, роstralными колоннами и триумфальными арками, воздвигнутыми в честь Орловых, Румянцева и русских воинов, которые покорили Архипелаг и в мгновение ока завоевали Лакедемонию, виднеются надгробия нескольких любимых собачек; неподалеку от них находится гробница, воздвигнутая ею милейшему Ланскому¹¹⁶, самому любимому из ее фаворитов, единственному, которого смерть вырвала из ее объятий. Вот каковы памятники трех различных родов службы, весьма сближенных друг с другом! Собака, любовник и герой для самодержицы, очевидно, совершенно одно и то же. Впрочем, все памятники славы и любовных привязанностей Екатерины в скором времени исчезнут в топких болотах, которые служат им основанием.

Египтяне, которые заставляли трудиться на себя покоренные ими народы, и римляне, которые грабили без разбора все нации, чтобы украсить Рим, выполнили колоссальные по объему работы. Постройки свободных греков отличались скорее вкусом и изяществом, чем величиной. И Россия до недавних пор оставалась единственным государством, где могли бы возвести эти удивительные сооружения, изумляющие нас в древнем мире, ибо люди здесь — рабы и ценятся не дороже головок чеснока, как в Египте. Поэтому в Москве и Петербурге вы видите гигантские здания, но при этом между этими двумя столицами, отстоящими друг от друга на умеренном расстоянии в двести лье, не существует даже шоссе, которое могло бы их соединить. Вот еще один из мертворожденных проектов Екатерины — и то, что она начала делать, служит лишь к тому, чтобы загроздить и сделать этот скучный тракт еще более неудобным. Екатерина предпочитала потратить два-три миллиона рублей на постройку печального Мраморного дворца¹¹⁷ для своего фаворита, нежели проложить дорогу, полезную для народа: дорога была для нее слишком заурядным делом*.

О Екатерина! ослепленный твоим величием, которое я наблюдал вблизи, очарованный твоими благодеяниями, которые столько сделали счастливыми, обвороженный тысячью прекрасных качеств, которым я в тебе дивился, я пожелал воздвигнуть памятник твоей славе. Но потоки крови, пролитые тобою, стеклись и ниспровергли его. Лязг цепей тридцати миллионов твоих рабов оглушил меня, судебный произвол и преступления, царствовавшие от твоего имени, привели меня в негодование; я ломаю свое перо и восклицаю: да не будет с этих пор славы без добродетели! И пусть порок и неправый суд на троне доходят до потомства, только увенчанные шипящими змеями Немезиды!¹¹⁸

* Павел, который вовсе не собирался завершать наиболее полезные начинания, предпринятые его матерью, както: набережные, каналы и дороги, создает в свою очередь церкви и дворцы. Их уже больше, чем нужно для того, чтобы вместить все императорские высочества всего мира и всех святых рая. Но наиболее многочисленные памятники, воздвигнутые им, — это манежи, казармы, гауптвахты и в особенности сторожевые будки. К счастью, все эти строения деревянные и едва ли продержатся долее, чем их основатель.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ФАВОРИТЫ

Екатерина возводит их обязанности в придворную
должность • Ее темперамент и великодушие в любви •
Ее бесстыдство • Водворение Зубова • Перечень двенадцати
главных фаворитов • Последние беспутства Екатерины •
Малый эрмитаж, маленькое общество • Умолчание

Елизаветы английской¹, Марии шотландской², Христины шведской³, у всех русских императриц и большей части тех женщин, которые были вольны в своих действиях, имелись фавориты или любовники. Вменять им это в преступление было бы делом малоучитливого ригориста. Но одна Екатерина II, воплощая легенды о царице Савской⁴ и подчиняя любовь, чувство и стыдливость, присущую ее полу, властным физиологическим потребностям, воспользовалась своей властью, чтобы явить миру единственный в своем роде скандальный пример. Дабы удовлетворить свой темперамент, она имела бесстыдство учредить придворную должность с полагавшимися при ней: помещением, жалованием, почестями, привилегиями и, самое главное, с четко предписанными обязанностями. Из всех должностей именно эта исполнялась наиболее добросовестно: краткого отсутствия, легкого недомогания того, кто ее занимал, было порой достаточно для того, чтобы его заместить. Кроме того, это было такое место, по отношению к которому августейшая государыня обнаруживала больше всего разборчивости. Думаю, не случалось такого, чтобы она определила к нему неспособного субъекта, и, если не считать периода междуцарствия (между Ланским и Ермоловым⁵), она ни разу не оставила этого поста вакантным даже на двадцать четыре часа.

Двенадцать фаворитов по званию и обязанностям сменяли друг друга на этом месте, сделавшемся первым в государстве. Многие из них, ограничиваясь несением основной службы и не имея никаких других достоинств, кроме умения хорошо ее выполнять, не пользовались влиянием за пределами спальни, ванной

комнаты и будуара. Другие обнаруживали честолюбие, смелость и в особенности самонадеянность, приобретали громадный вес в государстве и сохраняли власть над умом Екатерины после того, как потеряли ее сердце или отказались от ее интимных милостей. Третьи, утомив свою любовницу или растратив юность и здоровье на любовь к ней, не теряли ни ее благодарности, ни дружбы и, признанные неспособными обслуживать лично государыню, считались еще достойными служить империи.

Поистине замечательной чертой характера Екатерины является то, что ни один из фаворитов не навлек на себя ее ненависти или мшнения: между тем многие оскорбляли ее, и не всегда она покидала их первой. Ни одного из них не наказывали, не преследовали: те, кого она лишала своего расположения, уезжали за границу и там выставляли напоказ ее благосклонность, проматывали ее сокровища, а потом возвращались в отечество, чтобы спокойно наслаждаться ее благодеяниями. Между тем их ужасная любовница могла бы их уничтожить. Безусловно, Екатерина оказалась в этом случае выше всех распутных женщин, которые когда-либо существовали. Чем это объяснить: величием души или недостатком страсти? Быть может, она имела одну лишь плотскую потребность и никогда не любила по-настоящему; быть может, она еще уважала в своих любовниках ту благосклонность, которой сама их удостоила. Думается все же, что мужчина часто был для нее лишь орудием сладострастия, казавшимся ей более удобным, чем те фаллосы, которыми пользовались некогда жрицы Цереры⁶, Кибелы⁷, Изиды и даже пресвятой девы Марии. Далекая от того, чтобы истреблять их после того, как они отслужили свое, она предпочитала видеть в них трофеи своих подвигов и удовольствий.

Салтыков⁸, Орлов и Ланской были единственными, которых отняла у нее смерть. Другие, пережив ее любовь и имея возможность из досады раскрыть ее слабости или гнусности, мирно владели должностями или богатствами, которые делали их предметом зависти для целого государства. Она довольствовалась всего-навсего отставкой Корсакова⁹, которого застала на собственной постели в объятиях своей фрейлины, и уступкой Мамонова юной сопернице¹⁰. Несомненно, такие черты необычайно редки в женщине, любовнице и императрице. Далеко до этого великодушного и благородного поведения Елизавете английской, которая приказывала обезглавливать своих фаворитов и соперниц, и Христине шведской, которая повелела казнить одного из своих любовников у себя на глазах.

И все же Екатерина при всем выказанном ею гении, при всем том, что она старалась соблюдать хотя бы внешнюю благопристойность, должна была хорошо знать и сильно презирать русских, чтобы осмелиться так часто возвышать до себя молодых людей, выхваченных из толпы, и предоставлять им уважение и славословие

целой нации, не наделяя их никакими иными званиями, кроме тех, от которых ей следовало бы краснеть. Как могла она вообразить, что способность ей нравиться означает вместе с тем умение управлять? Ее любовнику довольно было провести с ней одну ночь, чтобы на следующий день воссесть подле нее на троне.

Достаточно будет в подробностях рассказать, как был определен к должности фаворита Зубов, последний любимец Екатерины, чтобы познакомить моих недругующих читателей с тем, каким образом это происходило и как Екатерина позорила свой возраст, пол и сан.

Платон* Зубов был молодым поручиком конной гвардии; ему покровительствовал Николай Салтыков, которому он приходился дальним родственником; один из моих друзей, снабдивший меня некоторыми материалами для этих записок, состоял тогда адъютантом Салтыкова. В этом качестве он часто оказывался по разным поводам рядом с Зубовым и даже стремился сидеть поближе к нему за обеденным столом. Зубов очень хорошо говорил по-французски; он получил некоторое воспитание, обнаруживал гибкий и образованный ум, немного рассуждал о литературе и музицировал. Он был среднего роста, но гибок, нервен и хорошо сложен. У него был высокий и умный лоб, красивые глаза, а его лицо не имело еще того натянутого, холодного и тщеславного выражения, которое не сходило с него впоследствии. Когда весной 1789 года Екатерина переезжала в Царское Село, он ходатайствовал перед своим покровителем о милости быть назначенным командиром сопровождавшего ее отряда и, получив это разрешение, обедал с Екатериной. Как только двор прибыл из Петербурга, разразился скандал с Мамоновым: этот фаворит был обвенчан и выслан. Из молодых офицеров один Зубов был на виду, и кажется, что именно этому счастливому для него стечению обстоятельств, а не обдуманному выбору Екатерины он был обязан своим возвышением. За отсутствием Потемкина, Николай Салтыков, бывший тогда в большом почете, ввел молодого Зубова к императрице и помогал ему с тем большим рвением, что надеялся найти в нем опору для противостояния надменному Потемкину, которому он один недоброжелательствовал при дворе. После ряда тайных бесед в присутствии ментора**, Зубов был испробован и направлен для более тщательного испытания к г-же Протасовой¹¹ и лейб-медику***. Отчет, который они представили, должно быть, оказался для него благоприятен: он был назначен флигель-адъютантом, получил в подарок сто тысяч рублей на шитье сорочек и был помещен в

* Это имя давало придворным повод говорить, что Екатерина кончила платонической любовью.

** Он был гувернером великих князей и министром военных дел.

*** Фрейлину Протасову по ее обязанностям называли испытательницей. Лейб-медиком был тогда Рожерсон¹².

апартаменты фаворитов со всеми полагающимися преимуществами. На следующий день все увидели, как этот молодой человек запросто подавал руку государыне; он был облачен в новый мундир, на голове у него красовалась большая шляпа с плюмажем. Шел он в сопровождении своего покровителя и других вельмож, которые шествовали позади с непокрытыми головами. А ведь накануне он толкался у них в передних.

По вечерам, по окончании карточной игры, Екатерина обычно распускала придворных и входила в спальню в сопровождении фаворита; иногда при этом присутствовали ее сын и внуки. Вот каким образом она безнаказанно оскорбляла свой двор и порождала презрение в душах тех, кто должен был ее уважать.

На следующий день старые генералы и прежние министры роились в приемных нового божка, и все падало перед ним ниц. Это был гений, которого углядел пронизательный глаз Екатерины. В его карман рекой потекли сокровища империи, и ничто не могло сравниться с бесстыдством Екатерины, кроме низости и позорной угодливости ее придворных*.

Может быть, вам будет любопытно прочитать здесь хронологический перечень главных фаворитов Екатерины, которые в той или иной мере управляли Россией от имени их августейшей любовницы.

СЕРГЕЙ САЛТЫКОВ

открывает этот список, и утверждают даже, что он получил первые ласки Екатерины, еще великой княгини, потому что физиологическое препятствие помешало сорвать их Петру III. Он слывет в России истинным отцом Павла. Любимый и счастливый Салтыков сделался несдержанным и стал ревновать. Елизавета почетным образом удалила его от двора, и он умер в изгнании**.

СТАНИСЛАВ ПОНЯТОВСКИЙ

быстро заставил Екатерину забыть о Салтыкове. Он был тогда польским посланником в Петербурге. Красивый, учтивый и умный, он понравился юной Екатерине, которая в скором времени назначила ему свидание, где он и был осчастливлен. Петр III смущал их иной раз, хотя он был мало ревнив и свою трубку,

* Однажды Зубов окотился и остановился со своей свитой на дороге, ведущей из Петербурга в Царское Село. Придворные, которые ехали ко двору, курьеры, почта, все кареты и крестьяне замерли на месте; никто не смел двинуться до тех пор, пока молодой человек не решил, что пора ехать дальше, и не освободил дорогу. А он оставался там долее часа, дожидаясь зайца.

** Салтыков был умен и обладал всем обаянием и тщеславием, свойственными молодому русскому вельможе. Он был единственным фаворитом, которого Екатерина выбрала из знатной фамилии. Ее политика тогда еще не властвовала над ее сердцем.

бутылку, любовницу¹³ и солдат предпочитал своей очаровательной жене. Известно, каким образом Екатерина, сделавшись императрицей, заставила дать польскую корону своему любовнику. Его злополучное царствование доказало, что, когда любовь возводит на трон, она бывает столь же слепа, сколь фавор, распределяя должности и власть. Станислав был любезнейшим из людей и ничтожнейшим из королей. Как столь малодушный человек мог хоть на мгновение снискать уважение Европы? И тем не менее, кто им не восхищался? Как противоречили друг другу его чувства, слова и поведение! На последнем заседании Сейма¹⁴ генеральный нунций Комар, видя его колебания, при всех сказал ему*: “Как, государь! Разве вы уже не тот человек, который, скрепляя своей подписью Конституцию 3 мая, клялся: “Пусть моя рука отсохнет раньше, чем я подпишу любовью противоречащий этому акт?” Вся Европа обвиняет вас в том, что вы ставленник Екатерины. Докажите же ей, по крайней мере, что она не зря дала вам корону, что вы умеете царствовать”. И все же недостойный Станислав через несколько дней подписал соглашение, которое во второй раз расчлняло Польшу; этим он формально признавал, что был только крамольником и бунтарем, утверждая разумную конституцию, дававшую ему как королю больше авторитета и обещавшую его подданным больше свободы и благополучия**. Если бы в это время он хотя бы сложил с себя королевское достоинство, которое бесчестил, то он мог бы внушить сочувствие к своей участи, но, не сделав этого, он заслуживал только презрения. Он не сумел ни быть королем, ни перестать им быть. Он не имел даже здравого смысла и гордости Арлекина, который, когда у него вырывают берет и он не может больше его защищать, бросает его на землю со слова-

* Этот честный поляк, произнося свою пламенную речь, был прерван на полуслове и выдворен из залы Раутенфельдом¹⁵ и Пистором¹⁶, русскими приспешниками, которые достойны сравнения с варварами Кречетниковым¹⁷ и Казовским¹⁸. Боже, что за дикие имена! Люди, которые их носили, были еще страннее. И вот эти-то два человека в мгновение ока завоевали Польшу и ниспровергли Конституцию 3 мая, на защиту которой, казалось, поднялся весь народ! Костюшко¹⁹ где ты был тогда?

** Он подписал его, однако, не без сопротивления. Он ответил Сиверсу²⁰, который требовал, чтобы он отправился в Гродно и сам стал во главе конфедерации²¹: “Я никогда не пойду на такую низость. Пусть императрица забирает обратно корону, которую она мне дала, пусть ссылает меня в Сибирь, пусть выгоняет меня из королевства пешего и с посохом в руке, но я не поступлюсь своей честью”. Его заперли, лишили пищи, ему угрожали, и тогда он возглавил конфедерацию. Полковник Штакельберг, племянник Игельстрема²², в конце концов поднес ему для подписания акт о разделе Польши. Читая его, Станислав заплакал: “Милостивый государь, милостивый государь, сжальтесь надо мною! Не заставляйте меня подписываться под своим позором!” Штакельберг сказал ему, что, принеся эту жертву, он сможет наслаждаться счастливой и покойной старостью; он вытер слезы и ответил: “Что ж! хотел бы в это верить”. Но когда вошла его племянница²³, он вместе с ней снова стал обливаться горячими слезами.

ми: “Нате, возьмите!” Он предпочел доживать свои дни опозоренным и приехал в Петербург, чтобы умереть там в унижении*.

Из всех фаворитов Екатерины одного Станислава ей нравилось унижать после того, как она его возвысила. Чувство собственного достоинства и любви к родине, которое, казалось, на мгновение одержало в сердце короля победу над благодарностью и раболепием, в глазах гордой царицы сделало из него преступника. Она была снисходительна в любви, но неумолима в политике, потому что гордость была самой сильной из ее страстей, и женщина в ней всегда подчинялась императрице.

ГРИГОРИЙ ОРЛОВ,

чей фавор был таким продолжительным и блестящим, чья история столь тесно связана с историей Екатерины, по-видимому, разделял с ней трон, на который сам ее возвел**. Он один обладал всей властью и почестями, впоследствии украсившими Потемкина и обременившими Зубова. В его характере было много благородства и твердости, которые он первый и обнаружил. Хотя он был молод и крепок, его брат Алексей***, силой равный Геркулесу, а телосложением наминавший Голиафа, был его товарищем в специальных обязанностях у ненасытной Екатерины, находившейся тогда в полном расцвете молодости и сил. Она имела от Григория признанного сына, названного Василием Григорьевичем Бобринским****²⁹,

* На одной из тех придворных церемоний, где Павлу нравилось чваниться со скипетром в руке, с короной на голове, с императорской мантией на плечах (так изображают иудейских царей на старинных картинах), сопровождавший его Станислав, удрученный старостью и усталостью, был вынужден присесть в уголке, пока к руке Павла подходили триста или четыреста придворных рабов. Тот заметил, что старый король сидел во время этой высочайшей церемонии, и послал к нему флигель-адъютанта с приказанием встать.

** Если в этих мемуарах так мало говорится о перевороте 1762 года, то по единственной причине: Европа достаточно о нем осведомлена из истории, написанной Рюльером²⁴ и вполне соответствующей тому, что в настоящее время знают и чему верят все. В России я много раз слышал о подробностях этого происшествия от людей, бывших в числе действующих лиц; и они почти совпадали с теми, о которых я потом прочел у Рюльера.

*** Этот Алексей Орлов был вместе с Пассеком²⁵ и Барятинским²⁴ одним из убийц Петра III. Впоследствии он прославился экспедицией в Архипелаг и в особенности битвой при Чесме, от которой получил свое прозвище Чесменский. Бесчестное похищение дочери императрицы Елизаветы²⁷, совершенное им в Италии, — девушки, которую Екатерина, по-видимому, принесла в жертву, как и Ивана²⁸, довершает его портрет, делая его ненавистным и гнусным, несмотря на все завоеванные им лавры. Вскоре вы увидите, как Павел отомстил убийце своего отца. В настоящее время он живет в изгнании в Германии, где тщетно пытается роскошью и издержками завоевать расположение окружающих. От него бегут и отворачиваются, как от ужасного чудовища.

**** Этот Бобринский очень похож на мать, и тот, кто смотрит на профиль Екатерины, отечкаленный на рубле, видит лицо ее сына. Он отличался разными шалостями и дебошами, хотя был и умен, и образован. Он был выслан в Эстляндию, но его брат Павел по восторженности на престол призвал его в Петербург и произвел в майоры конной гвардии; через некоторое время он оказался в немилости.

которого было велено воспитывать в кадетском корпусе; его гувернером сделался адмирал Рибас, в то время бывший преподавателем в этом учебном заведении. Две хорошенькие фрейлины, которых Протасова, камер-фрейлина императрицы, воспитала как своих племянниц, также слынут дочерьми Екатерины и Орлова. Именно для этого знаменитого фаворита по ее желанию был выстроен печальный Мраморный дворец, на фронтоне которого она с бесстыдством повелела высечь следующую надпись: “В знак благодарной дружбы”. По случаю путешествия, совершенного им в Москву для того, чтобы водворить там порядок и изгнать оттуда чуму, была отчеканена большая медаль. Он представлен здесь в образе Курция³⁰, бросающегося в бездну, с такой подписью: “И Россия рождает таких детей”. Но, бросаясь в другую* пропасть, он наилучшим образом служил Екатерине. Гатчинский замок³¹, в котором обитает теперь Павел, — еще один памятник князю Орлову. Двенадцать лет радостей и величия этого любовника утомили, наконец, его государыню, утвердившуюся на троне, и после долгой борьбы им завладел Потемкин. Торжество соперника и непостоянство Екатерины, которую Орлов вслух называл неблагодарной, произвели на него печальное действие: он потерял и здоровье, и рассудок. Надменный, могущественный, блестящий Орлов умер в ужасном безумии, пачкая лицо собственными испражнениями, которыми он питался, как другой Иезекииль**³².

ВАСИЛЬЧИКОВ³³,

которого провел Панин во время отсутствия Орлова, заполнял время между двумя гордыми соперниками. Он был для Екатерины только орудием наслаждений.

ПОТЕМКИН.

В один прекрасный день он смело завладел апартаментами своего предшественника и засвидетельствовал свою победу, сделавшись таким образом хозяином на поле брани, которое у него долгое время оспаривали. Его страстность, смелость, колоссальная физическая сила очаровали Екатерину. Он был единственным фаворитом, который сам осмелился сделаться ее любовником и тем избавил ее от

* Я видел весьма забавный рисунок. Екатерина Великая, стоя одной ногой в Варшаве, а другой в Константинополе, накрыла всех государей Европы своими широкими юбками, словно шатром. А они, подняв глаза и разинув рты, дивятся лучистой звезде, которая образует центр. Каждый из них произносит слова, соответственные его положению и чувствам. Папа римский восклицает: “Иисусе! какая бездна погибели!” Король польский: “Это я, я содействовал ее увеличению!” и проч.

** Многие утверждают, что Потемкин отравил Орлова растением, действие которого состоит в помрачении ума; русские называют его “пьяная трава”.

авансов, которые она всегда вынуждена была делать: по-видимому, он даже истинно и романтически был влюблен в нее*. Сначала он обожал свою государыню как любовницу, а впоследствии нежно любил как свою славу. Эти два великих характера казались созданными друг для друга: они любили друг друга и сохранили взаимное уважение, перестав быть любовниками; политика и честолюбие продолжали связывать их тогда, когда страсть уже освободила их от своих уз.

Я предоставляю путешественникам во всех подробностях рассказывать о пышности потемкинских праздников, о варварской роскоши его дома, о ценности его бриллиантов, а немецким писакам — повествовать, сколько в его библиотеке под видом книг было ассигнаций в переплетах, сколько он платил за вишни, блюдо которых он обыкновенно преподносил своей августейшей государыне в первый день нового года, и сколько стоило его любимое блюдо — стерляжья уха, как он посылал курьера за несколько сотен лье, чтобы тот доставил арбуз или букет его любовницам**. Тот, кто захочет увидеть его портрет, найдет его превосходно нарисованным в книге под названием «История Екатерины II». Подробности же политической жизни Потемкина завели бы меня слишком далеко. Один из моих друзей, который сопутствовал ему в его походах, пишет о нем сейчас заметки и лучше меня сможет удовлетворить любопытство, вызываемое этим необычным человеком.

Он создавал, или разрушал, или все баламутил, но при этом все животворил. Когда его не было поблизости, говорили только о нем, в его присутствии все смотрели только на него. Ненавидевшие его вельможи, которые играли некоторую роль при дворе, когда он был в армии, при виде его, казалось, уходили под землю и совершенно перед ним уничтожались. Принц де Линь³⁵, который писал ему льсти-

* Известна песня, которая начинается такими словами: «Как скоро я тебя увидел»; он сочинил ее, влюбившись в Екатерину. Она дышит чувством и заслуживает перевода. Вот что я помню: «Как скоро я тебя увидел, я мыслю только о тебе одной. Твои прекрасные глаза меня пленили, и я трепещу от желания сказать о своей любви. Любовь покоряет все сердца и вместе с цветами заковывает их в одни и те же цепи. Боже! какая мука любить ту, которой я не смею об этом сказать, ту, которая никогда не может быть моей! Жестокое небо! Зачем ты создало ее столь прекрасной? зачем ты создало ее столь великой? Зачем желаешь ты, чтобы ее, одну ее я мог любить? Ее священное имя никогда не сойдет с моих уст, ее прелестный образ никогда не изгладится из моего сердца!» и т.д.

** В свите Потемкина был офицер по фамилии Бауер³⁶, которого он посылал то в Париж за танцовщиком, то в Астрахань за арбузом, то в Польшу — отвезти приказание арендаторам Потемкина, то в Петербург с донесениями Екатерине, то в Крым для сбора винограда и т.д. Этот офицер, который всю жизнь провел в разъездах на почтовых, попросил написать ему эпитафию — на случай, если он когда-нибудь сломает себе шею. Один из его друзей сочинил такие стихи:

Под этой плитой лежит Бауер:
Ямщик, гони скорей!

вые* послания, говорил: “В этом характере есть и гигантское, и романтическое, и варварское”. И это правда. Его кончина оставила незаполнимую пустоту в Петербурге, и эта смерть была так же необычайна, как и его жизнь. Он провел около года в столице³⁸, предаваясь всевозможным удовольствиям, даже оргиям, забывая о своей славе, и выставлял напоказ свои богатства и положение с оскорбительным чванством. Он принимал самых знатных сановников как своих лакеев, едва замечал *маленького Павла* и не один раз появлялся в апартаментах Екатерины с голыми ногами, растрепанными волосами и в халате. Старый Репнин воспользовался его отсутствием³⁹ для того, чтобы бить турок и принудить их просить мира, и за два месяца сделал больше, нежели Потемкин в три года. Потемкин, желавший затянуть войну, получив такие известия, пробуждается от сна и приезжает**. Но он уже носил смерть в крови. Прибывши в Яссы, которые с давних пор были его штаб-квартирой или, вернее, его столицей и двором, он стал трезв, меланхоличен и весьма беспокоен, нетерпелив по отношению к своему недугу. Он хотел поспорить с ним и победить его своим железным характером. Он смеялся над врачами, ел солонину и сырую репу. Болезнь его усилилась. Он приказал везти себя в Очаков⁴¹, завоеванный и любимый им. Едва он сделал несколько верст, как воздух в карете, по-видимому, стал его душить. Расстелили его плащ на краю дороги, на плащ положили его, и он испустил дух на руках своей племянницы Браницкой, которая его сопровождала. При известии о его смерти Екатерина трижды падала в обморок; пришлось сделать ей кровопускание, ибо думали, что она умирает: она почти так же скорбела о Потемкине, как и о кончине Ланского. Но в первом она потеряла не любовника: это был друг, гений которого не уступал ее собственному; на него она смотрела как на опору трона и исполнителя ее обширных проектов. Екатерина, восседавшая на захваченном силою престоле, ненави-

* В одном из этих писем, которые принц распространял при дворе из тшеславия, говорилось: “Вы оказываете вашей августейшей и любезной государыне больше любезностей, чем все придворные Людовика XII³⁶, вместе взятые, могли оказать своему королю”. Черт возьми! еще бы! Хотя у Людовика XIV и было много слабостей, но в содомском грехе он неповинен. Если же понимать эту фразу в другом смысле, то принц опять не прав. Известно, что герцог де Фейяд³⁷ воздвиг на собственные средства великолепный памятник своему господину. Потемкин не сделал для Екатерины ничего, что могло бы сравниться с этой любезностью.

** Его встреча с Репниным была весьма любопытна: “Как, — сказал он ему, — будучи ничтожным учеником Мартэна⁴⁰ (Репнин был ревностным апостолом мартинизма), осмелился ты в мое отсутствие предпринять такие действия? Кто приказывал тебе так поступать?” Репнин, возмущенный, наконец, подобным обращением и расхрабренный от своих успехов, посмел на этот раз выказать твердость: “Я служил своей родине, — сказал он, — моя жизнь не в твоей власти, а ты — дьявол, которого я больше не боюсь”. Сказав эти слова, он вышел в бешенстве, захлопнув дверь перед носом Потемкина, который следовал за ним с поднятыми кулаками. Еще немного, и два героя России вцепились бы друг другу в волосы.

димая своим сыном, была женщина — и женщина робкая. Она привыкла видеть в Потемкине покровителя, благосостояние и слава которого были тесно связаны с ее собственными. Она вновь ощутила себя иностранкой, начала бояться сына и в это-то именно время оперлась на своего внука Александра, который уже выходил из детского возраста, и стала противопоставлять его Павлу.

Какой контраст, какой урок предлагает смерть трех самых великих людей России! Орлов, который одиннадцать лет царствовал бок о бок с Екатериной, делил с нею трон и постель, кончает тем, что поедает свои экскременты и умирает в жалком сумасшествии. Потемкин, могущественный, великолепный Потемкин, основатель стольких городов и дворцов, завоеватель целых царств, кончает жизнь на большой дороге. И сама Екатерина падает со стульчака и отдает Богу душу на полу, испуская жалобный крик!

Богатства Потемкина преувеличены молвою. Они не приближались к состоянию Меншикова⁴², и в особенности к тем сокровищам, что скопил недостойный Бирон⁴³. Даже последний фаворит владеет куда более значительными. Потемкин, правда, заимствовал деньги непосредственно из государственной казны, но он немало расходовал на нужды империи и был не только любовником Екатерины, но и великим правителем России. Зубов тоже черпал из общественных сокровищ, но никогда не истратил и рубля для общества.

Потемкина от всех его коллег отличает одно: потеряв сердце Екатерины, он не утратил ее доверия. Когда честолюбие заменило в его сердце любовь, он сохранил все свое влияние, и именно он доставлял новых любовников своей прежней наложнице. Все последовавшие за ним фавориты были ему подчинены.

ЗАВАДОВСКИЙ

был предоставлен Потемкиным Екатерине для исполнения физиологических обязанностей, когда оба они были утомлены совместными упражнениями в них. Он был молод, силен, хорошо сложен; но склонность, которую императрица к нему питала, скоро прошла. Завадовский был назначен секретарем; его отставка не сопровождалась никаким шумом: он остался при кабинетских делах и был сделан личным советником императрицы. Он еще жив и весьма богат — благодаря первым щедротам своей любовницы.

ЗОРИЧ⁴⁴

— на него непостоянная Екатерина обратила потом свой взор — единственный иностранец, которого она осмелилась сделать фаворитом за время своего царствования. Это был серб, бежавший из константинопольского острога, где он нахо-

дился в заключении. При дворе он впервые появился в гусарской форме. Он ослепил всех своей красотой, и старые дамы до сих пор говорят о нем как о втором Адонисе. Покровительствуемый сначала Потемкиным, он вскоре пожелал стряхнуть с себя это ярмо, рассорился с ним и вызвал его на дуэль. Он не имел достаточно развитого интеллекта, чтобы пленить ум Екатерины, и в конце года она отослала его, осыпав подарками: он получил город Шклов, в котором устроил нечто вроде отдельного государства, — единственный в России пример. Он живет здесь как принц, содержит двор и принимая у себя иностранцев. Если он и обогатился за счет грабежа государства, то довольно благородно возвращает ему некоторую часть взятого: он основал в Шклове кадетский корпус⁴⁵, где по его желанию и на его средства воспитываются двести молодых офицеров. Несмотря на эти занятия, на игры, спектакли и удовольствия, на которые он расходует чрезвычайно много, ему скучно в своем княжестве. Напрасно он в течение многих лет добивался разрешения вновь появиться в Петербурге: ему этого не позволили; однако Павел только что призвал его ко двору.

КОРСАКОВ,

русский петиметр, воспитанник дворцового гвардейского корпуса, где он исполнял службу унтер-офицера и где Екатерина его заметила и допустила до своей постели. Он был неблагодарен или неверен. Екатерина застала его на своей кровати державшим в объятиях красавицу графиню Брюс, ее фрейлину и доверенное лицо. Она удалилась в оцепенении и не пожелала более видеть ни любовника, ни подругу. Другому наказанию она их не подвергла.

ЛАНСКОЙ,

гвардеец-кавалерист, к этому времени уже обратил на себя внимание Екатерины*. Вскоре он был самым обожаемым из любовников и оказался наиболее достойным этого. Он был красив, полон обаяния и изящества, человечный, благодетельный, он любил искусства, покровительствовал талантам: все, по-видимому, соглашалось с предпочтением, которое оказывала ему государыня. Благодаря своему уму он приобрел, может быть, столько же влияния, сколько качества его сердца снижали ему

* Все офицеры, которые имели или думали, что имеют привлекательную наружность, старались как можно чаще появляться на выходах Екатерины. Даже при дворе, даже вельможи иногда уступали дорогу какому-нибудь красавчику, прекрасно зная, что ничто так не нравилось их августейшей государыне, как шествовать по залам своего дворца между двумя рядами красивых мальков. Назначения в такой караул всячески домогались, показывая себя и хорошо сложенные ляжки, и многие семейства основывали свои надежды на каком-нибудь юном родственнике, которого они старались таким образом выдвинуть.

сторонников. Потемкин его боялся и, как говорят, отравил его: он умер в ужасных мучениях. Напрасно Екатерина расточала ему самые нежные заботы: ее поцелуи приняли его последний вздох. Она запиралась у себя в покоях в течение многих дней, которые проводила в отчаянии. Она обвиняла небо, желала умереть, перестать царствовать и клялась никого более не любить. Она действительно обожала Ланского: ее скорбь обратилась в гнев против медика, который не мог его спасти. Он должен был броситься к ногам государыни и умолять ее о пощаде за бессилие своего искусства. Скромная, убитая горем вдова, она носила траур по своему возлюбленному, и, как новая Артемиза⁴⁶, она воздвигла в его память гордый мавзолей близ Царского Села. Так провела она более года и только по истечении этого срока нашла ему замену. Но, подобно другой эфесской матроне, она избрала ему недостойного преемника. Это был

ЕРМОЛОВ,

наименее любезный и наименее красиво сложенный из всех, на ком она останавливала свой выбор; однако он утешил ее, наконец, в потере милого, нежного Ланского. Но он вызвал раздражение Потемкина прежде, чем перестал нравиться Екатерине, и гордый фаворит потребовал и добился отставки любовника, который, таким образом, не оставался при исполнении обязанностей и двух лет.

МАМОНОВ,

который оспаривал у Ермолова случай, сменил его. Мамонов был приятен, имел совершенной красоты торс, но был дурно сложен в нижней части фигуры. Он был одобрен и любим и оставался бы в фаворе долгое время, но ему опротивели увядшие прелести его шестидесятилетней любовницы. Он влюбился в юную княжну Щербатову и имел мужество сознаться в этом, прося позволения жениться. Екатерина была достаточно великодушна и горда, чтобы согласиться на его просьбу, не делая ему никаких упреков. Она поженила его со своей фрейлиною при дворе и отправила в Москву, щедро одарив их именьями*.

ЗУБОВ.

В начале этой главы мы видели, как он сделался последним из фаворитов Екатерины. Ему не было и двадцати пяти лет, ей — за шестьдесят**. В конце концов

* Рассказы об ударах кнутом, которыми она велела наградить новобрачных, — просто-напросто ложь; в России я не слышал об этом ни слова.

** Екатерина на два года старше, чем сообщает календарь. Так как она оказалась старше Петра III, то императрица Елизавета, приказав ей прибыть в Россию, благосклонно вычеркнула эти годы. А есть старые немецкие календари, которые доказывают, что она родилась в 1727 году. Это всего лишь мнение, которое многие отвергают, и я сейчас не могу подтвердить его документами.

она обращалась с ним одновременно и как с сыном, и как с любовником, сама занималась его воспитанием и все более привязывалась к своему творению, сделавшемуся ее идолом. Между тем ее похотливые желания еще не утасли, и она на глазах других возобновила те оргии и вакхические празднества, которые некогда справляла с братьями Орловыми. Валериан⁴⁷, один из братьев Зубова, младший и более сильный, чем Платон, и здоровяк Петр Салтыков, их друг, были товарищами Платона и сменяли его на поприще, столь обширном и нелегком для исполнения. Вот с этими тремя молодыми развратниками* Екатерина, старуха Екатерина проводила дни в то время, когда ее армии били турок, сражались со шведами и опустошали несчастную Польшу, в то время как ее народ вопиял о нищете и голоде и был угнетаем грабителями и тиранами.

Именно в эту пору вокруг нее составилось небольшое интимное общество, в которое входили фавориты, придворные и самые надежные дамы. Этот кружок собирался два или три раза в неделю под названием малого эрмитажа. Сюда часто являлись в масках; здесь царствовала великая вольность в обхождении: танцевали, разыгрывали пословицы, сочиненные Екатериною, играли в салонные игры, в фанты и в колечко. Всякое веселье было дозволено. Лев Нарышкин исполнял здесь ту же роль, что Роклор⁴⁸ при дворе Людовика XIV, а одна записная юридовая по имени Матрена Даниловна⁴⁹ ему вторила. Это была старая пустомеля, весь ум которой состоял в том, чтобы упражняться в нелепом сквернословии. Так как она, будучи безумной, имела право говорить все что взбредет ей в голову, то и была завалена подарками от подлых придворных. Иностранцы послы, пользовавшиеся благосклонностью государыни, бывали иногда допускаемы в малый эрмитаж: главным образом, Сегюр, Кобенцль, Стединг и Нассау⁵⁰ удаивались этого отличия. Но впоследствии Екатерина устроила другое собрание, еще более тесное и таинственное, которое называли маленьким обществом. Три фаворита, о которых мы только что говорили, Браницкая, Протасова, несколько доверенных горничных и лакеев были его немногочисленными участниками. Там-то и справляла Кибела Севера свои тайные мистерии. Подробности, которые можно поведать об этих забавах, принадлежат другой книге, куда более непристойной, чем эта, и автор

* Развратниками можно назвать в особенности Валериана Зубова и Петра Салтыкова, которые вскоре безнаказанно предались всем возможным излишествам. Они похищали девушек на улицах, насиловали их, если находили их красивыми, а если нет, оставляли их слугам, которые должны были воспользоваться ими в их присутствии. Одним из увеселений младшего Зубова, который за несколько месяцев перед тем был скромным и застенчивым юношей, было платить молодым парням за то, чтобы они совершали в его присутствии грех Онана. Отсюда видно, как он воспользовался уроками старой Екатерины. Салтыков изнемог от этого образа жизни и умер, оплакиваемый теми, кто знал его еще до того, как он стал фаворитом.

должен был предать огню те записи, которые могли бы ему пригодиться для этой книги или напомнить о некоторых фактах, за коими потянулись бы и другие, еще более нескромные. Впрочем, публика ничего от этого не теряет: на свете довольно похабных книг, и те, кто их читал, без труда поймут, что Екатерина была таким же философом, как и Тереза⁵¹.

Я мог бы также пополнить эту главу прозвищами, титулами и должностями каждого фаворита, но все это не стоит печатания и не заслуживает даже произнесения. Широко известно, что, после того как Екатерина задаривала своих любимцев всеми должностями, званиями и орденами Российской империи, она обыкновенно писала в Вену, чтобы получить для них патенты на звание графа, а затем князя Священной Римской империи. Польские и прусские ордена пестрели на груди у фаворитов при фаворитах. Потемкин и Зубов ходили на торговцев лентами и мелкими скобяными изделиями, когда нацепляли все свои украшения.

Павел в этом отношении — куда более русский, нежели его мать: он утверждает, что быть графом или князем Священной греческой империи почетнее, чем графом или князем Священной Римской империи. При Екатерине из русского князя делали немецкого принца, при Павле немецкого принца возносят до достоинства русского князя. Я не смею быть судьей в этом вопросе.

Не стану я вдаваться и в подробности относительно милостей и подарков, которые достались фаворитам: я мог бы сообщить только о том, что было им пожаловано публично, в качестве награды за труды. Какой бы огромной ни оказалась эта сумма*, она не будет равна тем дарам, которыми они были осыпаны втайне от всех. Кто может сосчитать, сколько накопили Орловы, Потемкины и Зубовы? Разве они не черпали из государственных сокровищ, никому не давая в том отчета; разве они и их ставленники не торговали всем без исключения: должностями, чинами, справедливостью, безнаказанностью; даже политическими союзами, и войной, и миром?***

* У меня был довольно точный реестр: сумма в нем по меньшей мере на треть превосходит ту, которая приведена в книге под названием "История Екатерины II".

** Через несколько месяцев после того, как Валериан Зубов начал делить со своим братом тягостные милости Екатерины, он ставил по тридцати тысяч рублей на карту, играя в фараон. И этот молодой человек по нотариальной записи владеет частью громадных поместий герцогов курляндских.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ ПАВЛА

Поведение и планы Екатерины в отношении сына • Он провозглашен императором • Его первые шаги в этом качестве

- Погребальные почести, возданные им отцу и матери •
- Суровые меры, примененные к гвардии • Вахтпарад
- Милости и опалы • Его занятия • Запрещение круглых шляп и русской упряжи • Варварский этикет: его смешные и ужасные следствия • Перемены по военной и гражданской части • Крестьяне • Солдатомания • Канцелярия для принятия прошений • Финансы • Камердинер-фаворит

ягчайшим из преступлений, совершенных Екатериной после того, как она умертвила своего мужа и Ивана и захватила престол, вероятно, было ее обращение с сыном. Жена-убийца, без сомнения, не могла быть хорошей матерью, но она должна была, по крайней мере, внимательнее относиться к юному великому князю, от имени которого тридцать пять лет правила Россией¹. В детстве он обещал качества, которые она задушила дурным обхождением с ним. Он был умен, имел деятельный характер, расположение к знаниям; в нем жило чувство порядка и справедливости. Все это погубило, так как не имело возможности развиваться. Она нравственно убила своего сына после того, как долгое время колебалась, не должна ли она развязаться с ним в самом деле. Ненависть, которую она к нему испытывала, — единственное доказательство того, что он сын Петра III*, и доказательство весомое. Она не могла его выносить, держала вдали от себя, окружала шпионами, притесняла и унижала во всем, и в то время, когда ее временщики, зачастую бывшие моложе ее сына, правили Россией и утопали в роскоши, он жил в уединении, в ничтожестве, не знача ничего и нужда-

* При русском дворе широко распространено мнение, что Павел — сын Салтыкова, одного из первых фаворитов Екатерины. Во внешнем его облике нет ни единой черты сходства с Петром III, но еще меньше он похож на мать: он имел несчастье быть отвергнутым одним и презираемым другим.

ясь в самом необходимом. Она добилась того, что озлобила его, сделала недоверчивым, угрюмым, странным, подозрительным и жестоким. Какова же должна быть вина матери, если она в конце концов вызывает ненависть и презрение у собственного ребенка! А какое же иное чувство могла ему внушать убийца его отца и захватчица его прав, которая у него на глазах меняла целый полк фаворитов, по очереди делавшихся его угнетателями? Не довольствуясь тем, что он лишен ее нежности и тех преимуществ, которыми он должен был пользоваться как сын, она захотела отнять у него также все права и удовольствия отца. Его жена почти ежегодно приезжала родить в Царское Село и оставляла здесь своих детей в чужих руках. Они росли под присмотром Екатерины, и ни отец ни мать не оказывали ни малейшего влияния на их воспитание, не имели никакой власти над их поведением. В последнее время они жили по целым месяцам не видясь с родителями. Вот как старались извратить сердца этих детей, которые едва знали тех, кому были обязаны жизнью. В этом, однако, Павел перестает внушать интерес и начинает вызывать негодование и презрение; он уже не кажется робким и почтительным сыном, становясь лишь трусливым и глупым отцом. Как человек может быть настолько подл, чтобы не посметь настаивать на исполнении своих священных отцовских прав? Как же у него не хватило мужества сказать матери: “Вы владеете моей короной — сохраняйте ее, но отдайте мне моих детей! оставьте мне, по крайней мере, ту отраду, на которую вы не заритесь даже у своих последних рабов!” О! тот, кто не нашел в своем сердце достаточной твердости, чтобы заговорить таким языком и поступать соответствующим образом, не является добрым сыном: это бесчувственный отец или трус; это раб, и, сделавшись господином, он сможет быть только тираном*.

Смерть застигла Екатерину врасплох. Для тех, кто знал ее двор и ненависть, к несчастью, столь прочно установившуюся между матерью и сыном, было очевидно, что она жаждала назначить себе другого преемника. Ужас, охватывавший ее при мысли о собственной кончине и закате ее царствования (этого она страшилась более всего), и смерть Потемкина** помешали ей осуществить этот проект, пока для этого еще оставалось время, или же утвердить его посредством завещания. Молодость великого князя Александра и еще более доброта его ума и сердца были другим препятствием на пути воплощения ее замысла. Между тем ее особенная

* Совсем не так трусливо вел себя герцог вюртембергский², брат нынешней императрицы. Когда Екатерина пожелала завладеть его детьми, он заявил, что умрет прежде, нежели их отдаст: довести его до отчаяния не посмели, и он уехал с ними.

** Многие были убеждены, что она намеревалась опереться на Потемкина, чтобы лишить наследства Павла. Александр был бы провозглашен царевичем в то самое время, что Потемкин — властелином Тавриды.

любовь к этому юному великому князю, достойная, без сомнения, более чистого источника, была всем известна, а разговоры, которые она вела с ним наедине, стали частыми и таинственными. Вероятно, окружавшим его удалось бы наконец задушить в нем все естественные чувства, извратить его совесть и разум и принудить его нечувствительно для него самого сыграть постыдную роль в интриге, затеянной против его отца. С тех пор, как его покинул Лагарп³, как ему дали собственный двор и удалили от него нескольких достойных особ, его окружение было наихудшим, а он — самым праздным из принцев. Он проводил дни наедине со своей молодой супругой, слугами или в обществе бабки; он жил более празднично и замкнуто, чем наследник султана, запертый в серале. Такая жизнь под конец свела бы на нет все его превосходные качества. Если бы он пожелал, если бы Екатерина могла вымолвить перед смертью одно только слово, то Павел, по всей видимости, не царствовал бы. Он был ненавистен и страшен для всех его знавших, и кто бы поддержал его? На какие права он сослался бы?* Если русские не имеют никакого прочного права, то их самодержцы обладают им еще в меньшей степени: со

* Я хорошо знаю, что Павел был объявлен *цесаревичем*, или наследником престола. Но к какому праву можно воззвать в государстве, которое не признает никаких прав? К праву рождения? Оно у Павла сомнительно, и в соответствии с принципом первородства на престол был бы призван брат Ивана III⁴. К народу? Для этого нужно обратиться к нему с вопросом. К небу? Нужно заставить его заговорить, а оно, по-видимому, подает голос только после того, как событие уже произошло.

Павел решил устранить неразбериху, царившую в порядке наследования престола, обнародовав при своем короновании акт⁵, который он составил вместе с женой в форме завещания. Он датирован 1788 годом, то есть тем временем, когда Павел оставался только великим князем и ничем не мог распоряжаться. 1788 год был порой величайшего могущества Потемкина. Понятно, что Павел ожидал тогда какого-нибудь несчастного случая, почему и сделал эти распоряжения: тогда стоял вопрос о лишении его титула наследника и о разделе империи между его старшим сыном и Потемкиным.

В этом документе Павел, будучи всего лишь великим князем, присваивает себе то же самое право, которое первым узурпировал Петр I, — право назначать себе преемника. Он завещает империю своему старшему сыну и его потомкам по мужской линии; потом, с их пресечением, — своим младшим сыновьям и их мужскому потомству; при отсутствии таковых потомки по женской линии должны были наследовать согласно установленному Павлом порядку. Он старался предусмотреть и разрешить все затруднения, которые только могли возникнуть до скончания веков.

Сын наследует отцу по естественному праву, но император не может иметь права назначать себе преемника и завещать государство как поле. Предположим, однако, что такая власть была, по *милости Божьей*, дарована русским самодержцам. Каким же образом кто-то один из них может отобрать ее у всех остальных или ограничить, назначая преемника своему преемнику? Разве Александр или Константин не будут наделены той же властью, что и Павел? Не будет ли преступлением по оскорблению величества предполагать такое? Вот затруднения, которые вырастают перед теми, кто основывается на заблуждениях и предрассудках и презирает неотъемлемые права народов и природы. Законы, которые они выдумывают, опираются только на силу и перестают действовать с ее исчезновением. По прошествии ста лет русский самодержец не станет рыться в писанине Павла для того, чтобы узнать, что ему делать. Но, может быть, еще до этого случатся события, которые напомнят русским о более простых и ясных идеях.

времен Петра I, присвоившего себе привилегию назначать своего преемника, царский престол почти всегда был занят только узурпаторами, которые свергали один другого еще более жестоко и бессмысленно, чем преемники Оттоманов. Екатерина I становится императрицей, потому что Меншиков имеет смелость так ее назвать⁶ (по этому поводу насмешливо говорят, что торговец пирожками провозгласил служанку императрицей всея Руси)*. Петр II царствует по завещанию⁷. Анна была избрана Советом⁸, Сенатом и армией. Иван делается императором в силу указа. Елизавета провозглашает в своем манифесте, что она восходит на престол своего отца, потому что этого желает народ и из-за этого бунтует гвардия; на этом основании она осуждает младенца-императора на вечное заключение, и его семья, столь же невинная, как и он, подвергается той же участи!** Петр III царствует по милости Елизаветы. Он низложен и задушен своей супругой Екатериной II, которая, стремясь найти надежнейшие оправдания для совершенного ею преступления, при своем восшествии на русский престол объявляет, что ее призывает сюда сам Господь Бог***. Убийца собственного мужа, она велит умертвить еще и императора Ивана, и дочь Елизаветы⁹, своей благодетельницы. Одно только Марокко может явить миру такие отвратительные летописи, полные крови и варварства, — с тем, однако, различием, что здесь столь чудовищную роль играют не дамы****. Сын, который столкнулся бы с престола отца, не мог бы ничего прибавить к ужасу, внушаемому этими изощренными злодействами деспотизма: но, по счастью, внезапная смерть Екатерины предупредила новые жестокости. Страшный крик, который она испустила, отдавая Богу душу, провозгласил Павла императором и самодержцем всея Руси. Его жена первая упала к его ногам и вместе с детьми изъявила ему свою нижайшую покорность. Он поднял ее, обнял ее и детей и всех заверил в своем

* Вот каково на самом деле происхождение тех, кто им кичится! И Мария, не считая Голштинский и Вюртембергский дома достаточно знатными, желает, чтобы ее сыновья именовались *Романовыми*.

** Если можно наследовать трон на началах справедливости, то братья несчастного Ивана III, один из которых до сих пор томится в какой-то башне в Ютландии, — истинные наследники русского престола. Постыдно, что король Дании держит в неволе узника русских узурпаторов.

*** Боже, как дела Твои прекрасны! Как дорога, которой Ты ведешь праведников, приятна и верна! Впрочем, родословное древо Петра I, по которому можно судить о порядке и правах этого нелепого ряда самодержцев, под рукою. И все это произошло менее, нежели за сто лет! И это в наш век!

**** И при этом дворе, бывшем недавно свидетелем стольких злодеяний; при дворе, который только что видел, как отец истязал сына, а жена задушила мужа, не считая убиенных императоров и отравленных великих княгинь; при этом дворе, говорю я, теперь изображают великий ужас при виде кровавых сцен французской революции. Царица, у которой руки обгагрены кровью двух государей, из которых один был ее мужем, а другой — ребенком, выказала судорожный гнев, взрыв *святого* негодования, когда узнала, что французы умертвили короля и держат его семейство взаперти в Тампле!¹⁰ По отношению к этому несчастному королю, по крайней мере, была соблюдена некоторая формальность. Но Петр! но Иван, невинный Иван!

благоволении, отеческом и императорском. Придворные, все начальники департаментов, армейские генералы и все, кто при этом присутствовал, вслед за тем пали ниц и принесли ему присягу в соответствии со своим чином и старшинством. Гвардейский отряд, приведенный под стены дворца, офицеры и солдаты, спешно прибывшие из Павловска и Гатчины, клялись Павлу в верности. Начальники различных коллегий примчались сюда, чтобы также принести присягу: император сам отправился в Сенат ее принимать, и эта достопамятная ночь прошла без малейшего беспорядка или замешательства. На следующий день Павел повсеместно был провозглашен императором, а его сын Александр — цесаревичем, или предполагаемым наследником престола. Таким-то образом после тридцати пяти лет гнета, лишений, оскорблений и презрения сын Екатерины в возрасте сорока трех лет очутился наконец хозяином самого себя и всей России. Его первые поступки, которых особенно страшились, казалось, опровергали сведения, имевшиеся о его жестком и капризном характере. С давних пор он страдал от злоупотреблений и беспорядков двора; он прошел школу несчастий — то горнило, где очищаются великие души и выдыхаются мелкие. Сторонний наблюдатель и судья дел, намерений и поведения своей матери, он имел в распоряжении тридцать лет досуга, чтобы в мелочах продумать, как он будет себя вести, когда займет ее место. Поэтому оказалось, что в его портфеле имелось множество совершенно готовых законов, которые требовалось только привести в исполнение с удивительной быстротой*.

Будучи очень далек от того, чтобы следовать той манере поведения, коей придерживалась его мать по отношению к нему, он с самого начала окружил себя сыновьями, вверил каждому из них по гвардейскому полку и назначил старшего военным губернатором Петербурга, то есть дал ему ответственное место, обязавшее молодого великого князя постоянно находиться подле отца. Его первые поступки по отношению к императрице, участь и положение которой внушали сожаление, изумили и очаровали всех: он вдруг изменил свое обращение с ней, выделил ей значительные средства, пропорционально этому увеличил также доходы своих детей и вообще осыпал императорское семейство ласками и щедротами**.

Его обхождение с фаворитом отличалось таким же благородством. Он, казалось, был тронут его отчаянием и признателен ему за привязанность, которую тот выказывал его матери: в лестных выражениях утвердил его во всех должностях и

* Его приближенные с давних пор имели особенный военный устав, который он ввел в обиход в Гатчине и Павловске; теперь он в мгновение ока сделался законом для всей русской армии.

** Бобринский, сын Екатерины и Орлова, удаленный в Ревель за разного рода выходки, был даже призван ко двору, сделан майором конной гвардии; царь Павел обходился с ним как с братом, но недавно подверг его опале.

промолвил, вручая ему жезл, являющийся знаком отличия дежурного генерал-адъютанта: “Продолжайте исполнять эти обязанности около тела моей матери; надеюсь, что вы будете служить мне так же верно, как служили ей”.

Министры и начальники департаментов были также оставлены в должностях и осыпаны похвалами, а самые влиятельные — еще повышены в чинах и получили новые награды.

В первом указе, им изданном, говорилось о мирных намерениях; этот акт должен был в особенности привлечь к нему дворян: недавно объявленный Екатериной рекрутский набор, который должен был коснуться каждого сотого крестьянина, был отменен этим распоряжением Павла*.

Всякий час и миг возвещали мудрую перемену, справедливую кару, заслуженную милость: двор и город остолбенели от изумления. Если бы не политика, не страх, не радость продиктовали Павлу его первые шаги, то можно было бы подумать, будто он способен (на два-три часа) подавить злоупотребления и навести порядок. В обществе начинали полагать, что ошибались насчет его характера, что долгая и печальная опека над ним не до конца испортила его. Все видели, что счастливо обманулись в своих ожиданиях, и поступки императора заставили в этот момент забыть о поведении великого князя; но он должен был скоро о нем напомнить. Однако задержимся еще на минуту на тех слишком недолгих надеждах, которые он подал своей империи.

Два первых политических шага Павла внушили доверие к нему, подкупили дворян и на время устранили два ужасных бича, которые Екатерина, умирая, по-видимому, завещала России, — войну и государственное банкротство. Она решилась, наконец, открыть военные действия непосредственно против Франции, помогая императору и напав на Пруссию**, вследствие чего обнародовала указ о наборе ста тысяч рекрут. Так как государственная казна была пуста, а число ассигнаций умножилось до такой степени, что им угрожала их судьба во Франции***, она пожелала сразу удвоить их стоимость, давая каждой монете двойную цену по сравнению с действительной. Павел отменил две эти пагубные меры, которые уже приводились в исполнение. Таким же образом он разорвал договор о субсидиях, заключенный с Англией: не потому, что желал, как об этом распространялись слухи за границей, признать *ненавистную* французскую республику, но по той причине,

* Это было сделано только ради того, чтобы подольститься к дворянству, владевшему крепостными; через несколько месяцев он обнародовал ровно такой же указ.

** Такой проект у Екатерины, несомненно, был: она хотела при помощи пушек оттеснить короля Пруссии к берегам Рейна. Чтобы заставить его почувствовать безусловную необходимость вернуться к коалиции, она разжигала мятежи в Пруссии, Данциге и Силезии.

*** Они потеряли в это время 60% цены.

что его императорская гордость была справедливо оскорблена предложением состоять, подобно маленькой державе, на жалованье у Питта, продавая ему русскую кровь. Павел наверняка был бы склонен проливать ее во имя восстановления французской монархии; но он окажется так благороден, что отдаст ее даром, когда сочтет нужным*.

Всем известно, что честный Костюшко, последний из поляков, как Филопемен¹¹ был последним из греков, попал в плен, защищая свою родину и свои неотъемлемые права от иностранных угнетателей. Между тем, вопреки всем законам и здравому смыслу, он был схвачен как государственный преступник, хотя с ним всегда обращались лучше**, чем с Игнатием Потоцким¹² и другими его товарищами по славе и по несчастью, которых содержали куда суровее в Петропавловской крепости и Шлиссельбурге. Павлу хватило ума на то, чтобы освободить их всех, и он был достаточно благороден, чтобы самому снять оковы с Костюшко. Все с любопытством наблюдали, как этот мужественный человек, еще страдавший от ран и горестей, велел отвезти себя во дворец, где его провели к императору и императрице, чтобы он мог засвидетельствовать им свою благодарность. Он был невысок, худ, бледен и изнурен. Голова его была еще в повязках, и невозможно было разглядеть его лоб. Но лицо и глаза заставляли вспомнить о том, что он рис-

* Говорят, однако, что в настоящее время он забирает большие субсидии у Питта в виде английских товаров; Павел учредил магазины, где велит продавать их в свою пользу. В такого рода спекуляциях, в которые ввязываются коронованные особы, нет ничего нового: многие малые народности Сибири платят свои налоги натурой, а торговля с Китаем в царствование Елизаветы велась правительством. Иногда случалось даже, что за недостатком наличных денег с армейскими офицерами рассчитывались товарами из императорских кладовых — чаем, материями и пушшиной. Предпринятые Павлом меры неизбежно заставят небольшое число наличных денег, еще оставшееся в его государстве, в скором будущем перекочевать в Англию, и он будет вскоре также выплачивать своей армии жалованье английскими скобяными изделиями.

** Его посадили в пороховой склад графа Ангальта. В качестве стража к нему был приставлен майор, который делил с ним стол. Его можно было навещать; в его распоряжении находилось несколько комнат; он занимался чтением, рисованием и токарными работами. Полковник, к которому стрелки, нашедшие Костюшко раненым в болотах, привели его в качестве пленника, — один из моих друзей, достойнейший молодой офицер, исполненный человеколюбия. Он сохранил бумаги Костюшко, которые мы вместе перебирали. Мы обнаружили среди них ряд записей на итальянском и французском языках, сделанных во время путешествия по Италии, философские заметки, выписки, несколько французских стихотворений, черновики разных мелких сочинений — все доказывало, что этот портфель принадлежал человеку благородному, со знаниями, вкусом и чувством. Там было также много запечатанных писем, адресованных варшавским женщинам, на французском и польском языках, и наброски некоторых манифестов, им опубликованных, — все это было написано самим Костюшко. Мой друг сберег этот портфель как реликвию знаменитого человека, которым он восхищался, будучи вынужден с ним сражаться. Когда он был отпущен на свободу, я подал моему другу мысль возвратить бумаги их владельцу: мне кажется, он так и поступил.

кнул предпринять, имея в распоряжении такие малые средства. Он отказался от крестьян, которых Павел хотел подарить ему в России, и принял некоторую сумму денег, чтобы уехать и жить независимым в другом месте.

Этот поступок произвел самое сильное и благоприятное впечатление. Он все же делает честь Павлу: в императоре принужден бываешь восхищаться тем, что на самом деле является лишь обыкновенным проявлением справедливости. Но чтобы должным образом оценить его поведение в данном случае, нужно вспомнить, что Костюшко оскорбил не его лично, но императрицу Екатерину. А ее сын (как и она сама) не так легко прощает нападки на его собственную персону. Костюшко обязан своей свободой одной лишь ненависти Павла к матери и его стремлению делать все не иначе как ей наперекор.

Погребальные почести, возданные императрице, были еще одним счастливым отвлечением, которое на время отложило или, по крайней мере, приостановило поток новых законов и странных распоряжений, видимо фонтаном бивший из головы Павла. Однако никак не ожидали (а он смотрел на это как на сыновний долг), что он решится потревожить прах своего несчастного отца. Имя Петра III, которое никто не смел произносить в течение тридцати пяти лет, внезапно оказалось в заглавии траурного церемониала, где предписано было погребальные службы и почести воздавать и Петру, и Екатерине. Можно было подумать, читая приказ, что эти два супруга только что умерли вместе. Павел отправился в Александровскую лавру, где было погребено тело его отца. Он велел двум старым монахам указать ему эту неизвестную могилу и вскрыть гробницу в его присутствии. Он уплатил печальным останкам, кои представились его глазам, дань почтительных и трогательных слез. Он взял одну из перчаток, которые еще сохранились на костях его отца, и с плачем целовал ее. О Павел! у тебя ведь есть сыновнее сердце, ты даже казался по временам добрым отцом: тебе нужны были только другая мать и иное воспитание! Гроб был поставлен посреди церкви, и перед ним отправляли те же самые службы, что и возле гроба Екатерины, который стоял на катафалке во дворце.

Тогда Павел велел разыскать офицеров, которые были рядом с его отцом в момент той страшной катастрофы, и с тех пор состарились в опале или в неизвестности при дворе. Барон Унгерн-Штернберг¹³, почтенный старец, который с давнего времени жил философом, замкнувшись в небольшом кружке близких друзей, и не желал даже быть призванным к большому двору, был внезапно произведен в генерал-аншефы и приглашен к императору, велевшему ввести его в свой кабинет. После самого милостивого приема он спросил его: “Вы слышали о том, что я делаю для своего отца?” — “Да, государь, — ответил старый генерал. — Я узнал

об этом с удивлением”. — “Как с удивлением! Разве это не долг, который я обязан исполнить? Смотрите, — продолжал он, поворачиваясь к портрету Петра III, который уже был повешен на стену его кабинета*, — я хочу, чтобы он был свидетелем моей благодарности к его верным друзьям”. При этих словах он обнял генерала Унгерна и вручил ему орден св. Александра Невского. Этот достойный старец, хотя и был много выше всякого тщеславия, не мог устоять перед таким трогательным поступком и вышел, проливая слезы.

Вслед за тем Павел возложил на него несение караула возле тела своего отца, предписав ему приготовить для этих церемоний тот же самый мундир, который он носил, будучи адъютантом Петра III. Унгерну посчастливилось отыскать подобную форму у одного из своих старых знакомых. Павел пожелал оставить в своем владении эту реликвию гардероба, которая обеспечила благосостояние того, кто ее так хорошо сохранил**. Многие другие офицеры, и между прочими тот, кото-

* Любое изображение Петра III запрещено было иметь как в императорском дворце, так и в частном доме. Неизвестно, где Павел прятал этот портрет. В это время можно было позавидовать тому, кто находил на чердаке один из таких портретов, там сложенных. Он очень скоро делался лучшим украшением его комнаты. Петербургские живописцы не посмевали снимать с него копии, которые им заказывали.

** Генерал Унгерн-Штернберг — ливонец, старый друг и сослуживец генерала Мелиссино. Автор этих мемуаров много времени провел в его обществе и считает нужным уведомить об этом сразу, чтобы придать больше веса тому, о чем будет рассказано. Унгерн был одним из самых уважаемых Петром III немецких офицеров и состоял при нем адъютантом. Именно он сопровождал Петра III во время тайного визита, нанесенного им в Шлиссельбурге несчастному Ивану, который был свергнут с трона и заключен в тюрьму Елизаветой. Они обнаружили этого достойного сожаления молодого человека в темнице, окно которой, закрытое поленицей дров, находившейся во дворе, едва позволяло свету проникать внутрь. Он был в белой, очень грязной одежде и на ногах имел только туфли. У него были очень светлые, подстриженные в скобку, как у русского холопа, волосы. Он был, впрочем, довольно хорошо сложен, и лицо его отличалось тою белизной, которая доказывала, что никогда луч солнца не касался его чела. Ему было тогда двадцать с небольшим лет, и он находился в заточении с четырнадцатимесячного возраста. Но он успел получить некоторые впечатления и понятия, которые сохранял. Петр III, тронутый его состоянием, задал ему несколько вопросов, и между прочим следующие: “Кто ты?” — “Я император”. — “Кто же посадил тебя в тюрьму?” — “Злые люди”. — “Ты желал бы вновь сделаться императором?” — “О, да! почему же нет? у меня были бы прекрасные одежды и люди, которые бы мне прислуживали”. — “Но что бы ты сделал, если бы был императором?” — “Я отрубил бы головы всем тем, кто причинил мне зло”. Потом Петр III спросил его, откуда он все это знает, и он ответил, что Дева Мария с ангелами рассказали ему об этом, и начал нести околесицу, повествуя об этих воображаемых видениях. Хотя он и пребывал в одиночестве и заключении, но не испугался при виде императора и сопровождавших его офицеров. Он разглядывал их платье и оружие с большим любопытством и удовольствием, как это сделал бы смелый ребенок. Император спросил его еще, чего бы ему хотелось; он отвечал на своем грубом русском языке: “Побольше воздуха”. Удивительно, что автор “Жизни Екатерины II”¹⁴, в других местах обнаруживающий здравый смысл и ум, мог вложить в уста несчастного императора Ивана целую речь или, скорее, заученные и патетические слова, которые сделали бы честь оратору или поэту. Этот принц, томившийся в неволе с детства, никогда ни с кем не разговаривал и едва знал несколько фраз на своем языке. Историк же придумал настоящую сцену из романа или трагедии,

рый при перевороте 1762 года хотел оказать некоторое сопротивление и встать на защиту Петра III, были отысканы в их жилищах и призваны ко двору, где их осыпали милостями.

Эти черты трогательны и делают честь сердцу Павла. Но из ответа Унгерна видно, что они изумили всех. Их приписали столько же ненависти Павла к матери, сколько его любви к отцу. Многие даже считали, что подобное поведение основывается только на политических расчетах и желании торжественно признать своим отцом того, кто не желал считать его своим сыном. Порицали в особенности пышность и наигранность, вложенные им в приказ вырыть из земли сии печальные останки и выставить их на всеобщее поклонение. Гроб, в котором они лежали, был коронован* и с великим торжеством перенесен во дворец, где был помещен в часовне, сооруженной для этой цели, подле тела Екатерины и потом отвезен вместе с ней в крепость. Только в это время два супруга мирно пребывали один рядом с другим. Все приезжающие с великим почтением прикладывались к гробу одного и холодной синеватой руке другой, преклоняли колена и не смели удаляться иначе, как осторожно пятясь при сходе с возвышения. Тело императрицы, дурно набальзамированное, вскоре оказалось совершенно разлагавшимся: на ее руках, глазах и в нижней части лица появились желтые, черные и синие пятна. Она была неузнаваема для тех, которые ранее видели ее только с тщательно отработанным и подходящим к случаю выражением лица. И тот блеск, которым она еще была окружена, все богатства, покрывавшие ее труп, только умножали внушаемый ею ужас.

Если Павел, восстанавливая память своего отца, казалось, покрывал бесчестьем память матери и напоминал о жестоких сценах, о которых тридцатипятилетнее молчание почти заставило забыть, то мщение, которое он измыслил для некоторых убийц Петра III, имело в себе, по крайней мере, нечто возвышенное.

она заканчивается узнаванием, которое описано в лучших традициях такого рода сочинений. Вот так пишется история! Иван не имел и сотой доли идей и познаний, необходимых, чтобы выдержать подобный диалог. Унгерн остался на некоторое время в Шлиссельбурге, чтобы завоевать его доверие и посмотреть, было ли притворным его очевидное слабоумие, и вскоре убедился, что оно было естественным следствием его образа жизни. Он передал ему в подарок от императора шелковый халат. Иван облекся в него с восторгом радости, бегая по комнате и любуясь на себя, как дикарь, которого одели в первый раз. Так как все его желания ограничивались одной просьбой — “побольше воздуха”, Петр III послал начальнику крепости план небольшого круглого дворца, в середине которого должен был находиться сад, с приказанием тотчас же возвести это жилище для Ивана во дворе крепости. Ужасно, что гуманное отношение к невинному было обращено против несчастного Петра. Его обвинили в том, что он затеял строительство тюрьмы, куда намеревается заключить жену и сына, и задушили.

* Петр III не был коронован и под этим предлогом не был погребен в крепости с другими русскими императорами.

Знаменитый Алексей Орлов, победитель в сражении при Чесме, некогда столь могущественный, выделявшийся своим гигантским ростом и одеждами в античном вкусе, уважаемый, если это возможно, за свою славу и преклонные лета, должен был сопровождать печальный прах Петра III. На него были обращены все взоры. Эта справедливая и жестокая повинность должна была пробудить в его душе угрызения совести, вероятно усыпленные столь продолжительным благодеянием. Что касается князя Бяратинского, второго палача, то он не осмелился предстать перед Павлом, который никогда не мог выносить его вида: он бежал из Петербурга. Пассек, чье благополучие не имело другого основания, кроме того же самого преступления, и чья физиономия, столь же отталкивающая, как и у Бяратинского, постоянно об этом напоминала, к счастью, находился в отлучке от двора и умер несколько дней спустя.

Таковы добрые дела, совершенные Павлом в первые дни его царствования. Я собрал все их воедино, чтобы представить читателю целиком, потому что эти проблески разума, справедливости и великодушия позже затерялись в ворохе насилий, странностей и мелочных поступков, которыми они были заслонены и о которых я также расскажу.

Гвардия, это опасное сословие, которое свергло отца и с давних пор смотрело на воцарение сына как на конец своего военного существования, была с самого начала смелым и решительным движением лишена возможности вредить ему, и с ней обошлись беспощадно. Павел включил в состав различных гвардейских полков свои батальоны, пришедшие из Гатчины*, из которых он распределял офицеров по всем ротам, повышая их сразу двумя или тремя чинами. Таким образом, простые поручики или армейские капитаны сразу оказались капитанами гвардии — место, столь важное и почетное доселе, дававшее чин полковника и даже бригадира. Некоторые из этих прежних капитанов, принадлежавшие к знатнейшим семействам империи, даже очутились под началом у офицеров-высочек, которые за несколько лет перед тем вышли из капралов или унтер-офицеров своих рот, чтобы вступить в батальоны великого князя. Столь внезапная и отважная перемена, которая во всякое другое время стала бы роковой для задумавшего ее, привела только к тому, что побудила несколько сотен офицеров и унтер-офицеров выйти в отставку: почти все они имели достаточное состояние, чтобы жить не служа,

* Павел ожидал прихода этих батальонов с заметным нетерпением и беспокойством. Они шли походным порядком целую ночь и прибыли в столицу к утру. Ничтожный офицер Ратиков, который вместо какой-либо заслуги имел счастье возвестить ему об этом вожденном прибытии, был в то же мгновение пожалован кавалером ордена св. Анны и флигель-адъютантом великого князя. Только тогда, когда Павел увидел себя окруженным своей маленькой армией, он начал действовать так же, как в Гатчине.

или же не могли стерпеть причиненную им несправедливость и вынести утомительную и мелочную дисциплину, вводимую пришельцами со стороны*. Многие из этих молодых офицеров были огорчены только тем, что им пришлось скинуть свои блестящие мундиры и заказывать себе форму по нелепым и странным образцам тех самых батальонов, которые так долго были мишенью для их насмешек.

Павел, встревоженный и раздраженный таким всеобщим неповиновением, примчался в казармы, обласкал солдат, успокаивал офицеров и старался их удер-

* Из этих новых офицеров ни один не сделал столь быстрой карьеры, как Аракчеев¹⁵. Семь лет тому назад великий князь, желая иметь артиллерийскую батарею у себя в Павловске, попросил генерала Мелиссино указать ему офицера, который мог бы ее сформировать. Этим офицером стал воспитанник кадетского корпуса Аракчеев, который зарекомендовал себя успехами, а главное — усердием и ревнивой страстью к мелочам дисциплины. Несмотря на свою неутомимость, строгость и пунктуальность в службе, потребовалось некоторое время, чтобы он был замечен Павлом. Множество прекрасных фейерверков, которые он устраивал с помощью своего бывшего учителя для праздников в Павловске, в особенности же снedaвшая его страсть к учениям, заставлявшая его день и ночь издеваться над солдатами, снижали ему, наконец, расположение великого князя. По вошествии на престол Павла Аракчеев был произведен в генерал-майоры гвардии и назначен петербургским комендантом. Он получил орден св. Анны, несколько тысяч крестьян и сделался правой рукой императора. Аракчеев, вместе с которым майор М. служил в кадетском корпусе, завоевал как унтер-офицер истинное уважение своими способностями, знаниями и усердием, которые он тогда проявлял: но уже в то время он отличался возмутительной грубостью по отношению к кадетам. Ни один лирический поэт не был столь бесконечно подавлен Аполлоном, как был одержим демоном Марса этот человек. Его ярость и палочные удары, даже в присутствии Павла, стоили жизни многим несчастным солдатам. Этот палач вернул в русскую армию такое варварство, о котором здесь уже забыли: он оскорбляет и бьет офицеров во время учения. Однако, чтобы показаться благодарным, он, будучи в случае, составил протекцию своему бывшему учителю, генералу Мелиссино, с которым был ранее в ссоре. Недавно он впал в немилость, затем возвращен ко двору и возведен в баронское достоинство; именно он шел на смотру во главе войск, отправлявшихся в Германию.

История другого из этих офицеров заслуживает изложения по причине ее исключительности. Читатели увидят, каким образом иногда прокладывают себе дорогу.

Один из друзей майора М., прогуливаясь по набережной, повстречал там молодого человека лет шестнадцати, который, казалось, недавно сошел с корабля и блуждал в отчаянии по берегу, как бы с намерением броситься в воду. Он подошел к нему и стал расспрашивать. Молодой иностранец сказал ему, что он француз, но родился в России, и великий князь был его крестным; что отец в детстве отправил его для воспитания в одну из семинарий во Франции; закончив обучение, он возвратился в Россию, но здесь никто не мог сообщить ему сведений об отце; что он сейчас без денег, без знакомств, и ему остается только утопиться. Друг майора утешил его, привел к себе и принялся за розыски. Он узнал, что его отец, барон Библиштейн, действительно был наставником великого князя, но что он с некоторых пор уехал в Молдавию, женился там и затем умер. Майор М. и его влиятельные покровители приняли участие в молодом человеке и старались пристроить его в гвардию в качестве унтер-офицера. В шведскую войну он следовал за своим полком и попал в плен при поражении русских галер. Год спустя он дошел до состояния, еще более плачевного, чем ранее; так как, в довершение несчастий, друг майора и прочие его покровители уехали из Петербурга, то у него остался только майор М. Ежедневно он приходил к нему и жаловался на нищету. Однажды утром он нашел его за чтением “Жизни Жамера Дюваля” и его переписки с m-це Соколовой¹⁶, впоследствии г-жой Рибас. М. знал, что эта дама весьма дружна с г-жой Нелидовой¹⁷, возлюбленной великого князя, и ему в голову пришла одна мысль. Он продиктовал

жать, запрещая любую гражданскую и военную службу всем, кто дерзнет просить об отставке и сверх того посмеет носить мундир. Он немедленно отдал смешной и жестокий приказ, предписывающий всякому офицеру или унтер-офицеру, который подал или подаст прошение об отставке, в двадцать четыре часа покинуть столицу и отправиться к себе в поместье. Ни Павлу, ни его секретарю, писавшему этот указ, не пришло в голову, что эта фраза абсурдна, потому что многие из этих офицеров жили в Петербурге; здесь же находились их семейства. Они и разошлись по домам, не уезжая из столицы и повинувшись, таким образом, только второй части приказа и пребывая в страхе за невыполнение первой. Великий экзекутор Архаров¹⁸ донес об этом противоречии императору, пожелавшему, чтобы во внимание принималось только повеление о выдворении из Петербурга. Множество молодых людей были схвачены у себя в домах как преступники, вывезены за черту города с запрещением возвращаться и оставлены на дороге без теплой одежды, без крова — в самую лютую стужу. Бывшие родом из отдаленных губерний и не имевшие, в большинстве случаев, средств на возвращение туда, они блуждали в окрестностях Петербурга; многие погибли там от холода и нищеты.

Эти варварские меры затронули всех офицеров армии и должностных генералов, которые должны были присоединиться к своим полкам или выйти в отставку, потому что их должности были упразднены. Таким политически недалеким дебютом Павел желал возвестить о начале реформ и приобрести доверие армии. Но одно обстоятельство в скором времени убедило всех в том, что Павел, сделавшись императором, не отказался от военных развлечений, кои одни только занимали его в бытность великим князем: в самое утро своего вступления на престол он уже прилагал все усилия к мелочным изменениям, которые он желал ввести в обмундирование и упражнения солдат. Дворец в один миг приобрел вид местности, захваченной иностранными войсками: настолько солдаты, начавшие нести здесь караульную службу, отличались поведением и формой одежды от тех, кого можно было видеть здесь еще накануне. Он вышел из дворца во двор и провел три или четыре часа, натаскивая солдат с целью научить их вступать в караул должным, с

Ближайшему письму к адмиральше Рибас; в этом послании он написал, что, когда он случайно прочитал одно из ее прекрасных писем к Дювалю, это вывело его из отчаяния, так как он подумал, что дама, столь изысканно выражающая чувства благотворения и человеколюбия, имеет их и в своем сердце. После этого он описал ей свое жалкое положение и попросил ее о поддержке и представлении великому князю. Г-жа Рибас велела ему явиться, послала его к Нелидовой, а та рекомендовала его великому князю. Он получил несколько сот рублей на экипировку и по ходатайству графа Салтыкова был переведен в павловские батальоны с чином поручика. Он жил потом в несколько меньшей бедности и всегда сохранял чувство живой признательности. При воцарении великого князя он вступил в гвардию подполковником.

его точки зрения, образом и канонизируя таким образом вахтпарад, который сделался самым важным учреждением и центральным пунктом его правления. С этих пор он ежедневно посвящает этому столько же времени, какой бы холод ни стоял. Здесь, в простом темно-зеленом мундире, в грубых сапогах, в большой шляпе, он проводит утренние часы; здесь он отдает приказы, получает рапорты, объявляет о милостях, наградах и карах, и здесь должен представляться ему всякий офицер. Окруженный своими сыновьями и адъютантами*, он топает ногами, чтобы согреться; вид его таков: плешивая голова непокрыта, нос вздернутый, одна рука заложена за спину, а другая, в коей зажата трость, мерно поднимается и опускается под крики “раз, два! раз, два!”. Он полагает свою славу в том, чтобы не бояться пятнадцати или двадцати градусов мороза, обходясь без мехов. Очень скоро ни один военный не осмеливался более показываться на разводе в шубе, и старые генералы, мучимые кашлем, подагрой и ревматизмом, обязаны были крутиться около Павла, одетые так же, как и он.

Когда первые впечатления страха и радости ослабели в сердце Павла, он пошел по пути наказаний и опал с такой же быстротой и расточал их с такой же щедростью, с какими он изливал благоденствия. Многие лица испытали обе эти крайности в немного дней. Правда, большая часть этих кар сначала казалась справедливой. Но нужно согласиться также, что гнев Павла вообще мог поражать только виновных: до такой степени все окружавшие престол, были развращены.

Несмотря на уверения, только что данные им Зубову, один из первых последовавших за этим приказом предписывал опечатать его канцелярию и канцелярию Моркова и со скандалом удалить от двора их офицеров и секретарей. Известный Терский²⁰, рекетмейстер и докладчик в Сенате, который публично и с вопиющей наглостью продавал правосудие тому, кто больше даст, сначала был награжден орденом и получил земли, которые, как говорили, обещала ему покойная государыня за несколько дней до смерти. Мгновение спустя он был разжалован. Глупо будет восхищаться уважением Павла к предполагаемой воле его матери и его старанием обогатить мерзавца прежде, нежели его изгнать. Должно было бы, напротив, приказать возбудить судебное дело против этого грабителя имений вдов и сирот

* Если бы Хогарт¹⁹ увидел, как самодержавный император и его младший сын окружают бедного рекрута, вертят его направо и налево, заставляют его маршировать взад и вперед, задирают его подбородок, затягивают пояс и поправляют головной убор, постоянно награждая его ударами прикладом, у него в распоряжении оказался бы превосходнейший сюжет для карикатуры. Один эмигрант по имени Лами возымел забавную мысль посвятить Павлу выполненный им плохой перевод объяснений к эстампам Хогарта. Не знаю, наивность это или злой умысел, но во всяком случае имя Павла совершенно уместно в начале этого сочинения, которое прекрасно дополняется смешным посвящением. Павел не увидел здесь насмешки, почему и послал аббату Лами табакерку.

и удовлетворить общественное негодование, обойдясь с ним по всей строгости закона.

Самойлов, генерал-прокурор, которого он также с почестями утвердил в должности, пожаловав ему четыре тысячи крестьян (что приносит свыше двадцати тысяч рублей годового дохода), был несколько дней спустя низложен, посажен под арест, а его секретарь — в крепость. Наконец все было обновлено таким же образом, за исключением Безбородко, Николая Салтыкова и Архарова.

Это колеблющееся, неуверенное поведение, отличавшее первые шаги Павла, ясно доказывает, что его милости следует приписать политике, а следовавшие за ними опалы — столько же его страстности, сколько справедливости. Но особенно смутило всех им восхищавшихся одно обстоятельство: в то время, когда он вступал в лабиринт настолько запутанных дел и злоупотреблений, важность которых для государства должна была бы занять его по крайней мере на несколько дней, он уже в первое утро после своего воцарения предавался с тем же самым пылом мелочам военной службы. Форма шляпы, цвет плюмажа, высота гренадерской шапки, сапоги, гетры, кокарды*, косички и португези сделались государственными делами, на которые уходила его потрясающая энергия. Он был окружен образцами оружия и мундиров всех родов. Если Людовик XVI был государем, который лучше всего умел изготавливать замки, то, конечно, Павел I — император, который лучше всего умеет чистить пуговицы, и он занимается этим с тем же прилежанием, какое Потемкин некогда вкладывал в наведение особой щеточкой блеска на свои бриллианты. Нельзя было лучше выказать ему свое усердие и преданность в эти первые дни, чем представши перед ним в только что введенном им смехотворном наряде. Офицер, который мог заплатить сто рублей портному, чтобы иметь через несколько часов платье, сшитое по новому образцу, и явиться в нем на следующее утро на вахтпарад, был почти уверен, что получит повышение или награду. Многие не имели других заслуг и не прибегали к иным средствам для того, чтобы снискать щедрые милости нового императора**.

Другой странностью, всех изумившей, было императорское запрещение надевать круглые шляпы или, точнее, приказ отбирать их или разрывать на голове тех,

* Русская кокарда была белой. Павел приказал, чтобы она была черная с желтой каймой — на том основании, которое удивило всех; все весело разъясняли его друг другу. Белый цвет, говорил он, виден издали и может послужить точкой прицела для врага, тогда как черный сливается с цветом шляпы, и враг, не зная, куда целить, будет всегда промахиваться.

** Ему указали на генерала Мейендорфа как на хорошего кавалерийского офицера. Он послал к нему вестового, и Мейендорф, торопясь выполнить приказ, появился на разводе в мундире старого образца. Павел в ярости осыпал проклятиями тех, кто рекомендовал ему этого человека, обозвал его потемкинским солдатом и выгнал из столицы в поместья.

кто их носил. Это вызвало ряд оскорбительных сцен на улицах, и особенно возле дворца. Казаки и полицейские солдаты бросались на прохожих с целью лишить их головного убора и били тех, кто, не зная, в чем тут было дело, пробовали защищаться. Один английский купец, проезжавший в санях, был таким образом задержан, с него сорвали шляпу. Думая, что это воровство, он выскочил из саней, сбил с ног солдата и позвал стражу. Вместо этого к англичанину подошел офицер и грубо схватил его. Тот защищался и в конце концов упал. Его связали по рукам и ногам и доставили в полицию. По дороге он имел счастье встретить карету английского министра, который ехал ко двору, и попросил о заступничестве*. На жалобы г-на Витворта²¹ император, догадываясь, что круглая шляпа, будучи национальным головным убором шведов, легко могла быть такой же и у англичан²², сказал, что его приказание плохо поняли и что он постарается лучше объяснить все Архарову. На следующий день на улицах и в домах было провозглашено, что на иностранцев, которые не состояли на службе или не приняли русского подданства, это запрещение более не распространялось. Круглых шляп больше не срывали, но тех, кого встречали в этом несчастном головном уборе, провожали в полицию, чтобы выяснить, кто они такие. Если они оказывались русскими, их забирали в солдаты, и несчастье французу, который попался в таком виде: он бывал осужден как якобинец. Читатель может вообразить, что эти круглые шляпы рассматривались в качестве насмешки: вовсе нет; Павел просто питал к ним отвращение. Он объявил им войну уже в Павловском за четыре года перед этим. В третьем томе я расскажу о том, что они сыграли некоторую роль и в моей опале. Павлу донесли, что сардинский поверенный в делах, посмеиваясь над этим особенным ожесточением против круглых шляп, сказал, что в Италии для бунта не хватило как раз подобных безделиц. Через Архарова он получил приказ покинуть столицу в двадцать четыре часа. Из-за отдаленности своего государства и шаткого положения короля Сардинии он не имел возможности узнать причины подобного оскорбления, а то круглые шляпы, пожалуй, послужили бы поводом к войне между двумя монархами: фразы о правах трона и алтаря, о чести короны и счастье народа наверняка мелькали бы в манифестах***.

* Другой англичанин встретился с полицейским офицером, который отобрал у него круглую шляпу. Скрестивши руки и смотря на него сверху вниз, он сказал с видом сострадания: "Мой друг, как мне жаль тебя, что ты русский!" Этот англичанин, наверное, лет десять прожил в Петербурге и не получал известий из своего отечества.

** Это также национальная русская шляпа — с небольшим различием в форме, о котором нужно было знать, так как это препятствовало оскорблению. После того как в шляпных магазинах скоро был исчерпан запас треугольных шляп, те, кто не имел ни времени, ни средств достать их, переделали при помощи булавок свои маленькые круглые шляпы, чтобы без опаски ходить по улицам.

*** По счастью, этого не случилось с министрами шведским или прусским. Последний, по-видимому, попал в немилость у Павла по вполне благородной причине. Шляпа, косичка, ранец, гетры и шпага

Настолько же непонятным было запрещение запрягать лошадей и надевать сбрую по русскому образцу*. Отведено было две недели на то, чтобы достать немецкую упряжь, после чего полиции было предписано отрезать постромки у всех экипажей, которые оказывались запряженными на старый лад. В первые же дни после объявления этого указа многие лица, опасаясь быть оскорбленными, не отваживались более выезжать и еще менее — показываться в своих каретах близости от дворца. Шорники, пользуясь случаем, заламывали по триста рублей за простую сбрую на пару лошадей. Одеть извозчиков или русских кучеров по-немецки было не менее затруднительно. Большая часть их не хотела расставаться ни с длинной бородой, ни с кафтаном, ни с круглой шляпой и еще менее желала подвязывать искусственную косу к остриженным волосам. Все это порождало сцены и картины самые смехотворные. Император, к досаде своей, был вынужден в конце концов изменить этот суровый приказ на скромное предложение выезжать по-немецки, если кто-то желает заслужить его милость.

Другая реформа коснулась карет. Огромное число роскошных экипажей, кивших на широких петербургских улицах, исчезло в одно мгновение. Офицеры и даже генералы прибывали на вахтпарад в небольших санях или пешком. И все-таки это не избавляло от опасностей. Один офицер, идя по улице в тяжелой шубе, отдал свою шпагу, мешавшую ему ходить, слуге с намерением взять ее обратно и снять шубу, когда он приблизится ко дворцу. Ему не повезло: они повстречались с императором ранее. Офицер был разжалован в солдаты, а слуга или солдат был поставлен на его место.

Древний обычай состоит в том, что, встречаясь с русским самодержцем, с его женой или сыном, следует останавливать экипаж или лошадь, спешиваться или выходить и простираться на снегу или в грязи**. Это выражение верноподданнических чувств, варварское и трудное для исполнения в большом городе, где экипажей много и они всегда проезжают вскачь, было совершенно предано забвению в просвещенное царствование Екатерины. Одной из первых забот Павла было восстановить его во всей строгости. Один офицер генерального штаба, кучер которого не узнал возницу русского государства, ехавшего верхом, был остановлен

за спиной, которые Павел велел носить при мундире, — все это было, как он утверждал, заимствовано с прусского образца. Г-н Тауенцин², как кажется, выступил против неверного перевода, появившись при дворе в более умеренном и элегантном мундире. В этом и заключается преступление, за которое Павел потребовал отозвать его.

* У русских в ходу своя собственная сбруя и манера запрягать лошадей. Форейторы всегда садятся на правую пристяжную, и коренная лошадь оказывается слева.

** Петр I повелел наказывать палкой (и даже сам бил) тех, кто падал перед ним ниц таким образом.

и тотчас же отправлен под арест*. Такая же неприятность случалась со многими другими лицами, так что встреча с Павлом, пешком или в карете, была самым устрашающим событием. Но то, что произошло с некоей гослюжкой Лихаревой, необходимо рассказать, чтобы напомнить о том ужасе, который наводят на человечество тираны.

Эта дама находилась у себя в деревне в окрестностях Петербурга. Ее муж, бригадир Лихарев, занемог, и жена, доверяя только самой себе, отправилась в город за врачом и необходимой помощью. Она приехала в момент всеобщего потрясения. Деревенские жители не знали нового императора и вовсе не ведали его новых законов. Всецело поглощенная опасным положением мужа, она торопила слуг как можно быстрее взять ее к врачу. К несчастью, ее карета проехала, не остановившись, на некотором расстоянии от Павла, который совершал прогулку верхом. В ярости он тотчас послал адъютанта, велел остановить экипаж, приказал четырех слуг забрать в солдаты, а дерзкую даму отправить в заключение при полицейской части. Эти приказы были тотчас же выполнены. Несчастливая пробыла взаперти четыре дня. Ужасное с ней обращение, состояние, в котором она оставила мужа, истерзали ее сердце и помutilи ум. Она заболела горячкой. Ее наконец перенесли в трактир, чтобы ухаживать за ней, но несчастная навсегда потеряла рассудок. Ее муж, покинутый, беспомощный, лишенный жены и слуг, умер в отчаянии, так и не увидав ее.

Этикет сделался столь же строгим и страшным и во внутренних покоях дворца. Горе тому, кто, будучи допущен к поцелую сухой руки Павла, не стучал коленом об пол с той же силой, с какой солдат ударяет ружейным прикладом. Нужно было также, чтобы чмокание губ на руке раздалось во всеуслышанье, дабы засвидетельствовать поцелуй, как и преклонение колен. Князь Георгий Голицын²³, камергер, был немедленно отправлен под арест самим Его Величеством за то, что сделал поклон и поцеловал руку слишком небрежно**.

Одним из первых распоряжений Павла было строгое предписание торговцам стереть на вывесках французское слово “магазин” и написать там русское слово

* Когда ему возвратили шпагу, он не пожелал ее взять, говоря, что это была золотая шпага, полученная в награду от императрицы с правом не быть отнятой у него. Павел велел ему прийти, сам вручил ему шпагу, говоря, что он желал всего только показать пример и более не гневается на него. И тем не менее отдал ему приказ тотчас же уехать в армию.

** Еще в бытность великим князем Павел имел особенную склонность к соблюдению этикета. Будучи в Монбельяре²⁴, он вызвал всеобщее возмущение, взяв вдруг за руку одного молодого офицера из своей свиты, который играл в карты, и выпшвырнув его за дверь. Он сказал игравшим с ним: “Господа, этот молодой фат не довольно высокого чина, чтобы составить такую партию”. На придворных балах танцорам нужно было изо всех сил извиваться, чтобы, танцуя, постоянно быть обращенными к нему лицом, где бы он ни находился. Только враги Павла имели право повернуться к нему спиной, но я не знаю, пожелают ли они воспользоваться своим правом при случае.

“лавка”; обосновывалось это тем, что один лишь император мог иметь магазины топлива, муки, зерна и проч., но ни один купец не смеет подниматься выше своего состояния, а должен смиренно сидеть у себя в лавке.

Пришлось бы вникать в слишком скучные подробности, если задаться целью рассказать обо всех распоряжениях подобной спешности и важности, которые последовали друг за другом в течение одной недели*. Что сказать, чего ждать от человека, который, наследуя Екатерине, смотрит на такие решения как на неотложнейшие шаги для приведения дел в порядок? Часто новые и существенные узаконения взаимно противоречили или уничтожали одно другое, и он был вынужден на следующий день изменять или аннулировать то, что велел опубликовать накануне. Одним словом, Павел, даже чувствуя на плечах императорскую мантию, по-прежнему оставался великим князем и думал управлять обширной империей как своим Павловским, столицей — как собственным домом, а тридцатью миллионами людей всех сословий и наций — как дожиной лакеев.

Из всех непредвиденных и плохо подготовленных перемен, им произведенных, самыми неполитичными и наиболее значительными были те, которые он сделал в армии. Несомненно, военное ведомство нуждалось в значительных реформах и улучшениях. Смягчить жребий храброго русского солдата, устроить еще более жалкую участь офицера, уменьшить мало-помалу число сверхштатных, ввести порядок и дисциплину, которые разрушило царствование стольких женщин и фаворитов, — вот то поле разумной деятельности, которое открывалось военному гению Павла. Увеличить несправедливости, умножить и без того большое число майоров, изменить мундиры, чины, термины и названия — вот все, что он сумел сделать. Русская армия по красоте, простоте и удобству своего обмундирования, приспособленного к климату и к духу страны, была образцом, достойным подражания**. Широкие шаровары (то есть — штаны) красного сукна, концы которых заправлялись в сапоги из мягкой кожи, стягивались поясом на куртке красного и зеленого цветов; небольшая каска весьма воинственно украшала голову; подстриженные волосы, которые легко было содержать в чистоте, закрывали уши — та-

* Тогда же он особенным указом запретил носить фракки, жилеты и панталоны. Он не позволил Академии пользоваться термином “революция”, говоря о движении звезд²⁵, предписал актерам употреблять слово “позволение” вместо слова “свобода”, которое они ставили в своих афишах. Он не разрешил фабрикантам изготовлять какие бы то ни было трехцветные ленты и материи.

** Таким образом, солдат не без некоторого основания считал себя много выше своих соседей. Павел имел глупость отнять у него эту национальную гордость, заставляя его рабски подражать немцам прошлого века, которых, как русские считали, они оставили далеко позади. Павел действовал как педант, который, чтобы наказать самонадеянного ученика, слишком быстро выучившегося читать, заставляет его снова твердить азбуку.

кова была форма солдата. Он мог одеться в мгновение ока, потому что у него были только две вещи из платья, и их просторность позволяла ему защитить себя от холода, не нарушая формы. Теперь его заставили сменить этот ловкий и воинственный наряд на старинное немецкое платье, внушающее ужас русскому человеку. Ему необходимо покрывать мукой и салом свои белокурые волосы, которые он любил мыть каждое утро; надо посвящать целый час на застегивание проклятых черных гетр, которые неудобно жмут ему лодыжки. Русский солдат громко роптал. Вероятно, фальшивые косички, которые ему насильно подвесили к парик, вызвали столько же побегов, сколько и форма прически, на которой настаивал Сен-Жермен²⁶: убранные в пучок волосы*. Старый оригинал фельдмаршал Суворов, получив приказание ввести все эти новшества и небольшие палочки для измерения косичек и буклей, сказал: “Пудра не порох, букли не пушки, а косички — не штыки”. Эти остроумные и осмысленные слова, которые по-русски звучат как рифмованная поговорка²⁷, переходили в полках из уст в уста и были тем истинным основанием, которое побудило Павла вызвать к себе Суворова и отправить его в отставку. Этот старый воин — кумир русского солдата.

Того же самого рода перемены он производил и в гражданском строе: он желает не улучшать, но изменять. Достаточно того, чтобы что-нибудь было в царствование его матери, — и это не может существовать при нем. Все суды, все губернии империи переделаны и преобразованы; та, название которой напоминало о славе Екатерины (Екатеринославская), упразднена им, и это публичное оскорбление памяти матери — одно только по сердцу Павлу**. Судите же о смятении, разрушениях, несправедливостях, бедствиях, которые подобные перемещения

* До царствования Павла дезертирство было почти неизвестно у русских. В настоящее же время они бегут целыми взводами в Пруссию, где из них формируют полки. Я спрашивал у некоторых, почему они дезертировали. “Как, сударь! — сказали они. — Нас муштруют с утра до вечера, не давая поесть, у нас отняли нашу одежду и бьют нещадно”.

** Нет мелочей, до которых не снизошел бы этот обожающий пустяки император, чтобы выказать зависть к памяти своей матери. Люди, которые были привязаны к этой государыне, носили перстни, на которых была выгравирована дата ее смерти. Ее сын имел бесстыдство выразить недовольство по этому поводу. Он пожелал, чтобы носили кольца со следующими словами: “Павел меня утешает”. Это так утешило, что заставило всех смеяться.

Он довел свое сыновнее бесстыдство до такой степени, что порастил своим неодобрением общество богатых русских, которые соединились в Гамбурге под покровительством русской миссии с целью воздвигнуть полгический памятник в честь Екатерины. Положение, в котором майор М. еще находился в то время, и в особенности его обязательства перед двумя его друзьями, побудили его принять участие в этом начинании. Судьи гамбургского Лицея имели мужество присудить вторую награду присланному им сочинению, несмотря на запретные мысли, просвечивавшие в том, как он прославлял Екатерину, а также в умолчаниях или намеках на “утешителя”, которого она оставила. Девизом произведения было: “Fuit illa et ingens gloria Russorum”²⁸, и там находились следующие стихи:

повлекли за собой в России. Французская революция не совершила их в таком множестве, стремясь все обновить, как восшествие на престол Павла — чтобы все испортить. Более двадцати тысяч дворян очутились не у дел.

Если новое царствование тягостно для армии и бедных дворян, то до сих пор оно было еще более мрачным для несчастных крестьян, которых оно старается заковать в цепи. В чем Пруссия действительно могла бы служить примером для Павла, то, без сомнения, в том, как там обращаются с поляками, вероломно подчиненными новому господству*. Можно сказать, что прусское правительство пре-

Но я слышу, как звучит жалобный голос;
Я вижу людей, плачущих и угрожающих. —
Остановитесь, варвары! О, кому воздвигнут этот алтарь?
Глядите: вот воины, оковы, огни, оружие;
О, кровь моя и мои слезы
Вскоре прекратят воскурять этот преступный фимиам.

И еще:

Могучий северный орел, раненный в полете,
Опускается на землю:
Он блуждает в ночи; его звезда закатилась.

Секретарь миссии, извещая автора об успехе, который снискал его труд, писал также, что его только что отослали императору и засвидетельствовали свои верноподданнические чувства Его Величеству этим памятником, который будет великолепен и будет стоить громадных денег. В том же письме он просил его сочинить в честь Павла оду, чтобы поставить ее во главе признанных лучшими произведений. М. начисто отказался от этой повинности, которая была бы подлостью с его стороны, так как он только что был оторван от своей семьи и несправедливо изгнан императором. Но, не получая медали, которая была ему присуждена, он потребовал от секретаря немедленно ее доставить, грозя в противном случае публично объявить в газетах о столь возмутительном поступке. Он знал, что его произведение разошлось при петербургском дворе и что там знали его имя, хотя он из предосторожности и поставил вместо подписи анаграмму. Все это в немалой степени и навлекло проклятие Павла на гамбургское общество. Но бесчестия от огласки все же побоялись: миссия наконец прислала медаль с неловким извинением за более чем годовое опоздание, признаваясь, что поскольку император не одобрил этот памятник своей матери, то знаменитое общество испугалось его негодования. Майор М. сам сообщил мне эти подробности и письма секретаря.

* Сравните с указом Павла, который повелевает всем своим подданным простирались при его виде в пыли, приказание, только что отданное молодым королем прусским его министрам²⁹ по возвращении из Польши, где он был возмущен, найдя польский народ почти в таком же унижении, как русский. Вот некоторые отрывки из этого замечательного предписания, которые я привожу в переводе (см. «Ежегодник прусской монархии», январскую тетрадь 1799 г.): «Мои возлюбленные министры Фосс и Шреттер! Во время путешествия, которое я только что совершил по новым прусским провинциям, я увидел, что низший класс моих подданных в этих местах пребывает в состоянии куда менее цивилизованном, чем в других провинциях. Эти несчастные весьма невыгодно отличаются нечистоплотностью своих одежд и жилищ, но в особенности низкопоклонными манерами и преувеличенным унижением... Последний из моих подданных имеет передо мной и перед законом человеческое достоинство. Подданные из этих новых провинций не знают еще этого достоинства, которым они обязаны прусской власти, потому что низшие правительственные чиновники сами не знают своего призвания и злоупотребляют своею властью. Хо-

доставляет польским рабам больше свободы, чем мог бы им обещать победитель Костюшко. Король прусский, далекий от подражания Екатерине или Павлу, которые раздают этих рабов придворным в частное, еще более невыносимое владение*, прикрепил их к своим поместьям, и их участь по сравнению с прежней бесконечно более сносна.

Так как распространился слух, что Павел ограничит власть господ над крепостными и даст помещичьим крестьянам такие же преимущества, как и государственным, то народ в столице предавался великим чаяниям. Как раз в это время один офицер отъезжал к своему полку, стоявшему в Оренбурге. В дороге его расспрашивали о новом императоре и новых законах. Он рассказал о том, что видел и слышал, и между прочим об указе в пользу крестьян, который должен был появиться в скором времени. При этих известиях тверские и новгородские крестьяне пришли в волнение, в коем усмотрели признаки мятежа. Их господа свирепо обошлись с ними. Причина этого заблуждения открылась. Павел тут же послал старого фельдмаршала Репнина с войсками на усмирение нескольких селений³⁰, бедные обитатели которых несколько шумно радовались тому, что их новый император желает, как они говорили, облегчить тяжесть их оков. Офицер, податель этой ложной надежды, который распространил ее неумышленно, сообщая при проезде столичные новости, в скором времени был доставлен в столицу, закованный в железа, как преступник, зачинщик бунта и проповедник свободы. Кто может читать об этом без дрожи негодования! Петербургский Сенат признал его достойным смерти, осудил на лишение прав и состояния, наказание кнутом и каторжные работы в рудниках, если он останется в живых после этого истязания. И все это за то, что он упомянул на нескольких почтовых станциях по дороге из Петербурга в Оренбург, будто новый император, исполненный человеколюбия, ограничит власть господ над рабами! Павел утвердил этот бессмысленно жестокий приговор. Вот первый уголовный процесс, о котором сообщили публике, и, конечно, он

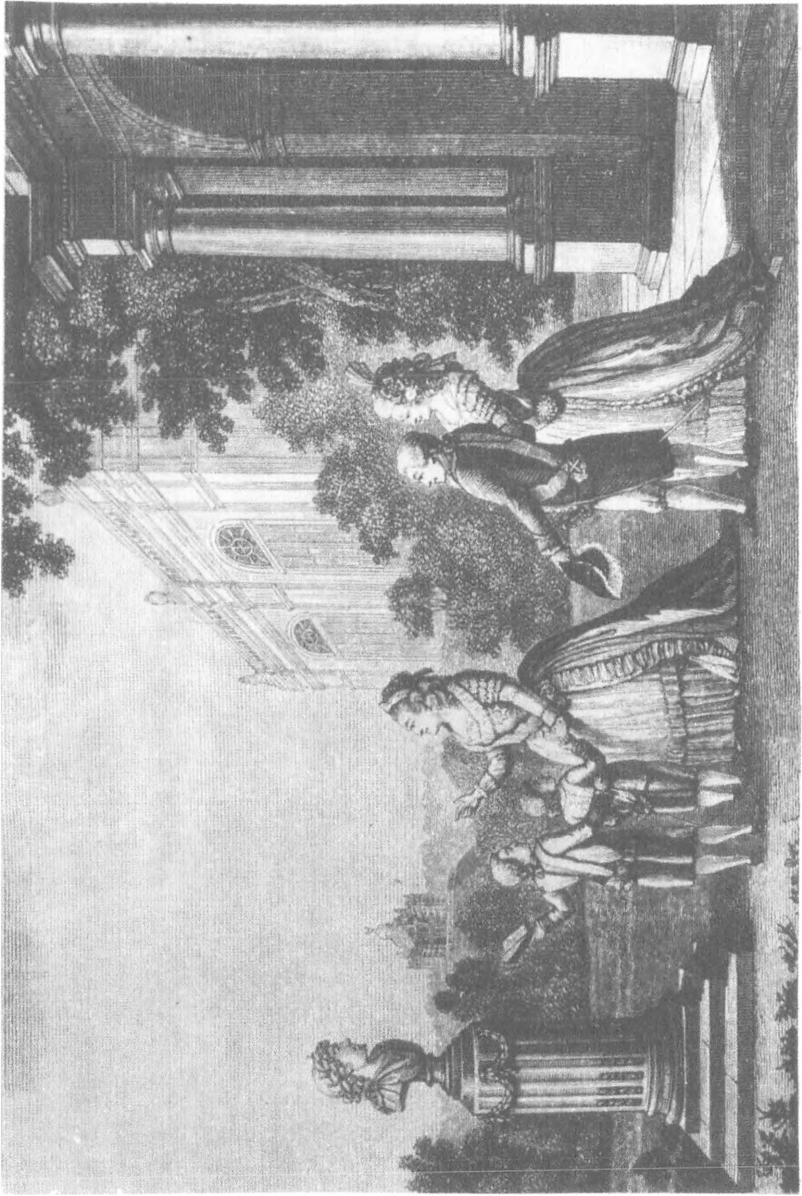
дочим стало утверждение о том, что поляками должно управлять при помощи кнута, и я много раз слышал жалобы на подобное обращение с моими подданными в то время, как меняли моих лошадей” и проч.

Вот как изъясняется король-человек, который был возмущен при виде рабского народа, ползавшего у его ног. Он предписывает своим министрам возвысить эту униженную нацию, просвещая ее, цивилизуя и наказывая злоупотребления властью. Это прямо противоположно тому, чего желает Павел Темный.

* Все государи, которые желали возвысить народ и унижить вельмож, чтобы основательнее утвердить свою власть, всегда старались присоединить к своим владениям земли и права помещиков. Русские самодержцы держатся противоположной методы: они раздают свои поместья дворянам, чтобы сделать из них лучших соучастников в тирании куда более чудовищной, чем та, которая царила когда-либо при феодализме. Прибегая к этой жестокой системе, они сами лишают себя возможности даровать когда-нибудь свободу рабам.

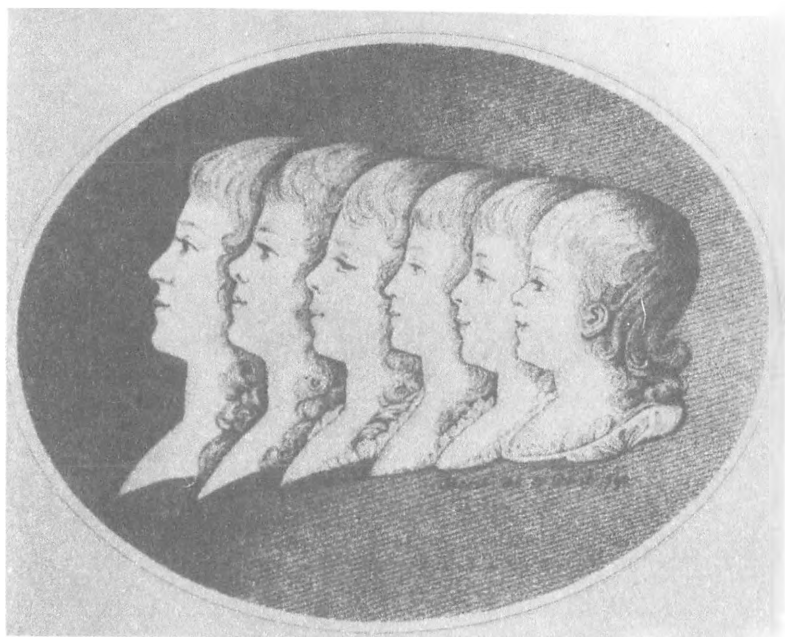
Императрица Екатерина II.

Екатерина II с семейством.

Император Павел I.

*Дети Павла I — Александр,
Константин, Александра,
Елена, Мария и Екатерина.*

А.А. Безбородко.

Г.А. Потемкин.

Н.И. Салтыков.

Н.В. Репнин.

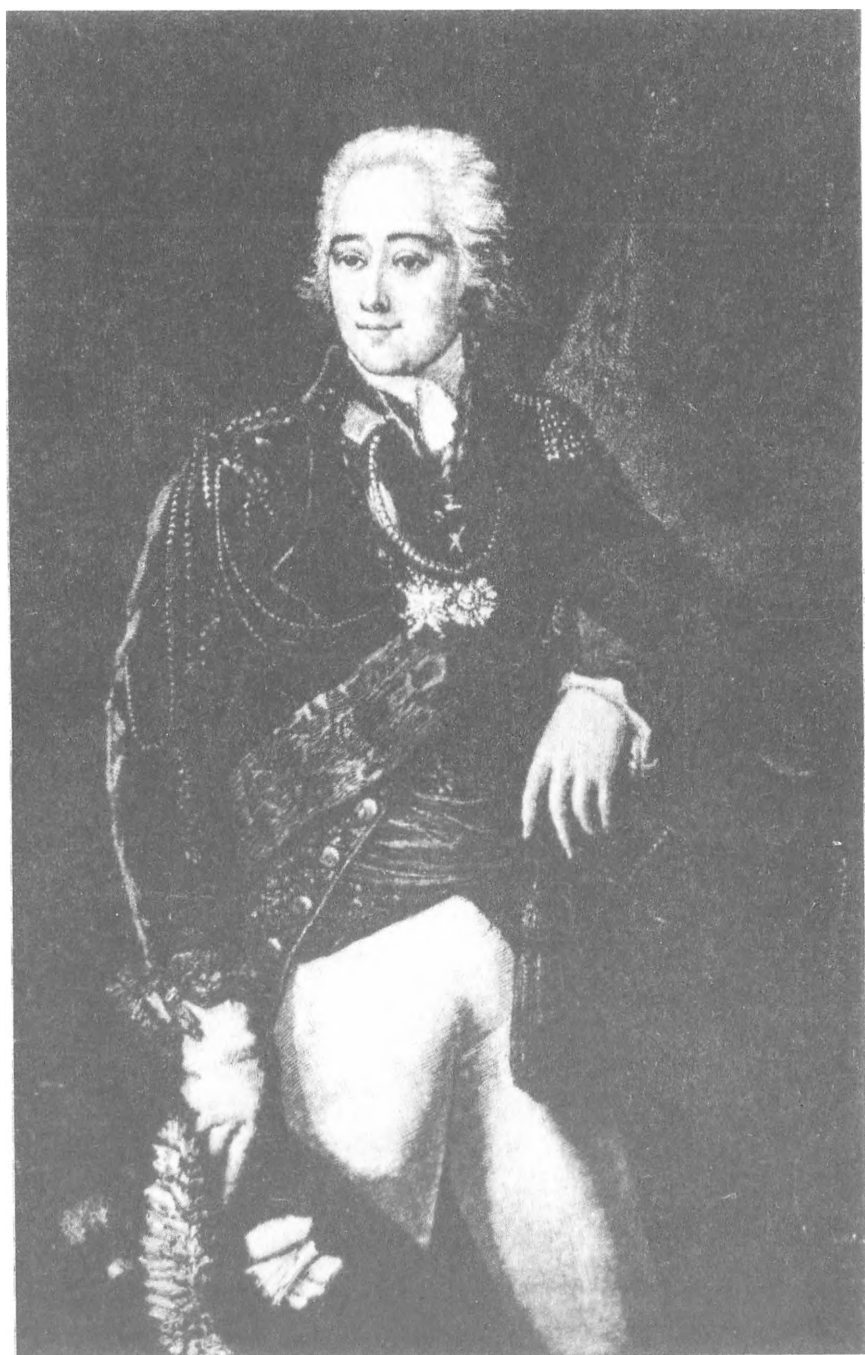

Г.Г. Орлов.

П.А. Зубов.

С.Г. Зорич.

А.М. Дмитриев-Мамонов.

А.Д. Ланской.

*Императрица
Мария Федоровна.*

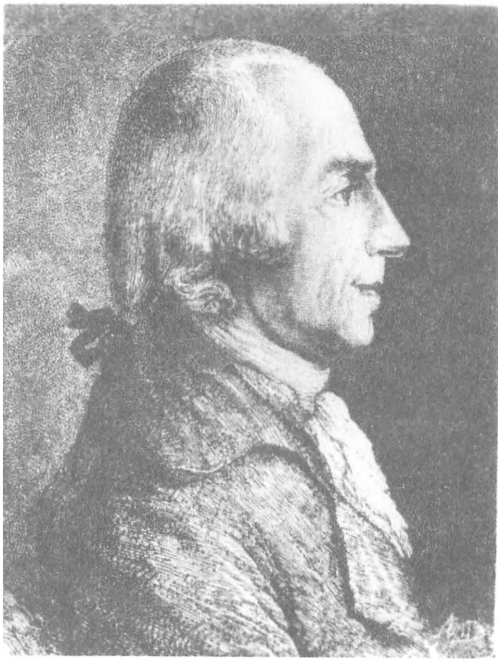
*Великий князь
Александр Павлович.*

Великая княгиня Александра Павловна.

Императрица Елизавета Алексеевна.

Ф.-Ц. Лагарп.

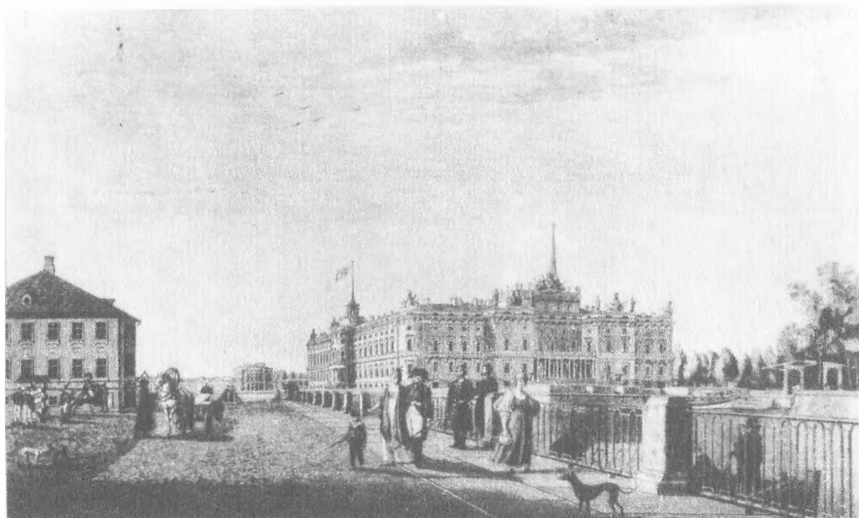

А.А. Самборский.

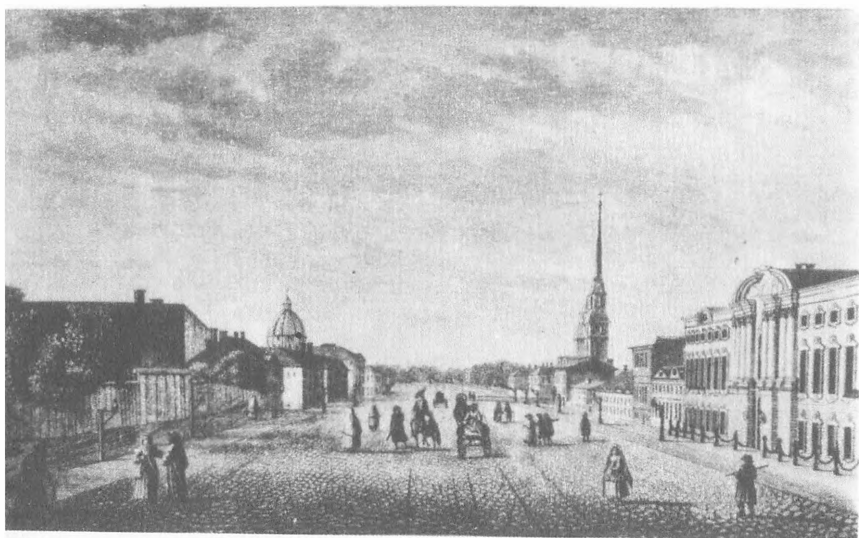
*Л. Кобенцель,
австрийский посланник.*

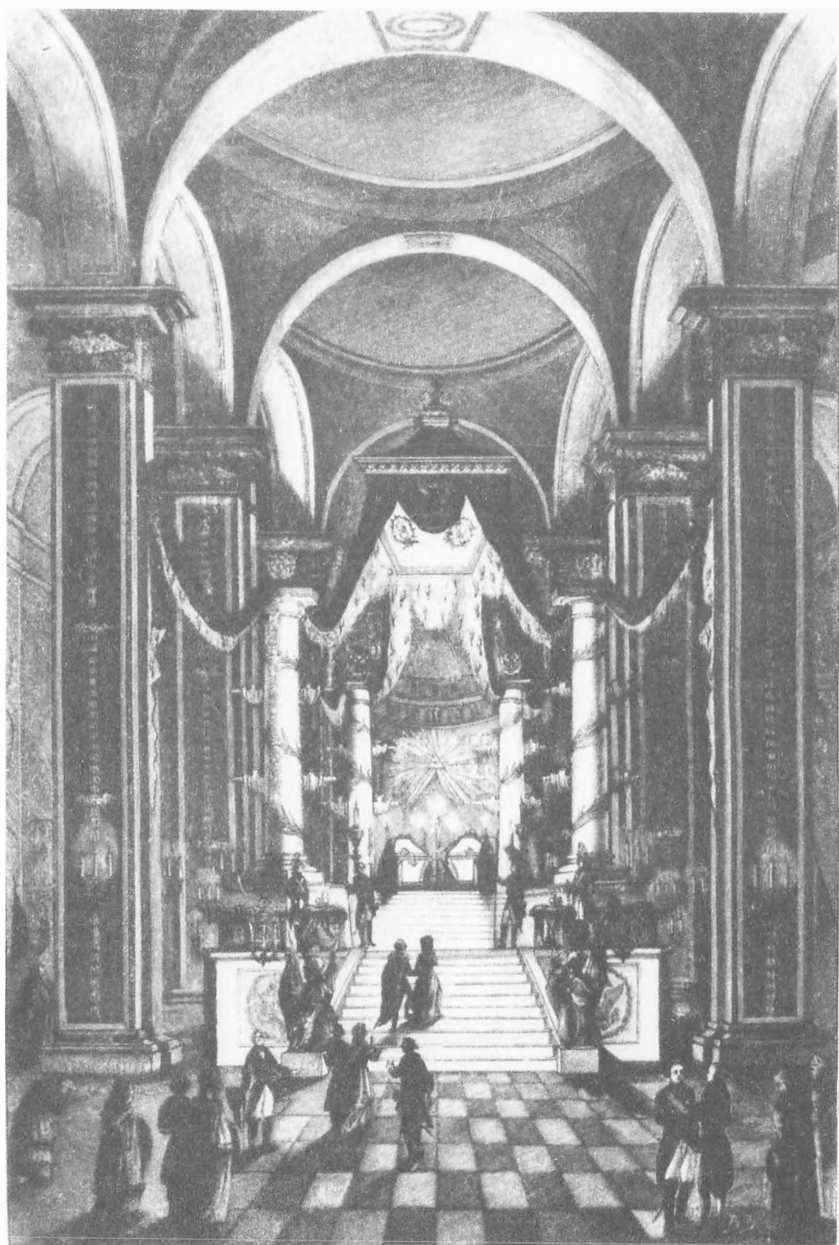
*Л.-Ф. Сегюр,
французский посол.*

Михайловский дворец.

Невский проспект при Екатерине II.

Катафалк, воздвигнутый над гробами Петра III и Екатерины II в Петропавловском соборе.

только оправдывает тот остаток стыда, который до сих пор заставлял держать в секрете подобные государственные злоумышления. Сенат, ничтоже сумняшеся, приложил печать правосудия и законности к кровавому акту, который при Екатерине, может быть, и совершился бы, но, по крайней мере, в тайне и молчании, коими облекается преступление. Но оставим жестокости Павла, чтобы вернуться к его сумасбродствам.

Наиболее выдающееся из них — это та маниакальная приверженность, которую он уже в пору юности питал к упражнениям и обмундированию солдат; с той поры она постоянно росла. Эта страсть предвещает в будущем государе генерала и героя не более, чем тщательное одевание и раздевание куклы обещает хорошую мать семейства в маленькой девочке, которая проводит свой день за этими играми. Известно, что Фридрих Великий, самый искусный воин своего времени, с детства испытывал непобедимое отвращение ко всем мелочам капральства, которые хотел ему навязать отец³¹: это было первым источником вражды, всегда царившей в отношениях между отцом и сыном. Юный Фридрих мог лишь урывками, потихоньку заниматься историей и словесностью со своим наставником Ганом. Фридрих Вильгельм смотрел на всякую книгу, кроме псалмов Давида и своих военных уставов, как на бесполезную и опасную, и когда он увидел, что Фридрих, не ограничиваясь уменьем играть гвардейский марш, пожелал заменить свой маленький барабан клавиесином, а трубу — нежной флейтой, он запретил ему также и музыку. Эта отцовская тирания, вопреки ожиданиям, привела к одному: она придала больше настойчивости подавляемым желаниям Фридриха. Он сам доставил себе образование; он сделался героем. А его отец был только капралом*.

Петр III также довел солдатоманию до смешного и думал, что берет за образец Фридриха. Он любил солдат и оружие, как другие любят собак и лошадей. Он только и умел, что упражняться в военной науке, он выезжал исключительно в наряде военачальника. Пусть так! но сей Петр III во главе полка, вымуштрованного им самолично, не имел мужества лицом к лицу встретиться с женщиной, шедшей на него с несколькими ротами гвардейцев, которые не знали прусских экзерциций. Он потерял корону и жизнь, не осмелившись их защищать. Едва ли можно найти более уместный, убедительный и точный пример, обращенный против этой солдатомании, которая, кажется, скорее исключает мужество и военные таланты, чем их предполагает. Грубый камзол, застегнутый на животе, засаленная шляпа** и

* Я знавал молодых русских, которым те же самые причины оказались лишь на пользу и развили их ум. Так превосходный лук расправляется под рукой, которая его сгибает.

** Павел выставляет напоказ свою грязную шляпу. В чем тут заслуга? Если он хочет, чтобы всякий исполнял свой долг, то почему же он не заставит своих лакеев пройти щеткой по его шляпе? Неся эту важную службу, они скорее смогут достичь чина статского советника.

шпага за спиной — всему этому очень легко подражать. Можно даже проводить целые дни на разводе, колотить там солдат и глумиться над офицерами, но все это будет злой карикатурой на великого короля. Это значит так же походить на него, как вербовщик, который тщится перенять его наружность. Но, как говорит Мольер:

Когда кому-нибудь хотим мы подражать,
Хорошее одно должны перенимать
И, если кашляет наш образец, стараться
Мы не должны... и кашлять, и плеватьсь.³²

Было бы куда полезнее (и почти так же легко), подражая великому королю (это дело не требует ни таланта, ни ума, но единственно доброго желанья, терпения и любви к справедливости), получать, как он, прошения и письма своих подданных, а главное — отвечать на них. Трудно не дивиться тому, с каким постоянством, с какой точностью этот великий человек неизменно выполнял это решение, принятое им в самом начале царствования. Он отказывал или утверждал, находил просьбу несправедливой или основательной, но отвечал всякому, кто к нему обращался. Я видел многие из этих ответов, изумительных по мудрости и четкости. Между тем Фридрих находил время составлять, и даже сочинять, и еще кое-что, кроме писем. Он вставал не раньше Павла, но на разводе оставался только четверть часа, а часто и вовсе не ходил туда.

Ничего не было бы достойнее русского самодержца, как установить между собой и своими рабами подобную связь, потому что произвол и насилие в общественной жизни нигде не представляют столь вопиющего и распространенного явления. До сих пор любого осмелившегося подать просьбу непосредственно Его Императорскому Величеству, даже в царствование Екатерины, препровождали в тюрьму. Павел с первого дня своего восшествия на престол, казалось, уничтожил эту жестокость и принял несколько бумаг, которые ему вручили. Он даже велел устроить нечто вроде почтового ящика на лестнице дворца, куда любой мог бросать свои письма. Он приказал напечатать в газетах, что читает все эти просьбы и после необходимой проверки вынесет решение. Поэтому он запретил приходить и мешать ему на вахтпараде и приказал сажать под арест тех, кто еще осмеливался приближаться к нему с бумагой в руках. Между тем ящик наполнился, и Павел, найдя там, вопреки ожиданию, больше жалоб, чем доносов, возымел к ним отвращение и испугался их количества. Он не понял, что число их будет уменьшаться по мере того, как он будет быстро и последовательно на них отвечать. Все было вновь ввергнуто в первоначальный хаос, и секретари, на которых возложена обязан-

ность просматривать эти бумаги, как и прежде, по своему произволу вершат дела несчастных, прибегнувших к своему господину*.

Финансы империи, истощенные огромными расходами и, главное, мотовством царствования Екатерины, нуждались в неотложном лечении, и Павел, казалось, сначала помышлял об этом. То ли от надежды, то ли от страха государственные бумаги немного поднялись в цене. Нужно было думать, что русский великий князь, который в продолжение тридцати лет был вынужден жить имея сто тысяч рублей годового дохода, хотя бы поневоле научился экономии. Но вскоре все увидели, что он собирает сокровища и изливает милости с тем же изобилием и с еще меньшей оглядкой, чем его мать. Грабительства в несчастной Польше продолжали обогащать людей, уже и без того слишком богатых**. Нужно знать неиссякаемые источники, из коих черпает русский самодержец, чтобы не изумляться огромности даров, которыми он наделяет своих придворных, и не возмущаться в то же время тем, какие крохи он уделяет обществу, правосудию, справедливым вознаграждениям и истинной благотворительности***.

Внезапность, с которой в руки Павла перешли бразды правления, ужас, который внушали его строгость и энергичность, всем известные, поначалу расстроили темные интриги мошенников и мерзавцев, обращавших в свою пользу государственные сокровища. Помешав их скандальному расхищению, можно было бы их

* Павел иногда отдавал распоряжения относительно получаемых им писем, но никогда не отвечал на них. Я сам редактировал несколько просьб, очень кратких, ясных и справедливых, для нескольких притесняемых особ; они остались без ответа. Теперь он велит печатать в петербургских газетах свои отказы на просьбы, которые ему подаются. Таким образом государь, который должен быть по отношению к своему народу тем, чем принимающий исповедь священник является для своего кающегося духовного сына, сам разглашает семейственные тайны и обманывает доверие подданных.

** Я узнал, что по случаю своей коронации Павел среди других пожалований только что распределил между двадцатью лицами 82 тысячи душ. На человеческом языке это означает, что он пожаловал им в подарок земли, обитаемые и обрабатываемые 82 тысячами рабов мужского пола, ибо женщина в России пока еще не является душой. Таким даром самодержец уступает другим частные права, коими он обладает по отношению к этим несчастным и к полям, которые их принуждают возделывать, и оставляет за собою только господство над ними. Принимая во внимание, что ревизская душа, или крестьянин, приносит только 7 рублей серебром сословию или дворянину, которым она принадлежит (это сумма очень скромная), император раздал на 564 тысячи рублей чистых доходов с государственных имений, что составляет, ввиду природы этого имущества, неисчислимый капитал. Екатерина подобной расточительностью почти исчерпала свои имения, но староства и земли, отобранные у Польши, составляют фонды, откуда заимствует теперь великодушный Павел. Нет нужды замечать, что в России или Польше население в 82 тысячи мужчин должно располагаться на огромной территории.

*** Все распоряжения, которые Павел сумел сделать для установления хоть какого-то равновесия между доходом и расходом, свелись в конце концов к чрезвычайному налогу, только что наложенному им на все сословия его подданных. Подушная подать несчастных крепостных была удвоена, а дворянство обременено еще одним, новым налогом, который они должны будут выплачивать.

удвоить. И следует думать, что, пока все обновляется, воры должны будут на время приостановить свои махинации. Но, узнавши манеру Павла, они приноровят к ней и свою: найдут другие лазейки, воспользуются иными окольными путями; грабежи на службе и должностные преступления видоизменятся и снова станут системой, как и раньше. Воровство — порок, неотделимый от русского управления, и коренится он в национальном характере, в испорченности нравов, недостатке честности и общественного самосознания*.

Нужно признать, что лица, окружающие Павла, в нравственном отношении все же достойнее, нежели приближенные его матери; поэтому он будет более ее виновен, если оставит те же самые безобразия. Правда, Екатерина выражала притязание руководить своими скотами, а Павел, наоборот, скорее разрешит лакеям управлять собою, нежели государственным мужам. Причина этого кроется в его безмерном самолюбии: он почувствовал бы себя униженным, если бы последовал советам человека, более просвещенного, чем он сам. Особа, имеющая на его поступки самое прямое влияние, коего никогда не приобрести ни его министрам, ни даже его любовнице, — это камердинер, турок по происхождению, попавший в рабство еще ребенком и выросший вместе с Павлом. За этим турком, которого зовут Иван Павлович³⁴, генералы и вельможи теперь наперебой спешат ухаживать, как за истинным источником особенного благорасположения Павла. Любовь — сильнейшая и наиболее извинительная из страстей: ее выходки и злоупотребления кажутся также и наименее ненавистными; никогда царствование фаворитов или фавориток не будет столь гнусно, как власть лакеев. Помимо дурного воспитания, справедливо против них предубеждающего, то значение, которое государь им предоставляет, всегда имеет в себе нечто низкое, отталкивающее, что напоминает о гардеробе**.

* Увы! когда я писал это, я не ожидал увидеть тот же позор, торжествующий при республиканском режиме, у возрожденной нации³¹.

** Этот Иван Павлович сейчас статский советник и имеет титул его превосходительства. Многие слуги, гоф- и камер-фурьеры ежедневно достигают самых высоких мест. Таким образом, крайности складятся: своеволие московитизма приводит к тому равенству прав, которое ему ненавистно. Но здесь это есть истинное бедствие. Один знатный русский вельможа имел привычку дружески протягивать руку всякому поваренку и полотеру, которых он встречал при дворе, называя их “брат” и “батюшка”. Когда кто-то поразился такой короткости, вельможа ответил: “Э, господа! это политика: эти люди могут завтра сделаться моими товарищами”. Таково русское равенство. Это равенство Тарквиния³⁵, который сбивает самые высокие головки своих маков; это равенство султана, который делает первым визирем одного из своих водоносов. Все это в порядке вещей: султан и водонос — турки, князь и истопник — русские, и всего чаще они равны по знаниям и достоинству.

ГЛАВА ПЯТАЯ ДОЛЖЕН ЛИ ПАВЕЛ СТРАШИТЬСЯ ЖРЕБИЯ ПЕТРА III?

Параллель между Павлом и его отцом • Портрет теперешней императрицы, великого князя Александра, великого князя Константина, Зубова, Н. Салтыкова, Остермана, Самойлова, Безбородко, Моркова, Архарова, Репнина, Суворова, Валериана Зубова • Черты характера Павла и его главных придворных или министров • Его портрет • Анекдоты о поведении Павла в бытность его великим князем

образе жизни, которую Павел вел как великий князь, а также в начале его управления империей наблюдается такое сходство с его отцом, что, заменив имена и даты, можно принять историю одного за историю другого. Оба они были поставлены вне участия в делах и жили, насколько это было возможно, вдали от двора, где находились скорее как государственные узники, чем как наследники, и показывались время от времени, словно выходя с того света или иностранцы. Тетка отца (Елизавета) действовала совершенно так же, как поступала впоследствии мать сына. Они заботились только о том, чтобы затянуть их детство, навсегда оставить их в ничтожности и даже сделать их ненавистными и презираемыми народом и вельможами. И тому и другому была свойственна большая подвижность тела при чрезвычайной апатии ума; оба обладали энергией, которая при отсутствии цели и необходимой пищи выродилась в бесчинство: деятельность одного свелась к кутежам, другого — к мелочам. Решительное отвращение к учению и размышлению дало им обоим то исключительное пристрастие к детским военным игрушкам, которое Павел, быть может, унаследовал бы в меньшей степени, если бы видел, какой шутовской оттенок оно сообщило Петру*.

* Обыкновенно наблюдается странная противоположность между отцами и детьми, имеющими в характере какую-либо выдающуюся черту. Порядочного сына часто будет отличать добродетель, противостоящая пороку, который имел его отец, в особенности если он испытал его смешную сторону или

Между тем полученное им воспитание было куда более тщательным, нежели воспитание его отца. В детстве он был окружен достойными людьми, в юности обещал большие способности*. Следует даже думать, что странностями, усвоенными им себе впоследствии, он обязан исключительно тому образу жизни, который его принуждали вести. У него есть еще одно преимущество перед Петром, состоящее во многих прекрасных знаниях, и, самое главное, в трезвости и выдержанности нравов, тем более в нем похвальных, что они доселе очень редко замечались в русском самодержце. Тому же самому воспитанию и знанию языка и национального характера он обязан еще несколькими счастливыми различиями между ним и отцом. Если он сумеет ими воспользоваться, то не впадет в те же самые безрассудства.

Но самым разительным является их сходство в обращении с женами, а самым странным — их ответственность в любви. Екатерина и Мария были красивейшими женщинами при дворе: они несколько не пленили сердец своих мужей. Екатерина имела честолюбивую душу, развитой ум, изысканный и любезный нрав. Она внушала тоску и отчужденность человеку, который любил только солдат, вино и табак. Он избрал себе предмет привязанности, менее достойный уважения и менее прихотливый. Графиня Воронцова, некрасивая, грубая и глупая, лучше подходила к его казарменным вкусам и сделалась его любовницей**.

Павел, находя в своей жене только классическую красоту, неизменную кротость, неутомимую снисходительность, присущие ей как покорной супруге и нежной матери, преисполнился к ней отвращения и привязался к г-же Нелидовой, у которой, по всей видимости, было с ним гораздо больше общего. Это маленькая

был его жертвой. Я мог бы сослаться здесь на частные случаи, весьма интересные для меня, но пример трех прусских монархов, наследовавших друг другу, разителен. Фридрих I столько же отличался великолепием и учтивостью, как его сын — мелочной бережливостью и грубостью¹: великий король² избежал обеих этих крайностей. Дед покровительствовал наукам и почитал их из тщеславия, сын преследовал их и старался сделать ненавистными, внук — страстно любил и насаждал их личным примером. Первый был королем-придворным, второй — королем-капралом, третий — королем-героем. Этот контраст между отцом и сыном в течение долгого времени не мог проявиться в России, где они друг другу не наследовали. Но сейчас он только что обнаружился весьма наглядно. Екатерина и Павел — две крайности, а великий князь Александр обещает в один счастливый день сделаться серединой, которая их примирит.

* Людовик XIV и Фридрих Великий осыпали благами и почестями тех, кто заботился об их воспитании. Старику Эпинусу³, наставнику Павла, угрожает судьба Сенеки⁴ и Бурра⁵. Участь полковника Лагарпа и майора Массона, которые были при его сыне, была бы еще менее счастливой, если бы они попались в руки Павла.

** Она напивалась вместе с ним и ругалась, как солдат; разговаривая, она косила, дурно пахла и харкала.

дурнушка, кажется выкупающая недостатки своей наружности умом и ловкостью. Но, конечно, нужно походить на Павла, чтобы сделаться предметом его любви*.

Отец и сын, достигнув трона, были в равной степени ненавидимы и презираемы двором и народом; оба, казалось, на какое-то мгновение склонили общественное мнение на свою сторону. Первые шаги Павла словно скопированы, но в исправленном виде, с начальных деяний Петра. Освобождение Костюшко и многих узников заставило вспомнить о возвращении из ссылки Бирона, Миниха и Лестока⁷, с тем только различием, что Петр III не омрачил этих актов милосердия или правосудия глупым насилием или постыдными и необоснованными преследованиями. Оба издали указы, чрезвычайно благоприятные для дворянства, но с той существенной разницей, которая не делает чести Павлу. Отец даровал русским дворянам естественные права⁸, кои должен иметь всякий человек, а сын желает вернуть лишь устарелые отличия, в наши дни сделавшиеся смешными^{**}. Но в чем он оказался выше отца, так это в своем поведении с духовенством. Далекий от того, чтобы оскорблять клириков и заставлять их стричь свои священные бороды¹⁰, он наградил государственными орденами епископов, чтобы уподобить их дворянству, и польстил народу и духовенству, основывая по божественному вдохновению храмы^{***}. Отсюда вытекает, что Петр имел более здоровые разум и сердце, но был неблагоразумен, а в Павле больше лукавства, предрассудков и ханжества.

* Он только что изменил ей. Нелидова, чьи отношения с императрицей находились в рамках приличия, отослана, и фавориткой сделалась юная Лопухина⁴.

** Сейчас Павел намеревается создать в России геральдическую знать; хотя в старину здесь не ведали об этой примете средневековья. Царь Федор даже повелел сжечь грамоты, посредством которых некоторые семейства хотели получить превосходство над другими⁹. Русские уже достигают своего двенадцатого века! Это была единственная нация в Европе, которая в быстром движении на пути к цивилизации перешагнула через эту глупость. Почему же теперь ее желают восстановить? Чтобы отдалить революцию во французском духе!

*** Некий часовой, стоявший на карауле возле одной из дверей Летнего дворца (так называется старый деревянный замок, в котором жила Елизавета), обратился к своему начальнику, утверждая, что желает раскрыть тайну. Он поведал ему, что во время своего караула он увидел свет в заброшенных залах дворца, что постучали в дверь помещения, где он находился, и окликнули его по имени. Тогда он набрался мужества, поглядел в щелку двери и узрел архангела Михаила. Тот приказал ему отправиться от его имени к императору и передать, чтобы в этом месте выстроили церковь в честь этого святого. Солдат просил вследствие важности этого происшествия сообщить о нем императору, или ему самому придется взять на себя эту вольность, дабы выполнить данное поручение. Офицер не поверил ясновидцу и решил, что он сумасшедший. Между тем он рассказал об этом приключении майору, который нашел уместным передать историю Павлу. Солдат был вызван; его заставили повторить рассказ о виденном. Император сказал, что св. Михаилу нужно повиноваться, что он и сам уже получил свыше веление возвести такую церковь и имеет ее план. Он действительно велел принести план церкви, который хранился у него в кабинете. Не правда ли, трудно удержаться от мысли, что читаешь эпизод какой-то легенды? Этот фарс только что, в декабре месяце 1796 года, имел место при российском дворе: автор отчасти был его свидетелем. Дворец сломали, начали строить церковь и новый дворец, посвященные его

Но в чем его грубые политические расчеты, по-видимому, покинули его, потому что он был захвачен своей господствующей страстью, так это в военных операциях. Внезапная перемена всей дисциплины создала ему в армии почти столько же врагов, сколько там было офицеров и солдат. Преимущество, которое он отдает старым немцам, может стать для него столь же роковым, каким было для его отца.

Он унижает самого себя, опускаясь до недоверия и подозрений, беспрестанно его волнующих. Одним из первых деяний Петра III было уничтожение политического сыска, установленного Елизаветой¹². А Павел ни с чем не торопился более, как с организацией домашнего шпионажа, поощрением наушничества и вознаграждением доносчиков. Слепая доверчивость отца погубила его, но она коренилась в добродушии, всегда почтенном. Недоверчивость сына не спасет его*: она исходит из боязливой души, не пренебрегающей мелочными, презренными средствами, которыми пользуются тираны последнего разбора, а подозрительность подталкивает подданных к измене.

Видя, как много у этих двух государей общего, можно было бы прийти к определенному выводу и ожидать такой же катастрофы. Но она едва ли вероятна; по крайней мере, она более отдалена и должна совершиться другим образом. Насколько сильно сходство между Петром и Павлом, настолько же разнятся лица и обстановка, их окружающие.

Прежде всего, нрав Марии как женщины в той же мере противоположен характеру Екатерины, насколько не похоже поведение нежной матери и верной жены на обращение злой мачехи и убийцы своего мужа. Красота души есть главная ее черта. Ее кротость, терпеливость, скромность выдержали испытание самым жестким и капризным обращением и, может быть, будут торжествовать над ним до конца. Дни ее представляют собой скучный ряд обязанностей и занятий, соответствующих ее полу и положению. Воспитание детей (будучи удалена от них, она долго вздыхала) есть сейчас ее счастье. Снисходительность, с которой она относится к мужу, заставляет ее мириться с занятиями, всего менее приличными ее полу и вкусам. Разве не видели неоднократно, как она сопровождала его верхом в печальных полях Гатчины и Павловского? Измученная усталостью и жарой, посвятившейся архангелу Михаилу¹¹. Господи помилуй (так обыкновенно восклицают русские при виде чего-либо необычного, осеняя себя крестным знамением; это также богослужебный припев)! Чудо разъяснилось, когда стало известно, что двоюродный брат часового был камер-лакеем Павла, а сам солдат получил такое же место в награду. Следует ожидать, что в скором времени мы увидим его в чине статского советника.

* Последнее событие только что подтвердило мое мнение¹³.

рой промокшая под дождем или засыпанная снегом, она еще улыбалась ему*. Она, быть может, самая трудолюбивая и занятая дама России. Музыка, живопись, грави́рование, вышивание — вот искусства, в которых она блистает талантами¹⁵; они скрашивают печальное одиночество, в коем она живет. Науки и чтение — для нее не столько дело, сколько отдохновение, и домашние мелочи, равно как и заботы о благотворительности, довершают удачное наполнение ее дней. Высокая, хорошо сложенная и еще свежая, она скорее прекрасна, чем хороша собой; в ней больше величия, чем грации, и менее ума, чем чувства. Она столь же признательная дочь и нежная сестра, сколь верная жена и добрая мать. Она весьма далека от того, чтобы забыть свою отчизну и своих родителей, и окружающий ее блеск, расстояние, которое отделяет ее от них, служат лишь к тому, чтобы сделать еще более живыми ее любовь и воспоминания. Она всегда носит свое многочисленное семейство в сердце: ее переписка с родными дает ей возможность проводить приятнейшие часы; для нее значит удвоить свое счастье, разделив его с теми, кого она любит. Она совсем не ласкала, как честолюбивая Екатерина, самолюбие русских, перенимая их нравы, язык, предрассудки. Она не искала уважения этой нации, притворно

* Нередко он ставил великую княгиню на каком-нибудь возвышении, чтобы она служила указателем пути или пунктом, который он предписывал своим войскам атаковать; сам же он защищал к ней подступы. Помнится, однажды он поместил ее таким образом на развалившемся балконе одного старого деревянного замка, вокруг которого он развернул отряды защиты. Он передал часть своих войск майору Линденеру¹⁴ с приказанием произвести атаку по продуманному последним плану. Этот план должен был прославить майора, и Павел готовился к самому изощренному сопротивлению. Между тем великая княгиня оставалась на башне, где ее поливал сильный дождь. Павел бегал ко всем пунктам, где ожидали врага, и гарцевал под струями ливня так же гордо, как Карл XII под пулями мушкетеров. Но часы текли, дождь разошелся пуще, а неприятель не появлялся. Павел, будучи весьма высокого мнения о своем пруссаке, полагал, что тот пошел в обход полей, за лесами, чтобы внезапно захватить врасплох оборонявшихся. Вследствие этого он ежеминутно посещал свои аванпосты, изменял и укреплял их, посылал солдат в разведку и в разъезды. Часто им (или его конем) овладевало благородное нетерпение: он выезжал далеко вперед, навстречу врагу, медлительность которого начинала его беспокоить. Его нетерпение вскоре сменялось досадой и бешенством. Линденер выступил в поход с утра и повел войска длинным окольным путем, пролежавшим в окрестностях деревни и по полю, принадлежавшему Салтыкову. Но со своей колонной он завяз между садовыми изгородями, из-за возникшего замешательства не знал, в каком месте выбраться, а по причине тесноты не мог развернуться. Адьютанты, которые ежеминутно приезжали от Павла с приказами и торопили его, довершили дело, заставив его окончательно потерять голову. Он не нашел иного средства, кроме как симулировать страшную боль в животе, бежал к себе и бросил войска.

Павел, придя в ярость оттого, что его прекрасно составленная диспозиция пропала попусту, дал шпоры коню и в бешенстве помчался во дворец, оставив свою жену, армию и тех, кого он пригласил на столь славные маневры, промокшими до костей. Они пребывали там с пяти часов утра до часу пополудни. Приблизительно таким же образом Мария проводила каждое утро с одной или, самое большее, с двумя фрейлинами, одна из которых была к тому же фавориткой и пользовалась всеми знаками внимания со стороны Павла и его придворных.

стараясь презирать свою и краснеть за свое происхождение, но заставила себя любить за доброту и уважать — за свои добродетели*. Ее можно было бы пожалеть как жену, если бы с некоторого момента любовь ее прекрасного семейства не осчастливила ее вполне. Но Россия, возможно, будет когда-нибудь обязана ей своим благоденствием. Ее многочадие служит порукой более спокойного и естественного наследования престола, а здоровая кровь, которую она перелила в отпрысков голштейнского дома, вероятно, смягчит варварство, дарованное им ветвью Романовых**.

По этому наброску видно, что Павлу нечего страшиться своей жены, хотя бы даже ее еще больше любили, а его — ненавидели. Гвардия и народ тщетно стали бы просить Марию вступить на престол: она с ужасом отвергла бы такое приглашение. Между тем Павел вел себя по отношению к ней далеко не должным образом — кроме той поры, когда он, кажется, ее боялся***. Тогда все с удивлением увидели, как этот муж, дотоле столь суровый и капризный, переменял свое обращение с ней. Прежде всего он выделил ей сумму в пятьсот тысяч рублей на ее личные расходы: “Это, — сказал он, — в ожидании лучшего”****. Он поторопился вернуть г-жу Бенкендорф¹⁷, столь грубо изгнанную им за несколько лет до того; он назначил Марию начальницей монастыря благородных девиц, чтобы предоставить ей занятия, достойные ее сердца и пола. Одним словом, он казался в отношении к ней тем, кем должен был быть всегда. Этот неожиданный поворот произвел на общество сильнейшее впечатление, и чернь воздала его сердцу хвалу за то, что было только следствием его политики или, скорее, его опасений. Я бы хотел, чтобы будущее опровергло мои слова; но во всяком случае ясно, что Павел в этом

* Нельзя не удивляться, как человек, подобный Мирабо⁴, мог в своей секретной переписке передать столь глупый анекдот о русской великой княгине. Молодой человек, который сделан его рассказчиком и героем, конечно, никогда не приближался ни к ней, ни даже к русскому двору. Нет ни одного места в этом предполагаемом приключении, которое бы не было пошлым и смешным; все это не заслуживало бы никакого внимания, если бы не было сообщено Мирабо.

** Рассказанное мной об этой государыне есть благоговейная дань истине. Она знает хорошо, а я еще лучше, что это не может быть продиктовано благодарностью. Нужно также признаться, что ее добродетели омрачены мелким тщеславием, которое заставляет ее думать и действовать подобно выскочке. Принцесса Доротея вюртембергская, сделавшись Марией Голштейн-Романовой, могла бы обойтись без этой средневековой гордости, потому что ее дети, сколько бы они ни были русскими великими князьями, более не правят в Германии.

*** Это время быстро миновало. Я узнаю, что Мария была посажена под арест на двенадцать часов за то, что отдала одной из своих женщин незначительное приказание, которое Павел нашел плохим. Понятно, что столь воинственный император прибегает исключительно к военным средствам даже у себя в спальне.

**** Когда она была великой княгиней, то получала на расходы только шестьдесят тысяч рублей в год, но проявляла с этой суммой больше великодушия и творила более добра, чем сейчас.

отношении мудрее своего отца, который и после восшествия на престол продолжал обращаться со своей женой с прежней грубостью*.

Мы видели, что смерть помешала Екатерине привести в исполнение весьма прискорбное для Павла намерение; юность и природная доброта его старшего сына делают неосуществимым этот план, если окружающие все-таки не сумеют развратить этого молодого принца, внушающего своей душевной чистотой и телесной красотой чувство, близкое к изумлению. В нем почти осуществился тот идеал, который восхищает нас в Телемаке¹⁸. Между тем, хотя его мать имеет все домашние добродетели Пенелопы, он далек от того, чтобы иметь отцом Улисса и наставником Ментора. Можно было бы также упрекнуть его в тех недостатках, кои божественный Фенелон оставляет своему идеальному воспитаннику**. Но это, вероятно, даже не столько изъяны, сколько отсутствие некоторых качеств, которые еще не развились в нем или улетучились из его сердца благодаря заслуживающим презрения лицам из его окружения. Он имеет великодушие и неизменную ровность настроения Екатерины, справедливый и пронизательный ум и редкую скромность. Но при этом в нем есть сдержанность и осмотрительность, несвойственные его возрасту; они были бы притворством, если бы их не следовало приписывать скорее тому мучительному положению между отцом и бабкой, в которое он был поставлен, чем его сердцу, от природы открытому и доверчивому. Он унаследовал рост, красоту, кротость, благотворительность от своей матери, но ни одна внешняя черта не приближает его к отцу, которого он должен скорее бояться, нежели любить. Павел, догадываясь о намерениях Екатерины насчет этого сына, всегда чуждался его: он не находит в нем ни своего характера, ни вкусов, потому что Александр применяется к тому, чего от него требует отец, очевидно, более из послушания, чем по собственной склонности. Солдаты обожают его за доброту, офицеры восхищаются его умом: он служит посредником между самодержцем и теми несчастными, которые какими-нибудь пустяками навлекли на себя императорский гнев и мщение. Этот воспитанник Лагарпа не был бы русским великим князем, если бы не внушал любви и интереса. Природа весьма щедро одарила его самыми милыми качествами, и положение наследника обширнейшей в мире державы не должно оставлять человечество безразличным к ним. Небо предназна-

* Нужно, однако, согласиться, что Екатерина, любовная интрига которой со Станиславом Понятовским вызвала возмущение всего двора, дала своему мужу весьма веские основания для дурного с ней обращения, а Мария своим поведением не допускала никакого повода к нареканию.

** “Обладая сердцем благородным и наклонным к добру, он не казался ни обязательным, ни чувствительным в дружбе, ни терпимым, ни благодарным за заботы, ему расточавшиеся, ни внимательным к распознаванию достоинств” и проч. См. шестую книгу “Телемака”.

ет его, быть может, для того, чтобы тридцать миллионов рабов стали более свободными или более достойными свободы.

Впрочем, характер у него счастливый, но пассивный. Ему не хватает смелости и доверия, чтобы искать достойного человека, скромного и сдержанного; следует опасаться, что самому назойливому или наглomu лицу, обыкновенно бывающему и самым невежественным и злым, удастся завладеть им. Дозволяя внушениям посторонних заходить слишком далеко, он не следует в достаточной степени побуждениям своего разума и сердца. Он, по-видимому, утратил тягу к учению, потеряв своих учителей, и в особенности полковника Лагарпа, первого наставника, которому обязан своими знаниями. Слишком ранний брак мог ослабить его энергию, и, несмотря на его прекрасные способности, ему угрожает опасность сделаться когда-нибудь добычей придворных и даже лакеев, если возраст и опыт не прибавят в свое время твердости его благородным намерениям.

Пусть Александр сумеет окружить себя честными и просвещенными людьми, пусть он вспоминает, когда наступит время, свои первые обещания и чувства, кои всегда бывают лучшими, и его царствование будет поистине превосходнейшим и славнейшим из всех, когда-либо виденных Россией.

С таким характером он сам никогда не подумает о том ненавистном проекте, которого не сумела внушить ему Екатерина. Между тем в продолжение агонии этой государыни и в последующие дни великий князь был удерживаем возле своего отца знаками нежности, более походившими на недоверие. Едва мог он выкроить час на дню, чтобы видеть свою молодую супругу. Император окружил его офицерами, которых считал надежными, и удалил от него всех тех, кто не был его шпионами; он отнял у него его полк, чтобы дать другой¹⁹, и назначил его военным губернатором Петербурга, приставив к нему в качестве помощника или стража свирепого Аракчеева. Пенсион молодого великого князя, который исчислялся всего тридцатью тысячами рублей, был повышен до двухсот тысяч*, и отец, обременяя его множеством мелких поручений, удерживающих его рядом целый день, хотел сам за ним приглядывать. Можно только похвалить Павла за то, что он обезвредил предмет своих несправедливых подозрений при помощи таких мягких и естественных средств, и удивляешься этим внезапным свидетельствам нежности к детям

* Великая, великодушная Екатерина, роскошь которой удивляла вселенную, которая раздавала миллионы фаворитам, позволяла своему сыну и внукам нуждаться в самом необходимом. Тридцать тысяч рублей ассигнациями для русского великого князя! во Франции это составляет шестьдесят тысяч ливров. Их выдавали иногда золотом или серебром, но лица, заведовавшие кассой великих князей, прибегали к спекуляциям, которые оставляли около половины суммы в их руках.

после того, как в течение пятнадцати лет он не находил в себе смелости дать малейшее тому доказательство*.

Чернь, которая всегда судит по ложным впечатлениям, замечая в великом князе Александре сдержанность и осторожность, принятые ею за гордость, прилепилась сначала к его младшему брату Константину. Этот молодой великий князь не имеет такой любезной и пленительной наружности, как его брат, но в нем больше смелости и живости: взбалмошность у него занимает место ума, а шалопайство — любви к народу. Таким же образом духовенство примкнуло некогда к несчастному царевичу Алексею, с которым Константин имеет не одну черту сходства, в особенности по отвращению к знаниям и по грубости. В нем были, однако, зародыши духовной и сердечной доброты, которыми пренебрегли его первые наставники; полковник Лагарп тщетно старался их развить, искореняя заглушавшие их сорняки. Было бы весьма полезно, если бы они возродились, и Константин, когда достигнет более сознательного возраста, сам пытался бы их вырастить. Несмотря на свою невыдержанность, он наделен способностями, кои могли бы сделаться со временем блестящими качествами, потому что он мужествен, щедр и охотно выручает своих друзей. Его энергия неистощима, а свойственная ему откровенность редко встречается в принце. Впрочем, он достойный сын своего отца: те же странности и вспышки, та же жестокость, то же буйство. Он никогда не приобретет столько образования и ума, но обещает когда-нибудь сравняться с ним и даже превзойти его в искусстве заставлять двигаться дожину бедных автоматов. Кто бы мог вообразить, что молодой семнадцатилетний принц, живой и сильный, который только что женился на юной и прекрасной девушке, проснется после первой брачной ночи в пять часов утра, спустится на площадь перед дворцом и там с помощью палочных ударов будет муштровать двоих солдат из своей охраны? Так поступил великий князь Константин²⁰. Не знаю, обещает ли эта воинственная ярость хорошего генерала, но она наверняка служит доказательством того, что он никуда не годный супруг**.

* Мне сообщают, что Павел только что определил великого князя Александра в канцелярию Безбородко, как Фридрих Великий был когда-то помещен отцом в канцелярию одного министра, чтобы служить там простым писцом. Пускай это делается с целью его научить или унижить и покарать — юный великий князь когда-нибудь воспользуется этим.

** За некоторое время до свадьбы ему дали для забавы отряд солдат. Истерзав в течение нескольких месяцев этих несчастных, он забылся до такой степени, что побил палкой командовавшего ими майора. Тот нашел в себе мужество пожаловаться графу Салтыкову, который хотел, по своему обыкновению, замять дело; но Zubov донес о нем императрице. Она велела посадить внука под арест и отобрать у него солдат, которых ему возвратили только после свадьбы.

Можно было бы поведать о многих других выходках этого великого князя, но это значило бы только перечислять обыкновенные шалости невоспитанного ребенка. Его бабка заметила их слишком позд-

Павел, которому его семейство не давало ни малейшего основания страшиться участи своего отца или какой-либо другой опасности, не имел также и причин бояться вельмож. Правда, каждый из них от всей души его ненавидел и обращал его в течение десяти лет в посмешище при дворе его матери, но Потемкина больше не было. Ничтожество как в добре, так и во зле было уделом всех, кто приближался к трону: никто не имел ни ума, необходимого для совершения переворота, ни энергии, которой требуют великие преступления. Екатерина могла с гораздо большим основанием, чем графиня Мюралът, дать своим министрам прозвище, которым та наградила своих остроумцев*. Беглого портрета каждого из этих господ будет достаточно, чтобы доказать то, о чем я говорю.

Господину графу и князю Зубову, последнему фавориту по званию и обязанностям у старой Екатерины, было около тридцати лет. Он был далек от того, чтобы иметь гений и честолюбие Орлова и Потемкина, хотя под конец он и объединил в своем лице больше власти и влияния, нежели оба этих знаменитых фаворита. Потемкин был обязан почти всем своим величием самому себе, тогда как Зубов — только дряхлости Екатерины. Он, очевидно, столько же выиграл во власти, богатствах, влиянии и разуме, сколько Екатерина потеряла в энергии, силе и гении. В последние годы ее жизни этот молодой человек состоял буквально самодержавным императором России. У него была страсть заниматься или казаться занятым всем, но, не имея никакого навыка в делах, он отвечал тем, кто обращался к нему за разъяснениями: “Сделайте как прежде”. Ничто не могло сравниться с его надменностью, кроме низости тех, кто спешил пресмыкаться перед ним, и нужно признать, что подлость русских придворных всегда опережала и превосходила бесстыдство фаворитов Екатерины. Все ползало у ног Зубова, он один стоял и считал себя великим. Всякое утро многочисленный двор осаждал его двери, наполнял его передние. Старые генералы, вельможи не краснели от стыда, расточая ласки ничтожнейшим из его слуг. Часто эти слуги отгоняли ударами прикладов офицеров и генералов, толпой осаждавших двери и мешавших их затворять. Развалясь в кресле, в самом неприличном неглиже, ковыряя мизинцем в носу и рассеянно глядя в потолок, этот молодой человек с холодной и тщеславной физиономией едва удостоивал вниманием тех, кто его окружал. Он забавлялся выходками своей обезьяны, прыгавшей по головам придворных, или болтал с шутком, тогда как старики,

но для того, чтобы их исправить. В детстве он кусал и колотил учителей: теперь бьет офицеров на упражнениях и выбивает зубы бедным солдатам. Когда король шведский со всем двором был на балу у Самойлова, Константин сказал ему: “Знаете, у кого вы в гостях? У самого большого пердуна в городе”. Бабушка приказала посадить его на гауптвахту²¹.

* Известно, что она называла их “мон дураки”.

под начальством которых он служил некогда в чине унтер-офицера, Долгоруковы, Голицыны, Салтыковы и все, что было здесь и знатного, и низкого, стоя в глубоком молчании, ожидали, когда он опустит глаза, чтобы снова упасть перед ним ниц. Имя Екатерины мелькало в его речах подобно упоминаниям о троне и алтаре в королевских манифестах. Он едва соблюдал по отношению к наследнику то внешнее уважение, коего он не мог не оказывать ему при дворцовых церемониях. И Павел, суровый Павел, принужден был склоняться перед ничтожным гвардейским офицером, который недавно просил у него пощады за то, что обидел одну из его собак*. Великий князь Константин прилежно ухаживал за ним, чтобы получить деньги или милости для своих протеже: очень часто души, наиболее склонные к тирании, в то же время наилучшим образом приспособлены для рабства. Впрочем, ни один из двенадцати фаворитов не был столь мелок и телом и душой, как Зубов. У него, вероятно, были скрытые качества, оцененные Екатериной, но он не обнаруживал ни ума, ни добродетелей, ни страстей, если только не считать таковыми тщеславие и скупость, его отличающие. Разве он не оставил ничего, кроме пустоты, исчезнув с места, которое занимал? Памятниками его царствования останутся сокровища, собранные его семейством, и земли, которые его отец добыл вымогательством**. Смерть императрицы в одно мгновение вернула его в ничтожество, из которого его вытянула любовь: так мотылек-поденка рождается и сверкает в солнечном луче, но умирает и блекнет при первом дуновении ветра. Он рыдал по Екатерине, как сын оплакивает мать, и только в это время вызывал какой-то интерес. Нужно также отдать ему справедливость в том, что он вновь встал в толпе на подобавшее ему место раньше, чем придворные осмелились расположиться рядом с ним. Они оказались еще более подлыми, чем он — униженным. И хотя с первого дня воцарения Павла его приемные опустели, еще долгое время, когда он появлялся при дворе, толпа зевак расступалась и пресмыка-

* У Павла была любимая собака. Однажды, бродя по коридорам дворца, она вознамерилась стянуть кусок мяса у одного из гвардейских трубачей. Солдат побил ее своим музыкальным инструментом. Собака с воем, вся в крови, прибежала в апартаменты Павла, который, узнав о случившемся, пришел в ярость. «Ах, вот как! — вскричал он. — Все, что мне принадлежит, все, что я люблю, подвергается преследованию. У меня только одна собака, и ту хотели убить. Пусть велят прийти караульному офицеру; он должен быть наказан!» Этим офицером был Зубов, который, узнав о негодовании Павла, бросился к ногам Николая Салтыкова, своего покровителя, умоляя его идти вместе с ним к великому князю и просить о милости. Салтыков с трудом выхлопотал ему прощение, потому что Павел был убежден, что собаку его побили только из ненависти к нему; кроме того, он презирал гвардейцев. Трубочка утверждал, что он не знал, чья это собака, и это в глазах Павла было еще одним оскорблением. Он наверняка сурово бы его наказал, если бы имел такую власть.

** Отец Зубова²² был сделан сенатором и, чтобы обогатиться, купил или заставил уступить себе все старые процессы и тотчас велел решать их в Сенате в свою пользу, сам участвуя в вынесении этих решений.

лась перед ним как перед своим властителем — так трудно рабам подняться с колен. Стоит также упомянуть и о том, что он не заселял, как Меншиков и Бирон, пустынных земель Сибири. Но он вершил несправедливости и инквизиторское насилие, подстрекая Эстергази²³ и других французских эмигрантов, и несчастья Польши — отчасти его рук дело.

Император, который сразу по восшествии на престол обошелся с ним на удивление почтительно, в лестных выражениях утвердил его в должностях, наградив его брата главным русским орденом единственно за то, что он предпринял путешествие в Гатчину²⁴, а самому ему пожаловал один из своих мундиров, — император, говоря я, рассмотрев этого человека, пришел к выводу, что его не стоит бояться. Его канцелярия внезапно была опечатана, и именно великий князь Константин, еще недавно бывший его придворным, выполнил это поручение полицейского офицера со всей жестокостью, ему присущей*. Его секретари** были со скандалом сосланы или удалены от двора, прислуживавшие ему — высланы или заключены в тюрьму, и все офицеры его генерального штаба или свиты, числом более двухсот, должны были немедленно присоединиться к своим частям или же

* Следует отметить, что Zubov, занимавший множество должностей, и его секретари, в руках которых сосредоточивались все дела, были изгнаны в двадцать четыре часа. Их даже не заставили дать какой-либо отчет. Ниже увидим, к какому замешательству это привело.

** Из них наиболее известны два — Альтести и Грибовский²⁵. Первый — уроженец Рагузы, которого русский посол Болкунов²⁶ переместил в Константинополе из какой-то торговой конторы, дав ему должность в своей канцелярии. Когда была объявлена война, он отправился хлопотать о месте в Петербурге и попал к Zubovu, звезда которого в ту пору восходила. Он знал несколько языков и был умен. Вскоре он сделался секретарем Zubova и даже императрицы. В брошюре, написанной им по-французски против польского короля и революционеров, первого он обзывает бунтовщиком, а вторых — якобинцами, нагромождает кучи оскорблений, лжи, глупостей и лести. Этот пасквиль распространился как манифест и довершил устройство его репутации и благополучия. Вскоре чины, ордена и крепостные дождем посыпались на Альтести. Неудовлетворенный этими дарами, он обогатился и другими способами. Польские конфедераты, правления, казаки и другие спешили купить за звонкие монеты его услуги и покровительство. Он достиг необычайных высот и бесстыдства. Наглость, с которой он обошелся с графом Головиным²⁷ (тот имел мужество пожаловаться), наконец погубила его. Он получил приказание удалиться к себе в имения, но Zubov велел ему вернуться, и за несколько дней до смерти Екатерины он был на волосок от нового вступления в должность. Одним из первых распоряжений Павла было предписание Альтести покинуть столицу в двадцать четыре часа. У него есть таланты, но это неблагодарный человек. Именно он содействовал разжалованию Болкунова, своего первого благодетеля.

Другим секретарем был русский, по фамилии Грибовский. Он не обладал умом своего товарища, но, может быть, имел более доброе сердце. Он пользовался почти таким же влиянием. Он был сыном попа²⁸ и начал свою карьеру писцом в канцелярии Потемкина. Меньше чем в два года он достиг на службе у Zubova чина полковника, а его роскошь и расходы удивили и смущали весь город. Красивейшие дамы находили его недурным собой, самые знатные вельможи ласкали его. Он держал оркестр и шутов, наложниц и лошадей. Весною он задавал обеды, где на десерт подавались фрукты, которых не видывали за столом у императрицы. Я был на одном пикнике, на котором десерт по времени года оценивался в пятьсот рублей.

подать в отставку*. Чтобы повежливее выгнать его из дворца, ему подарили большой дом, а все комендантские права были у него отобраны. Он сам попросил отставки от тридцати различных должностей, — правда, только тогда, когда уже лишился их. Император возвел Николая Салтыкова в фельдмаршалы и повелел возвратить в его канцелярии все военные дела, которые были в свое время отняты у него Зубовым. Тогда-то и обнаружили злоупотребления и беспорядок, царствовавший в его бумагах. Фаворит, который велел на свой страх и риск вести в Персии войну³⁰ под начальством своего брата**, не соизволил даже отправлять в Военную коллегию обычные донесения. То же самое творилось и в войсках, которым приказано было идти в поход на Галицию, так что в тот момент, когда потребовалось произвести новое распределение армии, никто не знал, где находилась большая часть полков, и уж вовсе было неизвестно, в каком состоянии они находились. Офицеры, которые должны были ехать к своим частям, не знали, в какую страну света им отправляться, и тщетно осаждали канцелярии, желая осведомиться об этом***.

Несколько недель спустя Зубов получил позволение или, скорее, приказ покинуть Россию. Он уехал, как и все его предшественники, в Германию: щеголять бриллиантами, орденскими лентами и портретами Екатерины, но из всех щедрот, коими его осыпала престарелая любовница, деньгами он пользовался с наибольшей скромностью. В Германии, не привыкшей к мотовству русских помещиков и к тщеславию временщиков Екатерины, удивлялись великолепию и образу жизни Зубова. Избавленный от принуждения и спеси, он, казалось, вернулся к своему прежнему характеру и выиграл в приятности, хотя и потерял в положении. Одним словом, он оказался достойным воспитания, которое ему дала Екатерина. Но он предался наслаждениям с тем большим пылом, что освободился от гнета обязанностей, на нем лежавших. Сначала он таскал за собой переодетую лакеем девицу;

* Между прочими Копьев²⁹, молодой человек, который заслуживал бы лучшего жребия, если бы качества его сердца не уступали его уму. Он был наказан за то, что сказал одному из друзей, которого встретил в новом павловском мундире: «Добрый день, прекрасная маска!»

** На ужине у императрицы во время пребывания шведского короля говорили о новостях, только что привезенных курьером. «Это пустяки, — сказал Зубов одному шведу, — мой брат изведает нас, что он выиграл сражение и завоевал область: и в этом нет ничего нового».

*** Такое случалось в России. Но вот что изумит читателя более. Когда один французский дворянин по фамилии Роже ходатайствовал через майора М. у графа Салтыкова о месте коменданта какого-нибудь отдаленного городка, куда он желал уехать, чтобы жить там с женой, не издерживая много, министр отдал распоряжение узнать, есть ли такая вакансия. Ему доложили о крепости Петропавловской близ Оренбурга, и Роже был назначен ее комендантом. Он уехал. Несколько месяцев спустя майор М. получил письмо, в котором Роже сообщал: «Я прибыл в край, где должна быть моя крепость. Но представьте себе мой ужас: мне говорят, что двадцать лет назад она была разрушена».

потом, в Теплице, влюбился в красивую эмигрантку по имени Ларош Эмон. Но вскоре он познакомился с юными принцессами курляндскими³¹, которые благодаря прелестям и красоте, коими их одарила мать, и сокровищам, оставленным им отцом, были самой завидной партией во всей Европе. Тогда он попытался обхаживать старого герцога, у которого только что отнял его верховные права и которого принимал так величественно в Петербурге. Герцог не преминул выказать свою злопамятность и презрение. Но Зубов, не привыкший к препятствиям, пожелал увести старшую принцессу силой. То ли герцог пожаловался на него императору, то ли у Павла имелись другие основания, но Зубову было приказано вернуться в Россию, и последний фаворит Екатерины, вероятно, сыграл свою последнюю роль.

Граф Николай Салтыков, фельдмаршал, военный министр и главный наставник юных великих князей³²

Старый вице-канцлер Остерман, которого Павел поспешил сделать канцлером, чтобы избавиться от него, удрученный старостью и немощами, показывался при дворе только как воспоминание о прошлом времени. Он был далек от того, чтобы играть при Екатерине ту роль, которую его отец играл в царствование Анны, и чтобы вызвать опалу Павла, как тот навлек на себя немилость Елизаветы³³. У него не было никаких иных обязанностей, кроме звания вице-канцлера и подписывания некоторых паспортов. Дипломатические и иностранные дела были распределены Зубовым между Безбородко и Морковым, которые были истинными составителями министерских бумаг; из них в особенности первый обладал огромным влиянием, колебавшим даже влияние фаворита.

Безбородко и Морков были двумя полными противоположностями.

Один — неуклюжий, тяжеловесный, небрежный, беспорядочный, со слоноподобной походкой. Его богатая одежда, казалось, всегда была только что выброшена им при выходе с очередной оргии, еще оставлявшей на нем следы сонливого отупения. Другой, изысканный во всем до такой степени, что мог бы блистать в ампула оригиналов или смешных маркизов в какой-нибудь комедии, натянутый до безвкусицы, входил в гостиную и раскланивался, как учитель танцев. Он ходил только на цыпочках, брал табак только кончиками пальцев и таким образом, чтобы показать бриллианты, которые всегда сверкали у него на руках. Он говорил только на ухо, изъяснялся каламбурами, отвечал одними остротами и вкладывал в мысль, которую улавливал, те же изысканность и манерность, что и в свое платье.

Безбородко, несмотря на свою развращенность, деятелен; временами на него находит трудолюбие. Пройдя расстояние от канцелярского писца до первого ми-

нистра*, он приобрел большой навык в делах и легкость в писании бумаг. Но неяршливость и беспорядочность, свойственные его внешности, отражаются на всех учреждениях, ему вверенных, и в особенности на ведомстве императорских почт, генеральным директором которых он состоит: в этом легко может убедиться всякий**. До него это было самое исправное учреждение России: в скором времени оно придет в полнейшее расстройство. Его канцелярия — это всепоглощающая бездна, откуда ничто не возвращается; одно из удобств его дома, которое наилучшим образом его характеризует, состоит в том, что здесь существует множество выходов и потайных лестниц, которыми он ускользает выходя или входя, стремясь миновать несчастных, целыми днями ожидающих его в передней***. Нужна была бы нить Ариадны, чтобы добраться до этого Минотавра; его, скорее всего, отыскали бы в глубине лабиринта поглощенным своей добычей — какой-нибудь девушкой.

Нравы Моркова нельзя назвать образцовыми, но он не бегаёт по Мещанским****, как Безбородко. Он привязан к трагической актрисе Гюс, которая пытается по крайней мере сделать уважаемым звание матери⁴, часто даваемое ей ее другом*****. Впрочем, мне не кажется великим достоинством приписываемое этим двум дипломатам умение экспромтом составлять (одного — на русском, другого — на французском языке) министерские бумаги. Все, что я читал из написанного ими, в особенности Морковым, не имело ни стилия, ни ясности, не говоря уже о логике, ибо все, что они имели сказать, было обыкновенно слишком нелепо для того, чтобы с ней ужиться. Впрочем, русская дипломатия при Екатерине II не требовала больших талантов. Она употребляла только два средства, более действен-

* Писец в канцелярии Румянцева, он сделался секретарем Екатерины. Вот что рассказывают о его карьере. Получив однажды приказание составить некий указ, он забыл об этом и явился к императрице, ничего не написав. Она спросила о нем. Безбородко, не растерявшись, вытащил из кармана чистый лист бумаги, по которому стал читать, как если бы указ был там в готовом виде. Екатерина, довольная такой редакцией, попросила лист, чтобы его подписать, и была сильно изумлена, не видя ничего, кроме чистой бумаги. Эта легкость в сочинении деловых бумаг поразила ее, и, не упрекнув секретаря за небрежность или плутовство, она сделала его государственным министром, поскольку он знал наизусть формулы указа и имел дерзость ее обморочить.

** Действительно, при проезде через земли главного директора почт никогда нельзя было найти лошадей, и пассажиры были принуждены давать огромные взятки.

*** Рассказывают, что один проситель, не имея возможности его изловить, решился наконец проскользнуть в его карету и ждать его там. Безбородко, изумленный такой смелостью и изобретательностью, выслушал этого человека и обещал ему поговорить о его деле с императрицей. Но тот не пожелал покинуть своего места и ждал ответа в карете до тех пор, пока Безбородко не вышел из дворца. Говорят, ответ был благоприятным.

**** Название той части города, где в большом числе живут публичные женщины Петербурга.

***** Император из утонченной мстительности запретил Гюс следовать за Морковым в изгнание, говоря, что она принадлежит двору, а не Моркову лично. Эта трагическая актриса, одаренная большим талантом, превратила французский театр в аристократическое государство, где и царствовала.

ные, чем разум и красноречие: угрозы и деньги, следствием коих всегда бывают испуг и развращение. Есть чему удивляться в том предубеждении, которым часть Европы (и прежде всего Германия) пропитана в пользу России. Там воображают, что петербургский кабинет состоит из людей необыкновенных: венский кабинет преклоняется перед его влиянием, а берлинский до сих пор не может избавиться от страха и уважения. Конечно, если бы ученые немецкие публицисты вблизи увидели людей, которые их ослепили, они были бы сконфужены тем, что так долго могли принимать блеск прогнившего престола за светоч гения, мишуру — за богатства, нахальство — за величие и самонадеянность — за силу.

Безбородко, который всегда носил башмаки и букли, подобно Павлу, и был, сверх того, очень богат и могуществен, сначала был пощажен*. С Морковым, который не обладал этими преимуществами в той же степени, обошлись жестко и с треском разжаловали. Это тот самый человек, который был послан из Голландии в Париж, где его еще вспоминают как приторного Моркова.

У теперешнего графа Самойлова, генерал-прокурора империи, не было иных заслуг, кроме того, что он приходился племянником Потемкину и имел какое-то фальшивое выражение лица. Он был по своим способностям ниже требований, предъявляемых к должности, которая делала его главным казначеем, начальником Сената и всех судов в империи. Его вызвали, не спросивши его согласия, из армии, чтобы заполнить все эти гражданские посты. Он признавался, что не имеет необходимых талантов, но как раз это от него и требовалось, потому что нужен был человек пассивный, который был бы не в состоянии противоречить намерениям Екатерины или ее фаворита. Это у него собиралась та постыдная инквизиция, которую создала Анна под именем тайной канцелярии: Петр III счел своим долгом уничтожить ее; Екатерина восстановила ее в другой форме, а Павел, кажется, умножает ее теперь достойными людьми в передних частных домов. В доме Самойлова, одном из самых красивых дворцов Петербурга, имелись потайные темницы, предназначенные для содержания оговоренных в ожидании секретных распоряжений на их счет. Впрочем, Самойлов был незначителен и подобен ослу, носящему святые дары. Павел, чтобы вознаградить его за рвение, повелел ему привести к присяге Сенат, пожаловал четыре тысячи крестьян под тем предлогом, что якобы его мать уже обещала их Самойлову. Через несколько дней он был неожиданно низложен, и на его место назначен князь Куракин³⁵.

Однако человеком, против которого вопияли о мщении кровь и рыдания тысячи жертв, тем, кто должен был первым пасть под мечом правосудия, если бы

* Он был пожалован княжеским достоинством и заслуживает этого титула. Он все еще первый министр Павла, и это он от имени своего господина объявляет войну французской республике, ссылаясь, чтобы ее обосновать, на декреты, которые, думаю, известны ему одному. Он только что умер.

Екатерина имела справедливого, твердого и гуманного преемника, был Архаров, генерал-губернатор Петербурга. Этот человек или, скорее, дикий зверь сделался известным с давнего времени своим варварством, достойным палача Аттилы. Он был губернатором в Твери, где упражнялся в разбое, подробности которого могли бы навести ужас и показаться невероятными, когда Екатерина (уже на закате царствования) призвала его к себе. Этого человека она признала достойным стражем своей короны, когда французская революция, Зубовы, Эстергази и, быть может, угрызения совести довели ее до того, что окружили ее подозрительностью и ужасами. В скором времени он на более широком поприще развернул свои страшные способности, кои были бичом Московской и Тверской губерний. Со смертью Екатерины, падением Зубова и воцарением Павла никто не сомневался в том, что кара обрушится на это чудовище. Многие жертвы его тирании бросались к ногам императора и умоляли о справедливости и мести. Он не ответил на жалобы о злоупотреблениях властью и преследованиях, зато приказал Архарову заплатить кое-какие долги. Этот вице-тиран был слишком полезен при режиме, вводимом Павлом, чтобы подать какой-нибудь повод для опасений. Из всех пользовавшихся доверием матери, он был единственным страшным исключением (сделанным в угоду его талантам*) и получил доверие сына. Он был утвержден в прежних должностях и даже возведен в новые. Меж тем ропот честных людей и крики народа не смолкали. Поговаривали, что, когда Павел ехал на коронацию в Москву, весь путь его был вымощен прошениями, которые население подавало против этого нового Сеяна³⁸. Несчастные обитатели Твери и Москвы, напрасно вы прибегаете к своему государю и молитесь о справедливости! Просьбы, которые вы повергаете к его стопам, ваши униженные лица, которыми вы касаетесь земли, простираясь перед ним, не могут тронуть его сердца**.

Из данных мной портретов четырех или пяти лиц, которые держали в руках власть в момент кончины Екатерины, явствует, что Павлу нечего было опасаться: все они были богаты, ни один не был молод, и благосостояние их было уже упрочено. Между тем нельзя не удивляться тому, с какой поспешностью Павел потопился осыпать благами этих государственных вампиров, прежде нежели их удалить. Мотивы его поведения очевидны: он немедленно разжаловал их, как только уверился, что для страха перед ними нет оснований. Внезапная смерть его матери

* Если по отношению к Архарову я и употребил слово “таланты”, не следует думать, однако, что я желал сравнить его с Лемуаром³⁴, Сантином³⁷ или кем-то другим, кто был способен поддерживать порядок и устроенную полицию. Талант русского инквизитора — не что иное, как мастерство палача истязать и отсекал голову, на которую ему указало подозрение. Он достойный министр своего владыки, и каприз служит ему законом, а природная злость — достаточным основанием.

** Архаров подвергся опале не за преступления, а за бездельицу.

помешала созреванию всякого другого решения при дворе, а во главе армий не было ни единого человека, способного что-либо предпринять. Три главных генерала, которые командовали тогда основными армиями империи, были так же далеки друг от друга по нравам, желаниям и характеру, как и по громадному пространству, их разделявшему.

Наибольшего уважения заслуживал князь Николай Репнин, чье имя так часто звучало в Европе вслед за именем знаменитого Румянцева*. Вместе с этим старым героем он был единственным из знаменитых генералов Екатерины, наружность которого не составляла совершенной противоположности с его репутацией. В последнюю войну с турками он сыграл блестящую роль как генерал, и внушительную — как посол в Константинополе. Потом он столько же отличился в Польше учтивостью, сколько гордостью. Затем он постыдно согнулся, когда восходила звезда Потемкина, который обходился с ним как с добрым человеком старого времени. Кроме того, в пожилом возрасте он омрачил первоначальный блеск своего характера мистическими глупостями мартинизма и иллюминатства. И неизвестно, смирение ли набожного человека, низость ли придворного или стоицизм героя-патриота заставляли его сносить надменность Потемкина и ненависть Екатерины, которые осыпали его обидами, всецело пользуясь при этом его военными талантами. Он навлек на себя это ожесточение, так как открыто высказывался в пользу Павла и советовал ему предъявить свои права на престол: ведь его мать была провозглашена только опекуной и регентшей. Репнин играл второстепенную роль в последнюю войну против турок, сам впрягшись в колесницу Потемкина из боязни, что его не запрягут, потому что его манией было служить, неважно как и кем. Он появлялся в приемных фаворитов и позорил свои лавры и седины, суетясь больше, чем молодой офицер, которому необходимо устроить свое благополучие. Как далеко было Репнину этого времени до Репнина, посла в Варшаве, прини-

* Я не стану больше упоминать об этом старом воине, которого неблагодарность Екатерины, обязанной ему своими первыми триумфами, навсегда сделает знаменитым, как и его собственные подвиги. Он сам был при смерти, когда Екатерина сошла в могилу, и хотя он командовал армией, дряхлость не позволяла ему чем-либо заниматься всерьез. Павел три дня носил по нему траур и приказал последовать его примеру всей армии. Более двадцати лет он не появлялся при дворе и вел в деревне или в лагере жизнь, столь же эгоистическую, сколь и философскую, потому что он менее уважал звание отца и мужа, чем генеральский чин. Он жил розно с женой и был чужим в своем семействе, как Лафонтен³⁹. Один из его сыновей, окончив курс наук, отправился к нему в армию, чтобы просить об определении в службу. “Кто вы?” — спросил у него Румянцев. — “Я ваш сын”. — “А! очень рад: вы выросли”. После других столь же отеческих вопросов молодой человек осведомился, где бы он мог поместиться и что ему делать. “Видите ли, — сказал ему отец, — вы, вероятно, будете в лагере каким-нибудь офицером, сообразно вашим знаниям”. Не менее странным является и тот факт, что его сын Сергей, возвратившись из Швеции, где он был послом, просил у Николая Салтыкова рекомендательного письма, чтобы представиться отцу и быть им принятым⁴⁰.

мавшего некогда польского короля в халате*; вернее, это был один и тот же человек, потому что всегда надменнее всех ведет себя тот, кто на деле оказывается самым низким!

Пока Потемкин забывался в Петербурге в непрерывных празднествах и оргиях, старый Репнин, оставленный им при армии на время отсутствия, осмелел настолько, что позабыл о полученном приказании оставаться в бездействии. Он внезапно перешел Дунай, ловким маневром захватил врасплох и разбил большую армию визиря Юсуфа. Это счастливое и смелое дело заставило вновь зазеленеть увядшие лавры Репнина.

Двор огласился похвалами ему. Его смелую и решительную вылазку сравнивали с действиями Потемкина: тот довольствовался приказами атаковать каждую зиму какую-нибудь крепость, штурмы которых стоили столько крови; ему никогда не выпадал случай самому разбить турецкую армию. Пробужденный от летаргического сна, Потемкин бросил все наслаждения и полетел в Молдавию. Его встреча с Репниным была ужасна, однако победитель устоял, проявив больше твердости, чем от него ожидали. Но он был удален из армии и вынужден подать в отставку из-за того, что одержал самую решительную победу и принудил турок просить позорного мира. Такова была еще восходящая звезда Потемкина и нисходящая — неблагодарной Екатерины. После смерти Потемкина, случившейся в скором времени, Репнин вновь появился в Петербурге и хотел бесчестить свои лета и славу в передних Зубова. Тот был польщен, увидев его в числе своих ревностных придворных, и велел назначить его генерал-губернатором Ливонии. Благодаря печали и ярости, в которые резня русских в Варшаве⁴² повергла Екатерину, он получил приказание собрать полки, расквартированные в подчиненных ему областях, и обрушиться на Польшу. В это время он был единственным генералом с солидной репутацией и самым старым из командовавших армиями. Он имел удовольствие видеть, как его государыне пришлось воспользоваться им вопреки ее желанию. Однако благоразумный поход Репнина в Литву вывел из терпения мстительную Екатерину: она хотела крови, крови всех обитателей Варшавы, и спустила с другой стороны бешеного Суворова, который проложил себе до самой Праги дорогу, вымощенную трупами. Репнин получил тогда самое отменное оскорбление из всех, когда-либо ему нанесенных, и проглотил его так же безропотно, как и другие.

* Однажды, когда король прибыл к нему с визитом, он побежал надеть халат, чтобы его принять. Принеся свои извинения и сделав легкий поклон, он повернулся спиной к зеркалу и приложил палец к заду, предлагая в течение всего визита и то и другое вниманию Станислава, который стоял к зеркалу лицом. Почти так же невежливо он принял в Риге д'Артуа⁴¹, притворяясь, что не узнал его, и оставив его одного у камина. Он был оскорблен видом превосходства, который напустил на себя французский принц, и тем, что он не приветствовал должным образом караул, оказавший ему военные почести.

Суворов был сделан фельдмаршалом и командующим над тем, от кого накануне сам получал приказания и кем был презираем*. Екатерина присоединила к оскорблению еще и насмешку, преподнеся Репнину подарок в виде дома, чтобы наградить его таким образом за нарушение справедливости при производстве. Вся армия была возмущена: многие генералы роптали, граф Иван Салтыков⁴⁴ гордо подал в отставку. Один Репнин, наиболее оскорбленный и способный дать это благородно почувствовать, имевший возможность без опаски показать, что ему безразличны обиды и понятие чести, стойчески или христиански испил эту чашу унижения.

По восшествии на престол Павел, наконец, сделал его фельдмаршалом, и последним подвигом Репнина стал карательный военный поход против нескольких деревень Новгородской губернии, в которых говорили об освобождении крестьян.

Репнин, показавший себя столь же крупным генералом, сколь надменным посланником и низким царедворцем, обладает личными качествами, которые соединяются у немногих русских генералов. Его лицо, манеры и поведение благородны. У него доброе сердце**, и он не знает ни московской грубости своих товарищей в отношении к нижестоящим***, ни грабительской жадности, всегда их отличающей. Напротив, Репнин сострадателен и великодушен, и Литва должна благодарить его: ведь именно он и князь Голицын спасли ее от полного разорения.

* Суворов заставил дважды или трижды прочесть вслух, во весь голос, первый рапорт, присланный ему Репниным, проделывая тысячи шутовских выходов, притворяясь глухим, чтобы отец возвышал голос, и удивляясь, что получил рапорт от князя Репнина, над которым он так жестоко издевался. Екатерина всегда была очень деспотична и подчиняла старшинство по службе своему личному расположению. По смерти Потемкина Каменский⁴⁵, один из лучших ее генералов, принял по праву командование армией и в этом звании отправил к ней первый рапорт. Он писал: "Приняв командование, в силу моего старшинства" и проч. Екатерина собственноручно написала на полях: "Кто вам это приказал?" Затем он извещал ее о беспорядке, который обнаружил в полках, и Екатерина вновь заметила на полях: "Он ничего не осмеливался говорить при жизни князя". В ответ на свой доклад Каменский получил приказание покинуть армию.

** В особенности по отношению к солдату. Обезжая кавалерийский полк на смотре, он говорил: "Я осведомляюсь только о людях, потому что знаю, в качестве полковника, покупающего лошадей, что о них заботятся".

*** Его обхождение с офицерами возмутило пруссаков, которые не знают надменности русских генералов. Берлинская публика была удивлена, увидев прогуливающегося Репнина, который с большой важностью надел все свои ордена и шествовал на несколько шагов впереди князя Волконского, его племянника, многих адъютантов и секретаря, маркиста Тимана. Всякий раз, как он замедлял шаг, чтобы произнести слово, его свита разом останавливалась, как взвод, и скидывала шляпы. Впрочем, его политическая миссия не удалась. Этот князь, фельдмаршал, министр, некогда торжествовавший в Константинополе и господствовавший в Варшаве, не устроил и не очаровал молодого и мудрого прусского короля, которого Павел хотел принудить вступить в коалицию. Репнина вывели из Берлина, и он отправился в Вену, где его деятельность, как видим, была более успешна. Но один из его секретарей, которого, как мне сказали, зовут Обером (по слухам, он француз), ускользнул с частью бумаг и тайн посоль-

Приезжающий в Россию иностранец, слышавший громкое имя Суворова, желает увидеть этого героя. Ему указывают на маленького старика с худым и сморщенным лицом, каковой прыгает по апартаментам дворца на одной ножке, бегаёт и скачет по улицам в сопровождении толпы детей, которым он кидает яблоки, чтобы заставить их драться, и кричит самому себе: “Я — Суворов! я — Суворов!”* Если иностранец и затруднится признать в этом старом сумасшедшем победителя турок и поляков, то его колебания исчезнут, когда он увидит его свирепые, угрюмые глаза, ужасные уста, на которых выступает пена, и поймет, что перед ним убийца жителей Праги. Суворов был бы всего-навсего смешным шутком, если бы не показал себя самым воинственным варваром. Это чудовище, которое заключает в теле обезьяны душу собаки и живодера. Аттила, его соотечественник и, вероятно, предок, не был ни столь удачлив, ни столь жесток⁴⁵. Его грубые и смешные манеры внушили солдатам слепое доверие: оно заменяет ему военные таланты и оно же было истинной причиной его успехов. На него смотрели как на счастливого и отважного человека, который, выросши в военных лагерях, не знал двора и не мог заслонить фаворитов. После того как он отличился в качестве волонтера, он достиг, переходя от чина к чину, звания генерал-аншефа. Ему присуща врожденная свирепость, занимающая место храбрости: он льет кровь по инстинкту, подобно тигру. В армии он живет словно простой казак. Он приезжает ко двору, как скиф, не желая занимать другого помещения, кроме повозки, на которой приехал. Рассказывать о его образе жизни значило бы передавать слухи о его сумасбродствах. И, конечно, если он не безумец, то из его качеств я отмечу в первую очередь способность к передразниванию. Но если это и сумасшествие, то варварское, в котором нет ничего забавного.

Военное счастье, однако же, не всегда ему сопутствовало. При осаде Очакова, когда турки сделали обманную вылазку, он, несмотря на приказание Потемкина, пожелал их преследовать, надеясь вступить в город вместе с беглецами. Он попал под картечь, и его колонна была полностью разбита. Он кинулся на приступ Измаила, не зная даже плана крепости**. А его деяния в Польше — это подвиги

ства. Павел был в ярости, разжаловал и отставил Репнина по его возвращении за то, что он не добился успеха в Берлине и пользовался услугами француза в канцелярии. Но по исключительной милости он отставлен с правом ношения мундира той армии, которой он в течение сорока лет командовал со славой.

* Именно таким образом автор этих мемуаров впервые увидел Суворова.

** Обычно он извещал о своих успехах в двух-трех словах, а часто двумя нескладными и смешными русскими стихами. Цезарь писал Сенату: “Пришел, увидел, победил”. Суворов с полным правом мог бы выпустить одну треть этого изречения, потому что он всегда побеждал, не видя. Он сам говорил: “Каменский знает войну, но она его не знает; я не знаю ее, но она меня знает; что же до Ивана Салтыкова, то ни он ее не знает, ни сам ей неизвестен”⁴⁶. Несколько подобных афоризмов и удачных ссылок на древнюю историю создали Суворову его репутацию. Его приверженцы распространяли слух о том, что он часто уединялся, чтобы изучить древние языки, и даже еврейский. Он порядочно говорит по-французски и по-немецки.

разбойника. Он поторопился туда, чтобы удовлетворить мстительность Екатерины и уничтожить остатки армии, уже разбитой Ферзеном⁴⁷ и лишенной храброго Костюшко, который один составлял всю ее силу. Суворов, обнимавший жителей Варшавы и обещавший им милость возле трупов двадцати тысяч граждан всякого возраста и пола, походит на пресытившегося тигра, который играет с добычей на костях, оставшихся от его пиршества.

Его нравы были столь же своеобразны, сколь странен его ум. Он ложился спать в шесть часов вечера, поднимался в два часа пополудни, бросался в холодную воду и заставлял выливать себе на голое тело по несколько ведер. Обедал он в восемь часов. Его обед, как и завтрак, состоял из водки и нескольких грубых солдатских блюд: все содрогались от приглашения к подобному столу. Часто посреди пирушки один из его адъютантов поднимался, приближался к нему и запрещал ему есть. "По чьему приказанию?" — спрашивал Суворов. "По приказанию самого маршала Суворова", — отвечал адъютант. Суворов вставал, говоря: "Нужно ему повиноваться". Он заставлял таким образом приказывать себе от своего собственного имени идти на прогулку и многое другое.

Во время его пребывания в Варшаве толпа австрийских или прусских офицеров спешила увидеть этого оригинала. Прежде чем появиться перед ними, он осведомлялся, кого больше: если австрийцев, то он украшал себя портретом Иосифа II, выходил в приемную, впрыгивал, сдвинув ноги вместе, в круг этих офицеров и предлагал каждому из них лобызать этот портрет, повторяя: "Ваш император меня знает и любит". Если пруссаков было больше, он обходился орденом Черного Орла и так же паясничал. При дворе иногда видели, как он перебежал от одной дамы к другой и целовал, осеняя себя крестным знамением и преклоняя колена, портрет Екатерины, который они носили на груди. Екатерина как-то велела ему сказать, чтобы он вел себя приличнее.

Он набожен и суверен. Он заставляет начальников произносить вслух молитву перед походом и дурно обходится с иностранными и ливонскими офицерами, которые не знают русских молитв.

Время от времени он посещал полевые лазареты, называя себя врачом. Он принуждал тех, кого находил очень больными, принять ревеню и соли; награждал ударами розог тех, кого находил только слабыми. Часто он выгонял всех вон из лазарета, говоря, что солдатам Суворова непозволительно хворать.

В своей армии он запретил все маневры, имеющие отношение к отступлению, говоря, что в нем никогда не будет нужды. Он сам учил солдат обращаться со штыком тремя различными способами. Когда он командовал: "Марш на поляков!" — солдат вонзал свой штык в чучело один раз, "Марш на пруссаков!" — два

раза, “Марш на проклятых французов!” — солдат должен был нанести два удара, а на третий загнать штык поглубже в землю и поворачивать его. Его ненависть к французам была крайне сильна. В некоторых газетах видели письмо, которое он написал Шарету⁴⁸. Он писал из Варшавы Екатерине и часто заканчивал такими словами: “Матушка, прикажи мне идти против французов!” Он действительно приближался уже через Галицию во главе 40 000 человек к французским границам в момент смерти Екатерины.

Часто он, голый, в одной сорочке, объезжал свой лагерь верхом на неоседланной казачьей лошади, а утром вместо того, чтобы приказать бить зорю или сбор, выходил из своей палатки и пел три раза петухом⁴⁹: это было для армии сигналом пробуждения, а иногда — похода и сражения.

Если среди множества сумасбродств, которые он выкидывал, и плоских фраз, им произносимых, встречалась выходка своеобразная или поразительная, все повторяли ее и удивлялись ей, как вспышке гения. Этот жестокий человек имел, однако, некоторые добродетели: он обнаружил редкое бескорыстие и даже великодушие, то отказываясь от подарков Екатерины, то распределяя их среди тех, кто его окружал. Он убьет несчастного, который умоляет не лишать его жизни, но даст денег тому, кто просит у него милостыню, потому что он так же мало ценит золото, как человеческую кровь. Можно видеть, как почти в одно и то же мгновение он скрежет зубами от ярости, как безумный, смеется и гримасничает, как обезьяна, или жалобно плачет, как старая баба.

Таков чересчур прославленный Суворов. Он рассорился с женой, не пожелал признать сына⁵⁰ и предпочитал ему племянников, князей Горчаковых⁵¹. А когда императрица сделала его сына гвардейским офицером, он сказал: “Государыня желает, чтобы у меня был сын. В добрый час! Но я о нем ничего не знаю”. У него была дочь⁵², фрейлина Екатерины, отличавшаяся при дворе своим идиотизмом. Вернувшись в Петербург после отсутствия, продолжавшегося несколько лет, отец велел ей прийти в некоторый дом для свидания с ней. “А, папа, — вскричала она, — вы очень выросли с тех пор, как мы не видались”. По-французски это было бы милым каламбуром, но по-русски это только грубая наивность, которая всех насмешила.

После взятия Варшавы он прибыл в Петербург, чтобы наслаждаться своей славой. И тогда этот скиф, который нигде не желал жить, кроме как в своей повозке, занял покои в Таврическом дворце и облачился в великолепный маршальский мундир, присланный ему Екатериной. Получив эту обнову, он гримасничал на тысячу ладов, ласкал ее, целовал, осенял ее крестным знаменем и говорил,

поднимая ее: “Ах, я не удивляюсь, что такой не дают маленькому Николаю Салтыкову: для него она слишком тяжела”*.

Известно, как и почему Павел отставил его по восшествии на престол. Ропот солдат вынудил его потом снова вызвать Суворова. Говорят, он намерен воспользоваться им как бичом для наказания французов.

Валериан Зубов, брат фаворита, командовал армией, которая вела войну в Персии**. Выше я уже говорил об этом молодом человеке, развратном, испорченном своим фавором, но добром, открытом и мужественном. Он лишился ноги в Польше и отправился завоевывать Азию на костылях***. Один из его курьеров прибыл с донесением о битве в момент смерти Екатерины. Павел послал ему орденские ленты св. Анны для раздачи офицерам, а каждому из полковников — особый приказ отвести свой полк на границы.

Генерал остался один в своем лагере, не зная, что ему делать. Наконец он последовал за армией и, прибыв в Петербург, подал в отставку. Он живет теперь в Курляндии, где владеет почти всеми поместьями прежних герцогов.

Итак, все эти генералы и армии, отдаленные и чуждые тому, что происходило при дворе, не могли ничего предпринять. Единственным, чего Павел действительно мог опасаться, была гвардия. С давнего времени эти четыре многочисленных полка⁵³ под начальством родовитейшей знати империи страшились будущего царствования великого князя и смотрели на его приход к власти как на конец своего существования. Павел даже не скрывал своего отвращения к ним, и величайшим оскорблением, к которому прибегал, разговаривая со своими офицерами и даже солдатами на маневрах в Гатчине и Павловском, были такие слова: “Ты не годишься никуда, кроме службы в гвардии”. Гвардейцы платили ему таким же презрением и дразнили его солдат “пруссакими”. Известно, что, для того чтобы растрогать этих преемников стрельцов, нужны были по меньшей мере слезы Елизаветы и ласки Екатерины. И Павел решил, что он находится в безопасности, только после того (мы это уже видели) как распределил свои батальоны между этими страшными полками, в которых он старался изгонять прежних офицеров и ласкать солдат. Но тщетно он одаривал их водкой и рублями: эти щедроты подкупили лишь тех, кто к нему был близок, а армия жаловалась и роптала****.

* Николай Салтыков был одним из тех, кого особенно сильно оскорбило производство Суворова.

** Об этой любопытной и отдаленной экспедиции пойдет речь в третьей части этих мемуаров.

*** Когда он получил новое ранение, Екатерина послала ему своего собственного хирурга, ленту ордена св. Андрея, чин генерал-аншефа и 100 тысяч рублей для расходов на перевязки раны. Он попросил у нее еще 500 тысяч, чтобы уплатить долги.

**** Петр I уничтожил стрельцов, но их дух воскрес в четырех гвардейских полках, которые пришли им на смену. Гвардия, составленная из лучших солдат, офицеры которой происходили из самых бога-

Будучи великим князем, Павел, которого мать ненавидела и презирала, а фавориты унижали, жил в уединении и забвенье в блестящее и пышное царствование и сохранял добропорядочные и строгие нравы посреди разврата и бесчинств большого двора*. Ему требовалась лишь малая толика добродетели и любезности, чтобы его жалели рассудительные люди и любил народ. Его должны были ожидать как освободителя. Между тем он возбуждал всеобщий страх и отвращение.

Его слуги, офицеры, придворные, фавориты и, страшно сказать, его дети — все в той или иной мере разделяли эти ужасные чувства. Подозрение, что он внушал им, озлобляло его и делало, быть может, неспособным что-либо изменить. При таком характере черты справедливости и доброты, которым он еще позволяет иногда проступать, тем более поразительны и заставляют сожалеть о качествах, которых от него можно бы было ожидать.

Пока он не царствовал, его привязанности страшились: мало того, что она часто бывала причиной досады императрицы и фаворита, но его расположение по отношению к его опале было тем, чем, по пословице, является хорошая погода по отношению к ненастью, то есть фавор был безошибочным провозвестником опалы.

Ни один человек не обнаруживал такого множества капризов и такого непостоянства в выборе друзей. Сначала он с доверием и дружеской простотой всецело отдавался тому, кто, казалось, проник в его мысли; потом, раскаиваясь в этой самоотдаче, он начинал видеть в этом человеке какую-то угрозу или ставленника своей матери, или ее фаворита, льстившего ему, чтобы потом его предать. При чем помимо тех, на кого ничтожнейший знак доброго расположения его жены или дружба г-жи Бенкендорф навлекли ураган его гнева, вся империя была полна изгнанной прислуги, разжалованных фаворитов и сосланных офицеров. Тот, кто стоял ближе к нему, неизменно имел повод всего больше жаловаться на него; всегда тот, кто получал больше милостей, оказывался впоследствии самым несчастным. После того как мы рассказали о министрах его матери, не будет неуместным упомянуть о придворных, которые очутились у него в милости, когда он сделался императором, и которые, наверное, пробудут некоторое время в почете. Можно сказать в его и их похвалу, что большая часть их достойнее, чем министры старого двора.

тых семей (чтобы быть офицером гвардии, нужно было доказать, что владеешь по крайней мере сотней крестьян, или рабов), образовала армию приблизительно в 10 тысяч человек, окружавшую трон. Влияния этого корпуса было достаточно, чтобы произвести переворот: таким образом, он один приводил в исполнение все те заговоры, которые имели место со времени Петра.

* Это следует признать. И если страсть к Нелидовой вводит его в грех против жены, она, по крайней мере, не заставляет его публично грешить против благопристойности и приличия. Впрочем, Нелидова уже в немилости.

Два князя Куракина⁵⁴, по очереди делившие с Павлом хорошее и дурное*, — вот два человека после камердинера, о котором я уже поведал, имеющие наибольшее влияние и, может быть, более всех его заслуживающие. Перед смертью Екатерины они, хотя и богатые и знатные, занимали при дворе второстепенные должности. Один в особенности вел уединенную и философскую жизнь, занимаясь науками, искусствами или воспитанием своих детей; он был всеми почитаем и уважаем. Его нравы и образ жизни разительно отличались от привычек большей части русских дворян, у которых распутство, игра, роскошь и безумства крадут время и состояние. Одним словом, он казался достойным быть во главе дел. Вместе с братом он занимает высокое положение: один — вице-канцлер империи, другой — генерал-прокурор, и именно им должно приписывать все то хорошее, что совершается.

Два молодых камергера, которым посчастливилось состоять на службе у Павла, по прибытии курьеров с известием о смерти Екатерины были вдруг превращены в генералов армии и сделались его первыми флигель-адъютантами. Один — Раstopчин⁵⁷, который обязан своим фавором очень ловкому письму⁵⁸: ему придется отказаться от трех четвертей своего ума и от половины самого себя, чтобы сохранить расположение императора**. Другой — молодой граф Шувалов⁵⁹, которого Павел только что справедливо удостоил милости, после того как долгое время не признавал, и которому подарил свою форму, чтобы он служил образцом для конной гвардии, куда Павел назначил его майором. Ничто так не противоречит друг другу, как равный фавор этих молодых людей, потому что причина возвышения одного, по-видимому, обуславливает опалу другого. Раstopчин в течение нескольких лет был камер-юнкером великого князя в Павловске. Его молодые товарищи, и между прочими граф Шувалов и князь Барятинский⁶⁰, тяготились этой службой, как трудной барщиной (ибо одно слово, сказанное великой княгине, или

* Алексей Куракин часто навлекал на себя немилость Павла по причине внимания и почтения, которые он неизменно оказывал великой княгине. Не стоит, однако, называть ревностью чувство, которое испытывал при этом Павел. Его характер и нрав его жены не могли дать повода для ревности. Настроение Павла имело своим источником его политические подозрения, а вовсе не любовь. Увидев однажды, как его жена вполголоса беседовала с кн. Куракиным у камина, Павел пришел в ярость. “Вы хотите, мадам, — сказал он ей, — приобрести себе друзей и сыграть роль Екатерины; но знайте, что во мне вы не найдете Петра III”. Эти необдуманные слова, вырвавшиеся у него в припадке гнева, изумили всех, и Куракин удалился от двора. С этого времени великая княгиня была еще более несчастна и стеснена. Тот, у кого было к ней малейшее дело, должен был обращаться к ее мужу. Он сам назначал тех, кто должен был предлагать ей руку для прогулки, составлять ее партию при игре в карты и даже разговаривать с нею в течение вечера. Наконец, он решил, что удобнее будет дать ей кого-то вроде чичисбея⁵⁵, который бы от нее не отходил. Это был князь Несвицкий⁵⁶, признанный достаточно ничтожным для этого.

** Он был уже дважды разжалован и вновь призван.

слишком модный костюм могли их погубить), увиливали от нее, сколько было возможно, сказываясь больными или выискивая другие основания. Раstopчин, которому наскучило быть без отпуска, написал колкое письмо обер-гофмаршалу, где осмеивал своих товарищей, приводя истинные мотивы, мешавшие им приезжать в Павловск.

“Что касается меня, — говорил он в конце письма, — то мне не нужно ни лечиться от венерической болезни, ни содержать итальянскую певицу, и я буду с удовольствием исполнять их службу у великого князя”. Эти язвительные выражения метили в Шувалова и в Бярятинского, которого Павел терпеть не мог, хотя тот и был его крестником. Гофмаршал показал это письмо императрице, которая сначала посмеялась над ним. Но Шувалов и Бярятинский сочли себя оскорбленными и потребовали у Раstopчина объяснений⁶¹. Дело вызвало шум: Бярятинский был отправлен в армию, а Раstopчин удален от двора на год. Великий князь, смотря на него с того времени как на своего сторонника, упорно отказывался от услуг других камер-юнкеров, пока Раstopчин не был вновь призван. Таким образом, в продолжение года с лишком они всегда совершали поездки из Павловска или Гатчины, чтобы встретиться у двери, и тотчас опять разлучались.

Среди любимцев императора Плещеев⁶² — подлинный феномен: он один всегда держался на одном и том же расстоянии. Правда, он никогда не стоял в первом ряду, но зато и не испытывал бурь. Это человек образованный и достойный уважения, насколько таким может быть придворный. Он говорит на многих языках, обладает познаниями в географии и статистике и занимается литературой. Он мог бы даже оказать услуги России, если бы в числе его добрых качеств была смелость говорить истину. Но его постоянный фавор кажется, к несчастью, недвусмысленным доказательством противного*.

Нелединский⁶³, товарищ детства Павла, известен в Петербурге отменным умом и любовными стихотворениями, в которых находят изящество и чувство. Император назначил его своим личным секретарем, но, наверное, с условием, что он свернет шею своей музе: она слишком много ему дала, чтобы заслужить столь жестокую смерть. Следует, по крайней мере, желать, чтобы теперь Нелединский на практике выказал ту чувствительность, которую обнаружил в своих стихах. Именно он должен подавать императору отчет о письмах и прошениях, и участь многих притесненных находится в его руках.

Николай⁶⁴ прибыл в Россию в качестве гувернера молодых графов Разумовских, которые ему впоследствии покровительствовали. Затем по рекомендации г-жи Преториус, его родственницы (горничной герцогини вюртембергской), он получил

* Только что он, наконец, подвергся опале, и преемственной.

место секретаря великой княгини. Он был возведен в немецкое баронское достоинство во время путешествия великого князя и по его воцарении сделался статским советником, директором кабинета Его Величества*, кавалером ордена святой Анны и получил несколько сотен душ ценою развращения своей**. Он родом из Страсбурга и известен в Германии рядом подражаний Ариосто⁶⁵ и несколькими красивыми, хотя и многословными стихотворениями. Он принужден был также принести свою музу в жертву на алтаре фортуны, к которому она сама привела неблагодарного. Мне неизвестно, делает ли его счастливее политическая гордая осанка, которую он счел нужным принять, но по его виду этого не скажешь.

Г-н Донауров⁶⁶, бывший сначала библиотекарем принца вюртембергского, а потом флигель-адъютантом Павла, сделался не менее важной особой. Но я воздерживаюсь от подробнейших рассказов о тех, кого недостаточно хорошо знал, чтобы вынести им какой-нибудь приговор. Отмечу только, что в списках лиц, получивших от императора новые милости и повышения, я встречаю множество тех, чьим уделом должно быть одно презрение.

Ясно все же, что окружающие Павла по моральным качествам несравненно превосходят приближенных его матери***. Подле него находятся люди образован-

* То, что называют в России кабинетом, не есть политический совет. Это комната, где находятся сокровища, драгоценности и редкости, принадлежащие лично государю.

** У него уже были земли в Финляндии, из числа областей, которые уступила Швеция, где крестьяне не настолько подчинены рабству, как русские. И Николай часто жаловался, что эти нищие почти ничего не приносят ему и еще хотят быть свободными. Он только что получил крестьян в Польше и сможет по своему произволу их разлучать, продавать или заставлять их работать, как домашнюю скотину, для украшения своих садов. По этой черте легко судить о том, чем сделался в России сей уроженец Страсбурга, которому многие мелкие писатели льстят как мещану. Если ему придется прочитать это, он, должно быть, удивится, с какой мягкостью здесь о нем сказано. По отношению к женщине, которую он должен был по крайней мере уважать в ее несчастье, он поступил почти так же грубо, как его господин.

*** Вот шутка, дающая понятие о том мнении, которое существовало о большей части лиц, достигших милости и почета при дворе Екатерины. Она была сочинена в обществе, где праздновали крещение по французскому обычаю⁶⁷ и королю бобов предложили вновь распределить должности между придворными сообразно с их талантами и способностями.

Зубов никогда ничем не служил государству и не нужен Екатерине с тех пор, как женолюбницы Браницкая и Протасова исполняют свои обязанности. Ему дадут несколько доз рвотного, чтобы заставить возвратить незаконно взятое, и отправят на Бальдонские воды⁶⁸ поправлять здоровье.

Граф Николай Салтыков, президент Военной коллегии и наставник великих князей, будет назначен президентом Медицинской коллегии и диаконом дворцовой часовни. В его распоряжении оставят даже гардероб его воспитанников при условии, что он заточит свою жену⁶⁹ в монастырь или отправит в дом для престарелых.

Граф Безбородко, первый советник государства и прочая и прочая, станет придворным поваром, если только не предпочтет сделаться директором лечебницы для женщин, страдающих венерическими болезнями, в которой находятся все его подруги.

ные и даже благородные. Я говорю “находятся”, но, может быть, следовало бы сказать “находились”, потому что его непостоянству подвластно все, что его окружает, и он не оставляет достоинству времени на то, чтобы испортиться при дворе*.

Государь, которого Павел, кажется, избрал прообразом своего царствования и своих действий, это Фридрих Вильгельм, отец великого короля Пруссии**. Такая

Вице-канцлера Остермана пошлют в Сен-Дени, чтобы он там замещал шпагу Карла Великого⁷⁰, которая была такой же длинной и плоской, как он.

Князю Барятинскому, обер-гофмаршалу, достанется должность главного палача. Поскольку есть проект ввести менее жестокую казнь, чем смерть под кнутом, он будет тайным давителем и душителем тех, от кого пожелают отделаться, будь то император или его сын, — с условием, однако, не позволять им кричать, как он сделал это около тридцати лет назад.

Маршал Суворов будет назначен привилегированным поставщиком человеческого мяса. Русской армии позволят питаться им в Польше, где нет более ничего, кроме трупов.

Будет собрана комиссия учителей, чтобы испытать, умеет ли граф Юсупов⁷¹ хоть немного читать, и в случае успеха его сделают суфлером на спектаклях в театре, директором которого он в настоящее время является.

Морков будет послан министром в Париж⁷², где он уже имел такой блестящий успех. Есть надежда, что ему удастся примирить Россию с французской республикой, потому что он был бичом русских и польских якобинцев, против которых она вынесла постановление.

Самойлова, генерал-прокурора, определят в конную гвардию, потому что он, в конце концов, довольно-таки хорош собой, а для этой службы более и не требуется.

Кутузов⁷³, директор кадетского корпуса, сменивший на этом месте доброго графа Ангальта, должен будет соорудить памятник своему предшественнику, которого пытается высмеять и о котором ежедневно заставляет сожалеть. Впрочем, его поведение — лучший панегирик памяти славного Ангальта.

Старому генералу Мелиссино оставят артиллерийский корпус, потому что он единственный генерал от артиллерии, который знает свое дело, но при условии, что он не будет распоряжаться казенными денежными суммами и не станет позорить свои седины в передних камер-лакеев. Ему рекомендуют также вкладывать поменьше искусства в свое поведение и поменьше дыма в фейерверки.

Г-жа Ливен, гувернантка великих княжон, сохранит свой пост, хоть она и выглядит как амазонка. Грядет время, когда нужно будет придавать солдатский вид даже великим княжнам.

Графиня Шувалова, обер-гофмейстерина великой княгини Елизаветы, также будет утверждена в своем звании, но ей предпишут не позволять, чтобы за столом этой юной принцессы имели право говорить одни лишь дураки, если только они не делают этого со здравым смыслом, как во времена Эзопа.

Князь Репнин за то, что он однажды, когда князь Потемкин попросил принести ему стакан воды, открыл дверь, чтобы самому повторить слугам это важное приказание, получит диплом главного лакея фаворитов, и эта должность для него будет тождественна с должностью фельдмаршала. Между тем с него сорвут лавровый венок, который венчал его седую голову, потому что он промолчал, когда шут наступил ему на мозоль⁷⁴, и позволил себе принять подарок (небольшой дом) в качестве искупления и утешения за нанесенное оскорбление.

Г-ну Завадовскому, директору и расхитителю банка, дадут приказание отправиться в Сибирь ловить соболей, чтобы добыть меха для Ее Величества, потому что у нее вскоре не будет больше средств. Она уже не может содержать свое семейство, а про Завадовского известно, что он больше охотник, чем финансист⁷⁵, и проч.

* Так оно и есть: князья Куракины и большая часть тех, кого я назвал, подверглись опале, когда я писал свои мемуары.

** С этим он не согласен, потому что говорил однажды: “Я хочу быть Фридрихом II на заре моих дней и Людовиком XIV на закате”. Превосходно! прекрасно! для вас это безделица.

же жестокость, непреклонность, строгость нравов и солдатомания обнаруживаются в русском самодержце. Впрочем, я думаю, что уже очертил характер Павла, рассказывая о том, что он сделал; если же нет, то признаюсь, что работа эта выше моих сил. Известно, что нет ничего труднее, как описывать дитя, физиономия которого еще не определилась. То же самое и с капризным человеком. Можно добавить только (для большей снисходительности), что французская революция, подобная тому небесному свету, который поверг когда-то ниц его небесного покровителя Савла, или Павла⁷⁶, поразила его мозг и вконец расстроила ум. Она повлияла даже на голову его матери, гораздо более крепкую, чем у него. Что касается его наружности, было бы несправедливо упрекать его за нее. Помнится, жители Парижа, собираясь вокруг молодого Павла, восклицали: “Боже! как он некрасив!” — и у него хватало благоразумия, чтобы смеяться над этим*. Он не стал красивее с тех пор, как постарел, облысел, а лицо его избородили морщины. Странность носимого им платья и грубость его манер еще увеличивают его безобразие. За исключением калмыков и киргизов, Павел — самый уродливый человек в своей империи. Недовольный своей наружностью, он признал неуместным чеканить ее на новых монетах**.

Вот некоторые штрихи, которые довершат портрет Павла, составленный из его собственных действий; они докажут, что в бытность великим князем он уже обещал стать таким, каким его видишь теперь.

Возле Павловского дворца была терраса, откуда он мог видеть всех часовых, для забавы расставленных им повсюду, где имелись места для караульных будок. На этой закрытой террасе он проводил часть дня; в подзорную трубу он наблюдал все, что происходило вокруг. Нередко он посылал лакея к тому или иному часовому с приказаниями застегнуть или растегнуть пуговицу, удлинить или укор-

* С того времени он сильно переменялся, или, вернее, теперь он без стеснения показывает себя таким, каким, возможно, был уже давно. Несчастный солдат, доведенный до отчаяния мучениями, которые он терпел, когда его наказывали палками (по приказу Павла за небольшое упущение по службе), воскликнул: “А! проклятая плешивая голова! а! проклятая плешивая голова!” Раздосадованный самодержец приказал, чтобы его забили кнутом, и издал распоряжение, которым он запрещает, под угрозой той же самой кары, пользоваться прилагательным “плешивый”, говоря о голове, и прилагательным “курносый”, когда речь идет о носе. Он, очевидно, прочел, как один святой пророк заставил медведя сожрать сорок два ребенка⁷⁷ за то, что они таким образом оскорбили его; а голова Павла, без сомнения, не уступает голове Елисея.

** На новых монетах вы не увидите его изображения; здесь только его вензель со следующими словами Священного Писания, которые здесь не имеют ровно никакого смысла: “Не нам, не нам, но имени Твоему”⁷⁸. Очевидно, это какой-то девиз мартинизма и обскурантизма, защитником которых является Павел. Кажется даже, что он хочет слить эти секты с мальтийским орденом, гроссмейстером которого, к удивлению Европы, он только что себя провозгласил⁷⁹ — в тот самый момент, когда заключил союз с турками. О друзья мои, удержитесь от смеха! Но увы! Quidquid delirant Reges, plectuntur Achivi⁸⁰.

тить ружейный ремень, прохаживаться вокруг будки крупным или мелким шагом. Иногда он сам шел за четверть лье, чтобы передать эти важные распоряжения, бил солдата или совал ему в карман рубль в зависимости от того, насколько бывал им доволен.

Некогда Павловское было открытой деревней; Павел завел здесь постовых, которые записывали всех входящих и уходящих. Каждый обязан был сообщать, куда отбывал, откуда прибывал и чего желал. По вечерам проверяли каждый дом — нет ли там иностранцев. Арестовывали всякого, у кого была круглая шляпа или кто гулял с собакой. Павловское, излюбленное место загородных прогулок вследствие его красивого местоположения, в скором времени опустело: все избирали окольные пути, чтобы не проходить по городу, и при виде Павла убегали как можно дальше, что удваивало его досаду и подозрения. Зачастую он приказывал догонять и расспрашивать тех, кто пытался таким образом от него улизнуть.

Однажды он арестовал всех офицеров своего батальона за то, что они плохо отсалютовали эспантонами⁸¹, проходя перед ним на учениях, и каждый день на протяжении целой недели заставлял их дефилировать перед собой, отсылая их после этой церемонии обратно на гауптвахту — до тех пор, пока они не выучились делать приветствие по его фантазии.

Как-то раз во время упражнений его кирасирского полка лошадь сбросила одного офицера. Павел в ярости подскакал к нему: “Подымайся, несчастный!” — “Не могу, государь: я сломал ногу”. Павел плюнул на него и с проклятиями уехал.

В другой раз, когда он в неурочный час, украдкой проходил перед одной из своих гауптвахт, офицер, не зная его в лицо, не отдал своим солдатам приказа выйти. Он немедленно вернулся, дал офицеру пощечину, приказал отобрать у него оружие и посадить под арест.

Случилось ему ехать из Царского Села в Гатчину; дорога шла болотом, на котором рос лес. Вдруг, вспомнив что-то, Павел приказал кучеру сию секунду возвращаться. Кучер: “Минутой позже, государь! дорога здесь слишком узкая”. Павел: “Как, негодяй! ты не хочешь повернуть тотчас же?” Кучер вместо ответа поспешил доехать до места, где можно было повернуть. Между тем Павел кинулся к дверцам кареты, подозвал берейтора, приказал ему наказать и арестовать мятежного кучера. Берейтор уверил его, что сейчас они как раз собираются развернуться. Павел с пеной у рта от бешенства бросился на берейтора: “Ты прощелыга, как и тот, — кричал он, — пусть он опрокидывает, пусть ломает мне шею, но он должен повиноваться и поворачивать тотчас же, как я ему приказываю”. Во время этого припадка кучер изловчился и повернул экипаж, но Павел велел его выпотроить тут же, на месте.

Во время одной прогулки его лошадь споткнулась. Он приказал Маркову, своему конюшему, больше не кормить ее. На восьмой день Марков сделал ему доклад, что она издохла, и Павел сказал: "Хорошо!" После его восшествия на престол одна из его лошадей снова споткнулась под ним на улице Петербурга. Он тотчас же спрыгнул, приказал берейторам держать что-то вроде совета, и лошадь была приговорена к получению пятидесяти ударов дубиной. Павел велел отсчитать их в присутствии народа и сам считал, приговаривая: "Это за то, что она провинилась перед императором".

Еще в бытность великим князем Павел был столь шепетильным блюстителем формальности в упражнениях, что, заметив однажды весною, как лук Купидона напрягал и поднимал узкие штаны некоторых солдат, он всем им приказал расположить его на одной и той же ляжке, как они носили ружье на одном и том же плече. Читатель может принять это за непристойную шутку. Но один из присутствовавших на учениях офицеров уверял меня в этом, и всякий, кто хоть немного знал Павла, поверит этому с такой же легкостью, как и я.

Раз он встретил в дворцовых садах человека в круглой шляпе, который хотел от него убежать. Он велел привести его, и оказалось, что это часовой мастер, шедший чинить его часы. После того как Павел произнес длинную речь о неприличии круглых шляп, он попросил у жены несколько булавок и сам заколол поля небольшой шляпы, из которой получился потешный головной убор, который он и нахлобучил на голову владельца.

Среди множества странностей он обнаруживал черты гуманности; пенсии, которые он назначал несчастным, основанные им солдатские госпитали, введенная им раздача мяса бедным офицерам и многие другие поступки, исполненные благотворительности и справедливости, свидетельствуют о том, что он был скорее капризен, чем зол.

ДОПОЛНЕНИЕ

1. КАКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ВОЗМОЖНА В РОССИИ

если французской революции суждено обойти весь мир, несомненно, Россию она посетит после всех. Французский Геркулес как раз на границе этой обширной империи поставит две колонны с надписью: “Nec plus ultra”¹, и надолго остановится тут свобода, читая надпись, скрывающую неведомый ей мир. <...>

Я вовсе не хочу сказать, что в России нет ни просвещения, ни стремления к истине, но там все просвещенные, вкусившие истины люди осторожней Фонтенеля*², они стараются скрывать, а никак не распространять свои познания. Объясняется же это тем, что для самих просвещенных выгодно покровительствовать невежде и доказывать целесообразность рабства и тирании. В России до тех пор не вспыхнет стихийная революция, пока там не образуется многочисленный просвещенный класс, страдающий за угнетенный рабством народ.

Если же возможно ускорить ее, то это сделает указ Павла, только что изданный им от большого ума. Указом этим он уничтожил право получать дворянство за военные и гражданские должности и таким образом создал настоящее Третье Сословие (Tiers Etat), которого совсем не было в России, потому что нельзя считать сословием несколько купцов из вольноотпущенных и несколько иностранцев-ремесленников: до сих пор в России были только крепостные и дворяне. Всякий, у кого был какой-нибудь военный или гражданский чин, то есть кто имел немного денег и был слегка образован, получал дворянство и все его привилегии и спешил воспринять дух и предрассудки этого сословия: но как только эта просвещенная часть нации лишится своей доли в почестях и преимуществах тирана, в злоупотреблениях правительства и унижении народа, она сейчас же обратится к свободе. Бездушный деспотизм сам создает себе врагов и роет яму. Теперь, наконец, заполнено то огромное пространство, которым он отделил раба или крестьянина от свободного или дворянина. Третье сословие воспримет, как великан: могучей рукой он подымет раба, а другой сразит дворянство — не пройдет и ста лет, как он их уже уравниет.

* Он где-то говорит: “Если бы в руке моей были зажаты истины, я не разжал бы ее”.

Другой шаг императора, по принципу тоже московский, а по результатам столь же удачный, — это указ об уничтожении всех типографий империи: оставлено было только три для отпечатки указов, церковных книг и книг, выдержавших тройную цензуру представителей правительства, просвещения и святой православной церкви*. Желая подавить просвещение и науки, он оказал им величайшую услугу, какую только возможно. С момента, когда науки начинают пользоваться свободой печати, лучшее, что можно для них сделать, — уничтожить эту свободу. Все книги, способствовавшие революции нашего века, имеются в России, и даже в большом количестве; а то, что еще проскользнет туда, хотя бы из Вены, несомненно, окажется лучше всего разрешенного там к печати**. Итак, повторяю, Павел оказал большое благодеяние и наукам, и свободе. Да простятся ему его намерения во имя результатов.

Но Россия еще очень далека от того, чтобы суметь использовать эти благодеяния, и напрасно деспотизм в своем глупом предвидении, стремясь отдалить опасность, только навлекает ее. <...>

Под влиянием отчаяния будут еще время от времени, как и раньше, вспыхивать местные крестьянские мятежи против господ, но общая революция в России — химера. Россия слишком обширна, слишком мало населена, чтобы подняться всей громадой, да и громада эта, растянутая и тонкая, была бы быстро прорвана. Жалкие местечки с населением в несколько тысяч обычно отстоят друг от друга на пятьдесят французских миль (200 верст) и сообщаются между собою только через разбросанные среди лесов деревни. Расстояние же между деревнями не менее шести-семи миль, и почти в каждой из них имеется свой собственный маленький тиран. Может ли такой рассеянный народ когда-нибудь сплотиться в одно целое? Для полного избиения населения целой губернии хватило бы одного Фанагорийского полка*** под командой Суворова.

* С тех пор он пошел еще дальше в вопросе уничтожения книг: он запретил ввоз даже иностранных каталогов и повелел книгоиздателям на книгах, выдержавших тройную цензуру, обозначать: “по разрешению императора” вместо употреблявшегося раньше выражения: “с государственного дозволения” (*liberte imperiale*).

** Вот образчик строгости русской цензуры еще до утروения ее Павлом. При Екатерине книги, выходявшие в Петербурге на иностранных языках, цензуровал полицейский чин, некто Ле Жандр. Из одного поэтического произведения, где речь шла о любви, он вычеркнул слова “этот хитрый бог”, отметив, что неприлично давать богу такой эпитет. Он все же разрешил автору заменить его словом “шутник”. В другой раз он вычеркнул из оды в честь Екатерины строфу со следующими стихами: “Всюду гром гремит, меч заостряется / Царь с трона свергается и скипетр его разбивается” (*Partout la foudre gronde et le glaive s'aiguise; Un roi tombe du trone, et son sceptre se brise*). Он увидел тут намек на подготовку войны 1790 года и на начало революции. А предвидеть тогда падение Людовика XVI было политическим богохульством...

*** Полк, прославившийся в последних войнах; шефом его был Суворов.

Кроме естественных препятствий, которые московский дух (*moscovitisme*) долго еще будет выдвигать против всяких нововведений, навеянных французской революцией, он получает еще постоянную поддержку из-за границы. Невежество, варварство, суеверия и всякие предрассудки, преследуемые в Европе, находят здесь теперь постоянное пристанище. Люди, пропитанные всем этим, лучше всего принимаются в России, там они снова находят свою родину, но в младенческом состоянии золотого века феодализма. Они приходят в восхищение и чувствуют себя даже слишком просвещенными и передовыми в столь счастливой стране: боясь показаться опасными, они с наслаждением погружаются в невежество и варварство, среди которых и сами родились... Немного просвещенный и чувствующий человек, попав в русский климат, начинает замечать, как постепенно в сердце его все меркнет, а если деспот купит его душу, подарив ему несколько сот крепостных, он начинает считать рабство вполне справедливым и видеть свое счастье в том, что и он стал одним из рабов. <...>

Однако ж среди русской знати и даже при дворе есть гордые, великодушные личности; не будучи последователями системы равенства и свободы, они все же возмущаются тем позорным самоотречением, которое от них требуется. Деспотизм пригоден только варварам, а русское дворянство уже вышло из этого состояния. По мере того как нравы смягчаются, деспотизм должен был бы переходить к менее возмутительным формам, он же, напротив, все больше ожесточается, и гнет его становится все смешнее и гнуснее: он силится вернуться к варварству, когда народы приближаются к цивилизации. <...>

Может ли молодой человек, полный лучших порывов, не чувствовать унижения, когда его ежеминутно заставляют преклонять колени и целовать руку не отца, не благодетеля, а того, кто не внушает ему никакой любви, уважения или благодарности, того, к кому в глубине души он чувствует, может быть, презрение? А когда изъявлению верноподданнических чувств наносится еще с невероятным бесстыдством оскорбление смешными мелочами и притворством, — не станет ли это в конце концов невыносимо?*

Хотя знать и привыкла падать ниц перед деспотом, вымещая унижение это на рабах своих, но все же она просвещена и продолжает просвещаться. Конечно, развращенность заменила у нее цивилизацию, но и тысячелетнее рабство и тирания не смогли вытравить из нее нескольких достоинств. Знать эта, вполне заслужившая менее варварского правительства, захочет иметь законы, начертанные не в одних тронутых мозгах своих самодержцев. Она начинает тяготиться своими уни-

* Я видел, как Павел на вахтпараде, когда коленопреклоненный офицер ожидал руки для поцелуя, медленно вынул из кармана платок, высморкался, вытер лоб, обернулся взглянуть на солдат, медленно сложил и спрятал платок и только тогда протянул свою августейшую руку все еще коленопреклоненному офицеру, намеренно заставив его простоять так лишних пять минут. Офицер этот был швейцарец.

зительными цепями и в один день разобьет их, а вслед за тем облежит и цепи рабов своих. Она выполнит то, к чему стремилась благородная Польша, чтобы стереть со лба человечества давнишнее клеймо и очиститься от преступления, соучастницей которого ее сделали самодержцы. Может быть, время это и не так далеко. Многие молодые головы питаются примерами древности, тайно размышляют над прекрасным Жан Жаком³ и, забывшись на миг в истории народов, с ужасом обращают взоры на историю своей родины и на самих себя. <...>

Когда я указываю в России на знать как на единственное сословие, на которое свобода может прежде всего опереться, я вовсе не подразумеваю под ней ту презренную толпу, которая следует за двором, как стая мерзких воронов за лагерем в надежде поживиться трупами. Толпа эта везде низка, и лакеи-высочки в ней еще ниже прирожденных придворных. Не трон, алтарь или священная особа деспота привязывает их, а самая гнусная подлость: человек, пользующийся властью, для них бог, и ему они поклоняются. У всех на глазах они ползали то перед одним, то перед другим фаворитом, как ползает гусеница от листа к листу, истачивая их и оставляя на них свои экскременты. И среди всех этих подлецов, благоговейно лижущих ныне руки Павла, нет, быть может, ни одного, который несколько месяцев тому назад не отрезал бы эту самую руку по приказу Потемкина. От таких подлецов только и можно ждать интриг и дворцовых переворотов, столь обычных в России и содействующих только продлению варварства и нищеты. Но некоторые именитые семьи*, куда проникло просвещение, как чужестранец под гостеприимную кровлю, некоторые мужественные, талантливые, честолюбивые молодые люди, может быть, и воспользуются счастливыми условиями вроде только что возникших, чтобы, в ожидании лучшего, по крайней мере изменить самодержавные формы управления, возвести на трон хорошего государя, придать Сенату или какому-нибудь совету большее значение и тем возвысить его над лакеями и ограничить хоть сколько-нибудь безграничные теперь злоупотребления. То, что Долгорукие могли осуществить полвека тому назад, другие сумеют теперь лучше провести**. <...>

2. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

Говорят, что у русских нет своего характера, что его заменяет умение прекрасно усваивать характер других наций. Если при этом подразумевается только высший

* У многих из этих семей больше двадцати тысяч крепостных, города, пушки, огромные богатства и, главное, родственники — генералы и шефы полков. Это больше, чем нужно. Одна битва решила бы дело в их пользу.

** Семьи Долгоруких, Голицыных, Салтыковых и других много сделали для России. Они, главным образом, свергли недостойную тиранию Меншикова, Бирона, они же, после смерти Петра II, хотели ограничить самодержавие. Теперь случай повторяется, и при более благоприятных условиях, чем когда-либо. Павел посылает армию сражаться за семьюсот миль. Какой подходящий момент для добрых россияни!

класс, то это верно, но то же можно в равной мере сказать и о всех полуобразованных народах и даже о жителях всех больших городов, нравы которых столь же сходны между собой, как внешний вид этих городов, — ведь и учреждения, и пищу они получают из одних источников, а раса их смешана и образ жизни одинаков.

За границей можно встретить только русского дворянина, на родине только его можно хорошо узнать, — он действительно обладает большими способностями сливаться во мнениях, нравах, манерах и языке с другими нациями. Он будет фриволен, как прежний французский петиметр, будет сходить с ума от музыки, как итальянец, будет рассудителен, как немец, своеобразен, как англичанин, низок, как раб, и горд, как республиканец. Вкусы и характер он будет менять так же легко, как моды, и, несомненно, эта физическая и умственная гибкость — его отличительная черта.

Русский крестьянин, лишенный собственности, религии, моральных основ и чести, гостеприимен, человечен, услужлив, весел, честен и мужествен; чем дальше от городов, тем он добрее; самый дикий всегда лучше всех — чем дальше от тирана, тем больше хорошего. Одним словом, он от природы одарен всеми достоинствами, напоминающими патриархальные нравы, пороки же его порождены рабством. Остатки варварства в наиболее просвещенной части общества служат этому отвратительным контрастом. Варварство выражается в грубости нравов, в оскорбительном презрении к людям вообще, в равнодушии ко всякому усовершенствованию, в незнании социальных отношений, в наглой надменности, низости, непристойности, отсутствии общественности и патриотизма, а главное, в отсутствии той части, которая подчас заменяет честность и даже добродетель. Полуобразованный русский — самый презренный человек; он ползает, как червь, он пресмыкается; в нем больше рабства, чем деспотизма в его правительстве: его хозяин неизбежно становится тираном.

Такому полуварвару особенно пристало ремесло вельможи, потому что он равно жесток, завистлив, подл и хитер; но, говоря о России, ошибочно было бы связывать со словом “вельможа” представление учтивости, изящества, тонкости ума, с которым оно связано в других странах. В России, при дворе и особенно у сановников, часто преуспевает самый наглый, бесчестный, именно тот, кто готов подставить спину лягушачьему царю (чурбану), не валяющемуся в болоте, а извлеченному оттуда могучей дланью Петра I. Человек здравомыслящий, с благородной душой и развитым умом, не понравится при дворе, и, если происхождение или обстоятельства привяжут его там, к нему будут относиться с опаской и лишат милостей, как только распознают. Русские вообще любят учиться и уважают иностранцев, которых ненавидят только необразованные да завистливо соперничающие с ними. <...>

В русском солдате, несмотря на его варварство и скотство, сохранилось много достоинств, которые часто обнаруживаются среди всех его буйств. Бывали случаи, когда молодые люди на коленях умоляли вербовщиков взять их вместо их семейных братьев*. Поступки эти никак нельзя сравнивать с самоотверженностью француза, вызвавшегося заменить родственника: он жертвовал только восемью годами свободы, а русский жертвует всею жизнью. Оторванный от своей избы и близких, он состарится под игом самой жестокой дисциплины или падет от вражеской шпаги. Если он женат, хозяин тотчас после его ухода может отдать жену за другого, а если у него есть дети, он никогда их больше не увидит**. Для семьи он потерян, мертв; сам же он становится убийцей и, наконец, доходит до того, что привязывается к своему ремеслу.

Он начинает обнаруживать мужество и верность своим генералам; чувства эти заменяют ему патриотизм***. Так хорошо выдрессированная собака из послушания проявляет мужество льва, защищающего свою жизнь и свободу. Храбростью, природной веселостью, хватками и чистоплотностью русский солдат ближе всех к французскому. Некоторые полки вот уже шестьдесят лет находятся в непрерыв-

* Я принял участие в одном молодом человеке, который пришел за двести миль умолять, чтобы его взяли вместо брата, у которого была многочисленная семья. Я говорил о нем с военным министром, рассказал ему подробно о самоотвержении, которым молодой человек, по-моему, заслужил свободу и брату, и себе. Может быть, я бы и добился своего, но бывший тут же родственник министра воскликнул: "Тогда пришлось бы отпустить всех солдат, я тысячу раз присутствовал при случаях, подобных удивившему вас". Я смутился и не знал, чему больше удивляться: душе ли русских рабов или черствости вельмож. Говоривший пострадал от Пугачева, он был посажен в мешок, и его готовились бросить в реку, когда подоспевший отряд освободил его.

** Несмотря на запрещение, это часто практикуется хозяевами, чтобы не терять доходов, иначе им пришлось бы кормить оставшуюся жену и детей; выдав же замуж, хозяин получает прежние подати с преемника ее мужа, который, кроме того, обрабатывает те же поля. Часто барин выдает здоровую двадцатилетнюю девушку за десяти-двенадцатилетнего ребенка, чтобы создать новый двор. Иногда отец, сыновья у которого еще не подросли, изнемогая от работы, просит в жены одному из сыновей сильную девушку, и в ожидании, пока сын подрастет, свекор сам живет с ней. Такие ненормальности обычны в деревне.

Солдаты никогда не получают ни отпуска, ни отставки. В одном из указов Екатерина обещала им свободу после двадцатипятилетней службы, но указ этот не исполнялся.

*** При осаде Очакова один пикет, шедший на передовой пост, встретил траншейного офицера. "Турки сделали вылазку, — сказал он им, — они уже заняли назначенный вам пост, вернитесь, а то всех вас перережут". — "Это нас не касается, — ответил один из солдат, — за нас отвечает князь Долгорукий". Несмотря на уговоры офицера, они пошли и не вернулись. При попытке турок атаковать Кимбур⁴ пьяный Суворов вышел во славу гарнизона, чтобы дать врагу отпор. Но при первом же столкновении русские отступили, и многие пустились уже в бегство. Один солдат, возмущенный этим, штыком остановил бегущих, заставил вернуться в бой и сам, как офицер, повел их в атаку. Узнав об этой причине первой победы в последнюю войну, Екатерина пожелала произвести солдата в офицеры. Но он отказался, говоря, что не умеет писать и предпочитает быть хорошим солдатом, чем плохим офицером. Императрица послала ему золотую медаль и назначила пенсию в триста рублей.

ном соприкосновении с неприятелем; постоянные войны закалили русских, но Очаковская, Измаильская и Пражская резня, от которых до сих пор содрогается Европа, и опустошение несчастной Польши придали их заслугам самый жестокий и варварский характер; впрочем, таков характер их генералов, и, пожалуй, даже скорей характер Екатерины, всегда поощрявшей их. Она издевалась над святой человечностью медлившего в Литве Репнина⁵, палач же Суворов сделался ее героем*. Но все же ... мы видим Репниных, Голицыных, Буксгевденов⁷, Ферзенов, молодого Толстого⁸ и ряд старших офицеров, человечность и даже учтивость которых прямо противоположны варварству их товарищей. Русские, столь ожесточившиеся при Екатерине, не были такими при кроткой Елизавете. В Пруссии об них до сих пор сохранилась добрая память⁹: население признательно им за их поведение и дисциплину в течение двух лет. Ясно, что вся нация не ответственна за эти войны. Русский человек — раб; он следует внушению, он то, чем его хотят сделать. Только нерегулярные казачьи, башкирские, киргизские и калмыцкие легкие полки являются недисциплинированными варварами.

Гению Екатерины нужна была такая молодая податливая нация, о которой она может сказать то же, что ланфонтеновский ваятель¹⁰ говорил о своей мраморной глыбе: “Что выйдет из нее? бог, стол или лоханка?” Екатерина не могла сделать из русского — бога, но человека — несомненно; ее величайшее преступление, что не в этом она полагала славу свою: она сделала из него себе лоханку. Вытерпев царствование Екатерины и ее двенадцати фаворитов, русский народ доказал, что он самый униженный из народов, если же он вынесет до конца тиранию Павла, он окажется и самым подлым из всех. <...>

3. РЕЛИГИЯ

<...> Кроме пятидесяти двух воскресений, русские праздновали еще шестьдесят три праздника, из которых двадцать пять были посвящены особому культу богини Екатерины и ее семьи. При дворе это были те дни *Te Deum* или, вернее, *Te Deum*¹¹, дни пышных балов, дни милостей и пиров; в городах — дни беспутства и пьянства. В деревнях дни эти могли бы быть отдыхом для несчастных, но, если после обедни хозяева не гнали их на обычную баршину, они пользовались свободными минутами, чтобы наспех убрать поля свои; в этом отношении такие праздни-

* Во время ужасной Брестской битвы⁴, проложившей Суворову дорогу к Варшаве, последний обратился к своим солдатам со следующими словами: “Товарищи и братья! наша добрая мать повелела мне перерезать всех поляков: перережем же их”. Целый день русская армия резала беллицев и пленных, а Суворов, во главе казаков, кричал вслед тем, кого не могли схватить: “Бегите, бегите и скажите, что идет Суворов”. Узнав об этом сражении, Екатерина, вне себя от восторга, вышла из кабинета и, увидав двух вельмож, игравших в шашки в прихожей, воскликнула: “О, господа, моя игра получше ваших шашек — я забавляюсь избиванием поляков, слушайте”, — и она патетически прочла им рапорт.

ки были для них благодеянием. Пять праздников было в честь самой Екатерины: первый — ее рождение 21 апреля старого стиля; второй — восшествие на престол 28 июня; третий — коронация 22 сентября; четвертый — оспопрививание 21 ноября и пятый — именины 24 ноября. В эти торжественные дни каждый генерал старался приятнейшим для нее образом выразить свое уважение и послать ей кровавый букет, я разумею известие об избении. Перед этими праздниками неприятелю приходилось быть особенно настороже — тут на него обычно нападали.

Священники в России в большом презрении. Многие из них безграмотны; их беспутство и грубое невежество только увеличивают презрение к ним. Для обучения их, правда, существует семинария, но стать священником можно и не учась там. Отец передает сыну приход, церковь и паству, для чего требуется только согласие помещика, который уже сам добивается согласия архиерея. Если сын, как и отец, умеет немного читать по-славянски, знает обедню и вечерню, он уже считается знатоком своего дела и берется за него. Скоро он начинает напиваться и драться с прихожанами, которые, даже избив его, подходят к нему под благословение и целуют руку. На улицах Москвы и Петербурга часто встречаются пьяные попы и монахи. Они ходят с пеньем, пошатываясь, ругаясь, говоря глупости прохожим и оскорбительно хватая женщин. <...>

Эти служители Христа священнодействуют с такой непристойностью, что обращают в посмешище все церемонии, в действительности вовсе не смешные. Некоторые священники ругаются в алтаре, бьют причт и громко, по-гренадерски, командуют, какую свечу зажечь, какой образ придвинуть или из какой книги читать. <...>

Многие бары имеют домовых священников, которые и служат у них на дому; живут же обычно с челядью и не допускаются к господскому столу, хотя они вовсе не крепостные. Во время шведской войны, когда была большая нехватка в людях, забрали несколько тысяч поповских сыновей и сформировали из них артиллерийские батальоны, хотя многие из них были уже священниками. Их, как рабов, оторвали от алтарей и жен и заставили изучать пушку в лагере генерала Мелиссино. <...>

Митрополит Московский Платон¹² и Петербургский — Гавриил — пользуются всеобщим уважением, как за характер свой и поведение, так особенно за старание улучшить нравы своих собратий. Духовник великих князей, отец Самборский¹³, делает честь не только своему сану, но и всей нации. Это единственный русский безбородый священник: живя в Лондоне, он хоть и с трудом, но добился разрешения не носить бороды, а вернувшись оттуда, дерзнул продолжать бриться. Оставив в Англии бороду, он вывез оттуда полезные для своей родины знания и вкусы. Он старался поднять сельское хозяйство и в окрестностях Царского Села, где распал пустыри и осушил болота, превратив их в плодородные поля и английские сады. Таков был его ответ на презрение ханжей-собратий, считающих его еретиком.

<...> Народ добросовестно блюдет четыре длинных поста, предписанных церковью: исполнительность при этом так велика, что воздержание распространяется на сношения с женой и на курение табака. Кража или убийство, легко отпущаемое попом, в глазах ханжи меньший грех, чем вкушение яиц, мяса или молока постом. Конопляное масло, рыба, зелень, коренья и грибы служат ему единственной пищей, и через несколько недель такого воздержания наступает полное истощение. У богатых стол постом роскошный, с рыбой и прекрасными фруктами; у некоторых подается даже скоромное из внимания к иностранцам или больным; но я видел ханжу, который отказался есть рыбный суп, который ему налили ложкой, опущенной перед тем в скоромный бульон. Кто-то по поводу строгости постов сказал, что русские добиваются рая голодовкой.

Каждый русский, кроме освященного при крещении креста, который он никогда не снимает с шеи, носит еще обычно в кармане медный образ Николая Чудотворца или своего святого. Он носит образ с собой повсюду, как благочестивый Эней своих пенатов¹⁴. У крестьянина или солдата в дороге часто кроме образа совершенно ничего не бывает. И кажется странным, когда такой крестьянин или солдат вытаскивает своего божка из кармана, плюет на него, вытирает рукой, чтоб вымыть, потом ставит перед собой и, вдруг простершись, со вздохом осеняет себя тысячу раз крестным знамением и сорок раз* повторяет: "Господи помилуй!" Помолвившись, он закрывает коробку и прячет бога в карман. У дворянина все это обставляется торжественней. В путешествиях его тоже сопровождает бог, но он облачен в золото и серебро; на станциях слуга первым делом вынимает его из ящика и ставит в комнату своего господина, а тот, простершись, начинает молиться.

Я звал княгиню, пенатом которой было большое серебряное распятие, всегда сопровождавшее ее в особом экипаже и обычно стоявшее у нее в спальне. Когда в течение дня с ней случалось что-либо приятное и она бывала довольна своими любовниками, она приказывала зажигать вокруг распятия свечи и попросту говорила ему: "Ну, вот видишь, ты был сегодня добр, и тебе будет хорошо: свечи прогорят всю ночь; я буду любить тебя и молиться тебе, моему миленькому, маленькому боженъке". Но когда с ней случалась неприятность, она приказывала тушить свечи, запрещала слугам молиться распятью и осыпала его грубой руганью.

Сама Екатерина притворно чтит иконы. Часто, кладя земные поклоны на паперти своей часовни, она пачкала в пыли бриллианты венчавшей ее короны. Однажды у нее из часовни украли обрамленный бриллиантами образ Богородицы — подарок императрицы Елизаветы при ее миропомазании. Вся полиция была поднята на ноги, чтобы разыскать виновника дерзкой кражи, но все было тщетно. Екатерина разохалась: "Не бриллиантов мне жаль, а святой иконы! За находку я бы охотно дала ее двойную цену". Желание ее исполнилось: через несколько дней,

* Число сорок считается у русского духовенства священным.

после многих поисков и арестов, Пресвятая Дева была найдена, но без своего богатого убранства — икона валялась в снегу около Адмиралтейства. Обрадованная Екатерина наградила нашедшего, велела отделать ее еще богаче, чем раньше, и с большим торжеством поставить на прежнее место.

Публичные женщины тоже очень набожны и чтут святых. Когда у них бывают гости, они перед началом веселья задерживают иконы кисеей и тушат перед ними свечи: это знак жертвоприношения Венере.

Я не буду вдаваться во все подробности предрассудков, порождаемых в темном и рабском народе такой религией. Грубая политика теперешнего царя только сгущает ту тучу невежества и глупости, которую стремились хоть отчасти рассеять и гений Петра, и человечность Елизаветы, и философия Екатерины. Так жаба взбаламучивает тину в своей луже, чтобы лучше спрятаться. Сожалея об унижении, в котором коснеет великий народ, надо отдать справедливость просвещенным русским, которые стонут от этого унижения. Но они и сами еще скованы предрассудками. <...>

4. ГИНЕКОКРАТИЯ

<...> В царствование Екатерины женщины уже заняли первенствующее место при дворе, откуда первенство их распространилось и на семью, и на общество. Княгиня Дашкова¹⁵, эта “Томирис¹⁶ с французским диалектом”, как прозвал ее Вольтер, не только усвоила мужские вкусы и манеры, но обратилась совсем в мужчину, заняв должность и неся обязанности Директора Академии Наук и Президента Русской Академии. Всем известно, что она усиленно просила Екатерину назначить ее гвардейским полковником и, несомненно, была бы в гвардии больше на месте, чем большинство теперешних полковников. Но Екатерина не могла доверить ей такую должность — слишком мало полагалась она на эту женщину, хваставшуюся тем, что возвела ее на престол. Впрочем, если бы на трон после Екатерины вступила еще одна женщина, можно с уверенностью сказать, что среди армейских генералов попадались бы девицы и женщины — среди министров.

Многие хорошо известные в Европе генералы были в эту эпоху в полном подчинении у жен своих. Управляющий Финляндией граф В. Пушкин¹⁷ не смел шлохнуть, не послав курьера к жене своей за советом. Граф Иван Салтыков и нравственно, и физически стоял ниже жены своей, а военный министр прямо дрожал перед своей свирепой половиной. Но не подумайте, что это почти всеобщее подчинение происходило от рыцарского отношения, которое иногда мужчины питают к дамам, — женщины, упомянутые мною здесь для примера, все старые, некрасивые и злые. Подчинение это в буквальном смысле слова было подчинением слабого сильному, малодушием перед храбростью, глупостью или даже безумием.

На стороне женского пола было естественное превосходство. Уважение и страх, внушаемые Екатериной вельможам, казалось, распространились на весь ее пол.

Вдали от двора частенько встречалось то же самое. Многие полковничьи жены входили во все мелочи полковой жизни: отдавали офицерам приказания, пользовались ими для личных услуг, увольняли их, а порой и повышали чинами. Госпожа Меллейн, полковница Тобольского полка, командовала им с настоящей военной выправкой; рапорты она принимала за туалетом, сама назначала в Нарве караулы, а благодушный супруг ее занимался тем временем в другом месте. Когда шведы попытались напасть врасплох, она, по свидетельству очевидцев, вышла в полной форме из своей палатки, стала во главе батальона и двинулась на врага. Многие женщины последовали за армией, посланной на турок. Гарем Потемкина всегда состоял из прекрасных амазонок, охотно посещавших поля битв.<...>

В деревне мужеподобность женщины была еще заметнее. Конечно, это встречается везде, где мужчины порабощены; вдовам и совершеннолетним девицам часто приходится управлять именьями, где, как стадо, живут их крепостные, то есть их собственность, их добро. В таких случаях им приходится вдаваться в подробности, мало подходящие их полу. Покупка, продажа и мена рабов, распределение между ними работы, наконец, присутствие при сечении — все это претило бы женской чувствительности и стыдливости в стране, где мужчины не сведены до уровня домашних животных и обращение с ними не так сурово. В России же многим женщинам приходится часто заниматься этим, и некоторым это доставляет удовольствие.

Присущая женщинам стыдливость притупляется как благодаря привычке к такому обращению с мужчинами, так и благодаря совместному посещению бань с детства. Я встречал женщин, сравнившихся в этом отношении с самыми распущенными мужчинами. Но известное бесстыдство некоторых русских женщин вовсе не надо приписывать распутству и грубому сластолюбию. С детства они живут в самом тесном общении с толпой рабов. Не считая крепостных за мужчин, они заставляют их оказывать себе тысячи интимных услуг. Любопытство их по поводу всего таинственного в любви не только удовлетворяется, но даже предупреждается самой домашней обстановкой, всякая же болезненная раздражаемость в этом отношении притупляется в зародыше. Надо быть их ровней, чтобы заставить их покраснеть: раб для них — существо другой породы.

Я уже отмечал, как возмутительно в России обращение с людьми. Присутствовать хотя бы при наказаниях, которым часто подвергаются рабы, и выдержать это без ужаса и негодования можно только в том случае, если чувствительность уже притупилась и сердце окаменело от жестоких зрелищ. Но признаюсь, что еще возмутительнее, когда при экзекуциях присутствуют и даже распоряжаются женщины, которые иногда самолично налагают телесные наказания. Я сам бывал свидетелем,

как хозяин во время обеда за легкий проступок холодно приказывал, как нечто обычное, отсчитать лакею сто палочных ударов. Провинившегося сейчас же уводят на двор или просто в переднюю, и наказание приводится в исполнение в присутствии женщин и девушек, которые под шум еды и смех слышат вопли несчастного.

Не я первый заметил, что русские женщины в общем жесточе мужчин: они ведь гораздо невежественней и суеверней последних. Они почти не путешествуют, мало учатся и совсем не работают. Русские дамы проводят время лежа на диване, окруженные рабами, которые должны не только исполнять, но и угадывать каждое их желание*. <...>

Обнаруженное несколько лет тому назад в Москве сообщество, под названием физический клуб, ясно показывает всю испорченность, скотство и падение нравов и вкусов в царствование Екатерины. По всей гнусности орден этот превосходил все, что рассказывалось о самых распутных учреждениях и таинствах. Посвященные мужчины и женщины собирались в определенные дни и беспорядочно предавались самому постыдному разврату. Мужья вводили туда своих жен, братья — сестер. От мужчин требовались крепость и здоровье, от женщин — красота и молодость. Вступающий посвящался только после испытания и овидетельствования. Мужчины принимали женщин, а женщины — мужчин. После блестящего пиршества пары распределялись по жребию. Во время французской революции полиция был дан приказ разыскивать и закрывать всякого рода ордена и сборища; тогда-то и обнаружился физический клуб; членов принудили открыть его тайны. Ввиду того, что его члены обоих полов принадлежали к самым богатым и знатным семьям и что на их сборищах и речи не было о политических вопросах, скандальную ложу только закрыли и запретили.

Хотя русские бани и описывались много раз, но я все же считаю нелишним поговорить о них здесь, так как они сильно влияют на характер и нравы женщин из простонародья. Приехав в Россию, я решил сам лично проверить то представление, которое у меня сложилось на основании рассказов путешественников и которому я не очень доверял... Итак, однажды с одним из друзей я отправился на берег Невки к общественным купальням; идти далеко не пришлось, чтобы убедиться, что русские красавицы привыкли выставлять свои прелести перед прохожими. Толпа женщин всех возрастов, привлеченных июньской жарой, не сочла даже нужным идти в ограду купальни. Раздевшись на берегу, они тут же плавали и резвились. <...>

С тех пор я много раз бывал в банях и видел то же, что и на берегу островов Невы. Но после набросанной выше картины большие подробности были бы слишком непристойны. Правда, целомудренная Екатерина издала указ, предписываю-

* Дама, лежащая таким образом на диване или софе, часто бывает окружена толпой рабынь; одна из них рассказывает ей что-нибудь, другая чешет голову или пятки, а шут смешит ее. Это персидские нравы из арабских сказок.

щий предпринимателям публичных бань строить их для обоих полов отдельно и в женские пускать только тех мужчин, которые необходимы для их обслуживания, да еще художников и врачей, приходящих туда для изучения своего искусства; чтобы проникнуть туда, охотники попросту присваивают себе одно из этих званий. Итак, в Петербурге бани и купальни разделены для обоих полов перегородкой, но многие старые женщины всегда предпочитают вешиваться в толпу мужчин; да кроме того, вымывшись в бане, и мужчины и женщины выбегают голышом и вместе бегут окунуться в протекающей сзади бани реке. Тут самые целомудренные женщины прикрываются березовым веником, которым они парились в бане. Когда мужчина хочет вымыться отдельно, его часто моет и парит женщина: она тщательно и с полным равнодушием исполняет эти обязанности. В деревне устройство бань старинное, то есть там все полы и возрасты моются вместе, и семья, состоящая из сорокалетнего отца, тридцатипятилетней матери, двадцатилетнего сына и пятнадцатилетней дочери, ходит в баню, и члены ее взаимно моют и парят друг друга в состоянии невинности первых человеков.

Эти обычаи не только кажутся нам оскорбительными, но они и действительно оскорбительны у недикого народа, уже носящего одежду, но, в сущности, они вовсе не являются результатом развращенности и не свидетельствуют о распутстве. Скажу больше, вовсе не эти бани доводят народ до распутства, наоборот, они, несомненно, очень полезны для него. Сердце русского юноши не трепещет и кровь не кипит при мысли о формирующейся груди. Ему нечего вздыхать о тайных, неведомых прелестях — он уже с детства все видел и все знает. Никогда молодая русская девушка не краснеет от любопытства или от нескромной мысли, от мужа она не узнает ничего для себя нового...

И надо сказать правду, насколько непристойно держатся женщины, настолько же девушки сдержанны и скромны. В них от природы заложены задатки глубоких и нежных чувств. Только с трудом развращаются они под влиянием окружающей испорченности. Почти все девушки обладают природным умом и прелестью; их глаза, ноги и руки не оставляют желать лучшего; в них есть та непринужденность, тот вкус к нарядам и приятность в разговорах, которые встречаются только у француженок.

Умные и любезные русские дамы не чужды искусству. Они смеются на представлении хорошей комедии, прекрасно чувствуют злую остроту, понимают двусмысленность и аглодируют блестящим стихам; только чувствительность неведома им, никогда не приходилось мне видеть, чтобы они плакали на трагедии. Матери, дочери и любовницы без слез смотрели во французском театре в Петербурге “Меропу”, “Антигону” и “Заиру”¹⁸, в которых еще подвизались Флоридор, Офрен¹⁹ и Ла Гюс.

В русских женщинах мало семейных добродетелей; они не способны к порядку и экономии, столь необходимым для женщин среднего уровня. Они очарова-

тельны в обществе, но мало склонны к хозяйству и способны скорее доставлять удовольствие многим, чем сделать счастье одного. Красота молодых дам еще больше подчеркивается достоинствами, воспитанными роскошью, и очаровательными талантами, развивающимися благодаря свойственной им непринужденности. Обыкновенно они хорошо знают языки, и многие из них свободно владеют тремя или четырьмя.

Те из них, которые тщательно воспитаны в здоровой семейной обстановке под руководством умной гувернантки или почетной матери, развивавшей в них хорошие наклонности и подавлявшей порочные, и особенно те, которые развивали себя чтением или путешествиями, — достойны занять одно из первых мест среди милых женщин Европы и напоминают блестящих женщин Франции. Но это редкие цветы, распускавшиеся в тиши. Они подвергаются ожесточенным нападкам суевверных, завистливых клеветников. Случается, что они не выносят пытки, в которую повергает их болтовня кумушек-соотечественниц, и создают себе отдельный кружок из избранных женщин, и особенно из иностранцев, но это только удваивает ненависть и гонения на них.

5. ВОСПИТАНИЕ

<...> Люди со средствами обычноверяют воспитание детей своих особым гувернерам, известным в России под презрительным прозвищем учителей, преподавателей. Большинство гувернеров — иностранцы, преимущественно французы и швейцарцы. Немцы, несмотря на свои достоинства и педагогическую эрудицию, не могут конкурировать с ними, так как характером не сходятся с русскими; попытки же некоторых родителей взять гувернеров из соотечественников, кончивших Московский университет или петербургские институты, кончились весьма плачевно. Здесь уместно вспомнить знаменитый ответ греческого философа. Кто-то сказал ему: “На те деньги, которые ты с меня спрашиваешь за воспитание сына, я куплю хорошего раба, который и дома воспитает его”. — “Покупай раба, — ответил философ, — их с твоим сыном станет двое”.

Просвещению России больше всего способствовали те самые учителя, над которыми потешаются легкомысленные люди и про подозрительность которых старательно нашептывают всем старые матроны. Они-то и обучали русских в розницу, одного за другим. На них лежала обязанность знакомить Россию с философией, моралью и добродетелью и хоть отчасти распространять там просвещение, о внушении любви к которому, как мы видели, вовсе не заботилась православная церковь. В дальнейшем же единственным наставником молодежи делается полковник, который, как и церковь, мало вмешивается в вопросы образования. Начиная со знаменитого Лефорта²⁰, внушившего Петру I любовь к учению, и кончая последним писцом французского прокурора, преподающим спряжение несколь-

ких глаголов на родном языке, все это и есть те самые учителя, которые развили у русских и вкус, и знания, и таланты до такой степени, что многими из них восхищались даже за границей. Как это ни грустно, но среди домашних воспитателей, работающих над созданием новых людей, встречаются недостойные этого звания: их безнравственность и невежество бросают тень на всех и делают учителей всеобщим посмешищем. Впрочем, теперь такие воспитатели уже с трудом находят места, разве где-нибудь в глухой провинции у старозаветных, добрых россиян, которые воображают, что дети их хорошо воспитаны, если говорят на иностранном языке. В Петербурге же стали гораздо разборчивей в выборе гувернеров, и среди них встречаются уважаемые и действительно достойные люди. В России это был единственный класс, не исключая и академиков, который немного занимался наукой и литературой. Такие люди, как Брюкнер у князя Куракина, Гранмон (Granmont) у княгини Долгорукой, Линдквист (Lindqwist), аббат Николь²¹ (Nicole) и некоторые другие, занимавшие более скромные места*, с честью и успешно исполняли свои обязанности, отдавшись им по призванию и неся их с полным достоинством.

Богатые русские вельможи, занимающие значительные должности, не вмешиваются в воспитание детей своих: они либо слишком невежественны для этого, либо всецело поглощены игрой и интригами; а так как в России мало гимназий и университетов, они пришли к разумному решению: выбрав человека, они передают ему свои родительские обязанности и власть. Но разборчивость при выборе гувернера проявляли только наиболее образованные. Впрочем, редкий гувернер настолько лишен здравого смысла и бесчестен, чтобы злоупотреблять своими обязанностями; воспитатель находится в самом выгодном положении по отношению к своему ученику. Он всем сердцем стремится обучить его, наставить, привязаться к нему и его заставить полюбить себя. Если же он у хороших, зажиточных людей, ему нечего жалеть о потере десяти-двенадцати лет жизни — судьба его обеспечена**. Часто он становится настоящим другом и всегда руководителем своего питомца. Собственная выгода побуждает его развивать в ученике благородные, справедливые чувства и прививать ему любовь к наукам, что гораздо важнее преподавания их первооснов. Таким образом, большинство русской молодежи проводит юность в обществе иностранца, ставшего для них вторым отцом; справедливая благодарность к нему сохраняется в душе всякого от природы хорошего молодого человека. <...>

В таком иностранном воспитании есть один недостаток, не вредный, впрочем, для России. Почти все русские, под влиянием воспитателей-французов, с детства

* Господин Брюкнер получил тридцать пять тысяч рублей за четырнадцать лет, посвященных воспитанию молодых князей Куракиных, а Гранмон — двадцать пять за воспитание князей Долгоруких.

** Русские подражают французским вельможам и английским богачам: гувернеры, уезжая, получают пожизненную пенсию или, оставшись в России, должности и чины. Так, по крайней мере, поступают те, кто не считает своих наставников первыми слугами.

проникаются любовью к Франции; ее язык, ее историю они знают лучше своих; не имея настоящей родины, они и сердцем и воображением начинают считать Францию таковой. <...> Ведь они узнают Францию только с хорошей стороны, какой она кажется издали, когда об ней тоскуешь. Они смотрят на нее как на родину вкуса, вежливости, искусства, утонченных удовольствий и любезных людей; они смотрят на нее как на пристанище свободы и разума, как на очаг священного огня, у которого и они когда-нибудь зажгут факел, который осветит их темную родину. Французские эмигранты, добравшиеся в своем изгнании до страны современных киммерийцев²², были очень удивлены, когда встретили там людей, более них самих осведомленных в делах их родины, ибо среди русской молодежи многие размышляют над Руссо и изучают речи Мирабо, эмигранты же ничего не читали, и весь идейный багаж их состоит из одних предрассудков. Оказалось, что многие русские знают Париж лучше тех, кто всю жизнь шатался по его улицам. Вообще надо заметить, что русские очень способны и обладают поразительной легкостью восприятия, поэтому в науках они делают очень быстрые успехи. Русские же дети самые милые и занятные. Законченное домашнее воспитание часто дает молодым людям более широкие и систематические познания, чем немецкие университеты своим питомцам; к тому же русские всегда умеют блеснуть своими познаниями. Но эти ранние цветы часто не дают плодов: русские редко путешествуют, как Анахарсис²³, а возвращение на родину становится для большинства не только концом учения, но даже и всех стремлений к наукам и литературе.

Против течения могут плыть только сильные духом да те, кто увлечен прелестью философии или очарованием истинной славы, потому что познания, которым якобы покровительствует самодержавие, в конце концов влекут за собой лишение придворных должностей и почестей. Так европейские нравы и даже самый характер Екатерины были в постоянном противоречии с варварскими формами и направлением, раз навсегда данным русскому правительству; его реакционность разрушила все, что вносилось гуманностью и философией. Деспотизм требует постоянного самоотречения и даже отказа от просвещения, которому он порой покровительствует. Итак, влияние иностранных преподавателей на характер и нравственность русских постоянно тормозится предрассудками и другими почти непреодолимыми препятствиями: но это влияние постоянно и непрерывно, оно незаметно проникает в души, и медленные, как ход времени, результаты его делаются еще более верными. Молодая русская знать, может быть, самая образованная и философски развитая во всей Европе; впрочем, в воспитании только что произошла контрреволюция: движение человеческого разума в России пошло вспять со времен торжества свободы, а особенно с начала мрачного царствования Павла и приезда эмигрантов. Теперь большинство учительских мест занимают рыцари, графы, маркизы и священники, ибо с эмигрантами случилось то же, что когда-то произошло с колонистами,

вызванными Екатериной для обработки русских пустынь²⁴: все грамотные бросили поля и пошли в преподаватели. Теперь это вряд ли долго протянется: господа эмигранты под влиянием нового занятия либо станут мыслителями, либо быстро бросят его. Став учителем, почти неизбежно остепеняешься: все то, что ежедневно слышишь, видишь и испытываешь в России, говорит гораздо убедительнее в пользу свободы, чем все победы и все красноречие французов. Какой-нибудь Монморанси²⁵, сделавшись учителем, наверно, превратится в демократа.

В книге «Путешествие двух французов по России»²⁶ встречаются очень странные рассуждения об учителях. Автор удивляется, что они, будучи почти поголовно демократами, живут в свое удовольствие в домах больших бар, и издается над ними за то, что они не отказываются от этого, чтобы пожертвовать жизнью свободе. <...>

Теперь его Московское величество старается смешными, тираническими, но достаточно последовательными мерами воспрепятствовать всяким сношениям Европы с его благословенным государством, благодаря чему остановилось или, по крайней мере, замедлилось развитие человеческого разума в России. Никогда Петр I не заботился так о реформировании и просвещении своего государства, как теперь старается Павел о прекращении доступа всякого света к своим киммерийцам.

Если бы собрать все указы Павла с момента его воцарения, то вышел бы самый смешной кодекс, когда-либо виданный Европой. В конце концов он запретил своим подданным, особенно лифляндцам и курляндцам, посылать детей учиться в Германию, где они наберутся развращающих принципов. Он призывает всех вернуться из иностранных университетов под угрозой конфискации имущества*; он обещает дать разрешение на учреждение университета в своих немецких провинциях, где молодежь будет проходить важнейшие науки. А пока этот университет будет основан под его покровительством, пока последователи Канта²⁷ удалятся из Германии, чтобы тут почерпнуть более блестящие философские истины, — финны, эстонцы, латыши и курляндцы остаются без всякого образования, потому что в их обширных провинциях нет даже начальных школ. Верх премудрости Павла проявился в запрете давать иностранцам судебные должности и приходы. Но он идет еще дальше и одним указом запрещает всякому иностранцу въезд в свои владения без специального разрешения его величества; и в том, что именно указ этот не был даже опубликован, сказалося истинное варварство. Иностранные купцы, имеющие собственность в России, молодые люди, приглашенные туда, — все арестованы на границах или на привезших их кораблях и отправлены обратно, причем они понесли большие расходы и претерпели все опасности дальнего пути.

Другим указом запрещается чтение всяких печатных произведений на французском языке; указ этот наполнен бранью против Франции и даже против дру-

* В Лейпциге было тридцать семь студентов, а в Иене — шестьдесят пять из подданных царя: они спешно уехали в силу этого указа.

жественных ей держав. Ни одна газета не попадает в Россию без просмотра и штемпеля цензурного комитета, и всякому, кто бы ни получил почтой ли, курьером или путешественником газету либо другое печатное произведение, вменяется в обязанность немедленно представить его в эту цензуру под страхом наказания, грозящего всякому мятежнику. <...>

Надо заметить, что в царствование Екатерины в течение некоторого времени Россия была единственным государством Европы, где не было запрещено французское печатное слово. После того как “Mopiteur”²⁸ несколько раз прошелся насчет императрицы и особенно Павла и его двора, Екатерина приказала, чтобы перед рассылкой его представляли ей на просмотр. Через несколько недель ей попалась там статья, в которой ее называют северной Мессалиной и т.п. “Так как это касается лично меня, пусть рассылают”, — сказала она, прочтя статью. Интересно то, что, в то время как французские газеты, кокарды, песни были изгнаны у всех наименее варварских народов, в то время как в Турине арестовали поющих *Ca ira*²⁹, а в Англии наказывали птицеловов, птицы которых повторяли эти слова, в Вене же просто запрещалось говорить по-французски, — русское правительство стояло выше этих мелких розысков, а ученики полковника Лагарпа распевали во дворце царей песни свободы. Один из них носил в кармане национальную кокарду, с торжеством показывая ее и дразня ею самых трусливых вельмож. Только после смерти Людовика XVI и убийства Густава III, Екатерина, потрясенная ужасом, стала поддаваться наущениям своих подлых фаворитов и осаждавших ее эмигрантов; только тогда она проявила осторожность, подчеркнувшую ее страхи, угрызения совести и дряхлость*. <...>

6. ВШИ И ДАМЫ

Наличие вшей — явление самое обыденное в России, на которое почти не обращают внимания. Паразитов же этих там масса; стоит только иностранцу высадиться в Кронштадте, как он мгновенно покрывается ими. С одной стороны, климат, а с другой — пища и одежда русских обуславливают эту напасть.

На севере крестьяне, солдаты и матросы часть года носят почти невыделанную овчину, заменяющую им и белье, и платье, и одеяло. Дворяне, благодаря своему образу жизни, претерпевают общие с простым народом неудобства: их постоянно окружает толпа грязных крепостных, весьма нечистоплотно спящих тут же на полу или на мебели; в редком доме помышляют о том, чтобы отвести им от-

* В доказательство благородной беспечности Екатерины приведем следующий факт. Воспитателем у камергера Салтыкова в Петербурге был брат знаменитого Марата³⁰. Осуждая неистовства брата, он все же не скрывал от друзей своих республиканских чувств. Он мирно жил и порой сопровождал даже своего ученика ко двору. Однако же после смерти короля, опасаясь оскорблений из-за имени своего, он испросил у Екатерины разрешения переменить его и назвался Будри по месту своего рождения.

дельную комнату, а еще меньше о том, чтобы дать им постели. Когда проходишь позднее через апартаменты дворца или через залы какого-нибудь большого дома, то приходится осторожно лавировать, чтобы не наступить на ноги слуг, завернувшихся в неизменные овчины и храпящих тут же на паркете: здесь-то в полной безопасности гнездятся и размножаются несносные паразиты.

Приезжая в гости, русские дамы оставляют лакеям в передней свои великолепные черно-бурые, песцовые, горностаевые, куньи и собольи шубы; в ожидание госпож своих лакеи укладываются на эти шубы. При разезде они закутывают барынь в драгоценные меха, населенные и кишашие паразитами; поэтому частенько случается видеть, как во время партии виста хорошенькая женщина вынимает дорогую золотую табакерку, нюхает, потом изящно чешет виски, слегка зажимает несколько вшей между пальцев и, положив на эмалированную крышку, давит их ногтем, но еще чаще видишь, как офицеры и вообще светские господа попросту отделяются от паразитов и бросают их тут же на пол, не прерывая беседы.

В связи с этим мне навсегда останется памятным день, когда я представлялся генералу Мелиссино. Окруженный несколькими офицерами своего корпуса, он исследовал только что купленный английский микроскоп. Желая положить в фокус насекомое, генерал обратился к лакею, но не успел он кончить, как у меня на глазах три или четыре добела напудренных офицера, предупреждая слугу, разом поднесли ему свою добычу, так что генерал, затрудняясь выбором, отдал предпочтение слуге, не отставшему от офицеров и схватившему насекомое у себя за ухом. От изумления я даже не заметил, какая судьба постигла отвергнутых паразитов.

Я говорю об этих особенностях вовсе не с целью вызвать насмешку или презрение к русским. Хотя за двенадцать лет я и заметил, что такие случаи стали встречаться реже, но все же вши не вызывают у русских такого отвращения, как у народов, которые давно уже употребляют белье и не носят мехов. В России еще сохранилась национальная игра, соответствующая ньюмаркетским бегам³¹, тут в качестве бегунов употребляются вши. В Петербурге и Москве на рынках порой встречаются барышни, которые кладут где-нибудь на лавку круг и сажают в центре вшей; выиграет ставку тот, чей маленький бегун первым дойдет до окружности.

7. ГНУСНЫЕ СПЕКУЛЯЦИИ

Молодой, распутный и развратный офицер екатерининской гвардии К. быстро растратил и проиграл все свое состояние. Чтобы извлечь как можно больше выгоды из последней уцелевшей деревни, он поодиночке распродал все мужское население ее — одних в солдаты, других в услужение; для обработки же земли, его последнего достояния, у него остались одни вдовы и девушки. Наконец, он

распродал и старых слуг, воспитавших его и служивших ему с детства. Спустив все, он остался без всяких средств к существованию, кроме поручичьего жалованья и почти ничего не приносившей деревни, где уцелели одни только женщины, старики да калеки. Играть прежнюю роль в Петербурге, сорить там, как раньше, деньгами, ему было уже не по средствам, и вот молодой человек, довольно образованный и умный, сделался мрачен и задумчив. Он углубился в изобретение способа поправить дела свои и, решив, наконец, что выход найден, подал в отставку. Друзья, зная, что он разорился, очень удивились его решению. “Товарищи, — сказал он им, — у меня нет никакой надежды на удачу здесь или хотя бы на скорое повышение — мир заключен, а репутация моя испорчена вконец; не только добиться милостей при дворе, но даже удержаться там — я не смогу. Я изобрел способ поправить дела свои и даже разбогатеть. Для этого мне придется уехать в деревню. Расчет мой безошибочен, хотя до сих пор он никому не приходил в голову”. Друзья спрашивают его, в чем дело. “Как вам известно, я продал мужчин из своей деревни, там остались только женщины, все больше молодые вдовы, по моей вине, да хорошенькие девки. Мне только двадцать пять лет, я очень крепок, еду я туда, как в гарем, и займусь заселением земли своей и созданием неиссякаемого источника дохода на старость: план этот мне очень по вкусу и вполне подходит к моим потребностям. Через каких-нибудь десять лет я буду подлинным отцом нескольких сот своих крепостных, а через пятнадцать пушу их в продажу. Подумайте только, в какой пропорции будет возрастать мой годовой доход, пока у меня хватит сил и здоровья. Никакое коннозаводство не даст такой точной и верной прибыли. На обработку же земли для прокорма хлебом и капустой всей кучи ребят хватит матерей и калек. Вот увидите, как я со временем разбогатею”. Напрасно товарищи его издевались над этой сумасбродной затеей; он вышел в отставку и уехал в деревню с твердым намерением осуществить ее. С тех пор прошло пятнадцать лет, и весьма возможно, что делец этот скоро появится при дворе.

Мне и самому пришлось быть очевидцем почти столь же выгодной и гнусной торговли. У одной петербургской вдовы, госпожи Поздняковой, недалеко от столицы было имение с довольно большим количеством душ. Ежегодно, по ее приказанию, оттуда доставлялись самые красивые и стройные девочки, достигшие десяти-двенадцати лет. Они воспитывались у нее в доме под надзором особой гувернантки и обучались полезным и приятным искусствам. Их одновременно обучали и танцам, и музыке, и шитью, и вышиванью, и причесыванью и др., так что дом ее, всегда наполненный дюжиной молоденьких девушек, казался пансионом благовоспитанных девиц. В пятнадцать лет она их продавала: наиболее ловкие попадали горничными к дамам, наиболее красивые — к светским развратникам в качестве любовниц. И так как она брала до 500 рублей за штуку, то это давало ей определенный

ежегодный доход, половина которого по меньшей мере составляла чистую прибыль!

Приходится только изумляться, что подобные спекуляции не участились и не усовершенствовались еще более в тех странах, где их не только допускают, но даже покровительствуют им. Это делает честь нравам и гуманности русских и позорит их правительство.

8. ГОСПОЖА ДИВОВА

Катерина Ангальт-Цербстская, кажется, изучила жизнь Катерины Медичи³² и часто применяла ее политику. Бывшей фрейлине, госпоже Дивовой³³, довольно красивой женщине вольного поведения, дерзкой и умной интриганке, было поручено отправиться в Стокгольм, чтобы там оболстить нескольких сенаторов, опасных для русской партии, и, совершенно устранив короля от его дяди, попытаться подвигнуть его самого стать во главе заговора Армфельда. Госпожа Дивова, урожденная Бутурлина, хорошо известна всему Петербургу. Дом ее, открытый для всех французских эмигрантов, прозвали маленьким Кобленцем³⁴, и это прозвище осталось за ним. Будучи еще фрейлиной Екатерины, она навлекла на себя унижительную кару и претерпела долгое изгнание; причина этого настолько любопытна, что стоит записать ее среди других анекдотов екатерининского двора.

Забавляясь со своей подругой, графиней Эльмпт³⁵, она писала сатирические куплеты, осмеивающие императрицу и ее фаворитов, кроме того она нарисовала несколько очень непристойных карикатур, среди них была одна, на которой Екатерина, изображенная в неприличной сладострастной позе, заставляла своего сердечного друга, графиню Брюс, делать перед собой различные телодвижения. На другой, столь же непристойной для восемнадцатилетней барышни, был изображен лежащий на софе Потемкин, а перед ним три его племянницы, тогда девицы Энгельгардт, а теперь графиня Браницкая, княгиня Юсупова и графиня Скавронская³⁶: казалось, что эти три полутолые богини, жестами и выразительными позами выставляли напоказ свои особые прелести, оспаривали друг у друга победу над своим дядюшкой, этим новым пастухом Парисом³⁷. Куплеты и рисунки попали в руки Екатерины. В присутствии подруг фрейлины Бутурлина и Эльмпт были высечены до крови и с позором изгнаны от двора. Первая сделалась госпожой Дивовой, вторая, выйдя за господина Турчанинова, тоже вернулась ко двору и немало способствовала повышению в чинах своего супруга, бывшего главным директором императорских зданий.

КОММЕНТАРИИ

Основную часть настоящей книги составляют “Секретные записки” Ш. Массона, печатаемые по выпедпему в 1918 г. в Москве (издательство Казанова) переводу с французского за подписью “Н.Н.”. В это издание вошли пять глав 1-го тома воспоминаний.

В 1916—1917 гг. пространные фрагменты мемуаров Массона появились в журнале “Голос минувшего” (1916. № 4—8, 10, 12; 1917. № 1, 9—10). В этой публикации знание исторической обстановки и соответствие перевода реалиям екатерининской эпохи свидетельствуют о профессионализме переводчика — П. Степановой. К сожалению, этого нельзя сказать об издании 1918 г.

Перевод сверен со вторым (парижским) изданием 1804 г. и подвергнут исправлению. Объединить тексты Н.Н. (даже исправленные) и П. Степановой казалось нам затруднительным: настолько разнятся по качеству и стилю эти два перевода.

Дополнение — отрывки из воспоминаний Массона, касающиеся темы “Русское общество конца XVIII века”, — печатается по переводу Степановой (Голос минувшего. 1917. № 1. С. 94—115; № 9—10. С. 350—351). Это фрагменты второго (С. 5—16, 19, 21—27, 43—48, 73—91, 94—100, 105—113, 123—133, 159—174, 176—178) и третьего (С. 369—371, 374—377, 391—393) томов “Записок” Массона (страницы указаны по первому — амстердамскому — изданию).

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

1. Семирамида — царица Ассирии в конце IX в. до н.э.

2. *...наблюдениям графа Штернберга...* — Имеется в виду книга Иоахима фон Штернберга “Заметки о России во время путешествия, предпринятого в 1792 и 1793 гг.” (1794). Автор, член Пражской академии наук, путешествовал по северным провинциям России для ознакомления со страной.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Великая княжна Александра Павловна (1783—1801) — старшая дочь Павла I; с 1799 г. замужем за австрийским эрцгерцогом Иосифом, палатином венгерским (1776—1847).

2. Густав III (1746—1792) — король Швеции с 1771 г. В августе 1772 г. произвел государственный переворот и добился изменения конституции в сторону монархической формы правления. В начале царствования был популярен, но вскоре его расточительность и необдуманная внешняя политика привели к появлению оппозиции. Был убит на маскарадном балу в результате дворянского заговора.

3. Верельский мир был заключен между Швецией и Россией 3 августа 1790 г. при финском селении Верель после двухлетней войны (границы обоих государств остались в прежнем виде).

4. Денисов Федор Петрович (1738—1803) — донской казак; генерал от кавалерии, граф (с 1799). Прославился участием в первой турецкой войне (1768—1774); о его отчаянной храбрости ходили легенды. Во время шведской кампании получил 18 огнестрельных ран.

5. *...его племянник...* — Адриан Карпович Денисов (1763—1841), в 1799 г. полковник, походный атаман донских казаков; впоследствии генерал-лейтенант, атаман войска Донского (с 1818).

6. Штакельберг Оттон Магнус (1736—1800) — барон (в 1775 г. получил от австрийского императора Иосифа II титул графа), дипломат. В 1772 г. по совету прусского короля Фридриха II был отправлен Екатериной посланником и полномочным министром в Польшу, где добился признания декларации русского, прусского и австрийского дворов о разделе Польского королевства. Постоянным вмешательством в польские дела вызвал раздражение оппозиции. В 1790 г. отозван в Россию; в 1792—1793 гг. возглавлял русскую миссию в Швеции. После смерти Екатерины вышел в отставку.

7. *Выдать замуж одну из юных великих княжон...* — Имеются в виду старшие дочери Павла I и его второй супруги Марии Федоровны: Александра (см. выше), Елена (1784—1803, замужем за принцем Фридрихом Мекленбург-Шверинским) и Екатерина (1788—1818, с 1809 г. жена принца Петра Фридриха Георга Ольденбургского, во втором браке, с 1812 г., королева вюртембергская).

8. *...молодого Густава.* — Речь идет о Густаве Адольфе IV (1778—1837), сыне Густава III, короле Швеции с 1796 г. Надежды, возлагавшиеся на него соотечественниками, не оправдались: его политика оказалась непредсказуемой, правление — деспотическим. В 1805 г. Густав присоединился к антинаполеоновской коалиции, что закончилось для Швеции потерей Померании; после Тильзитского мира отказывался от всякого соглашения с Францией. Александр I объявил Швеции войну, и в 1808—1809 гг. русские войска заняли всю Финляндию. Риксдаг, созванный в 1809 г., объявил Густава низложенным, провозгласив королем герцога Карла Зюдерманландского (см. ниже). Вскоре Густав навсегда покинул Швецию.

9. Густав Адольф II (1594—1632) — сын Карла IX, шведский король с 1611 г.; талантливый полководец, политик; вывел Швецию в ряд первых европейских государств.

10. Карл XII (1682—1718) — шведский король с 1697 г., противник в Северной войне Петра I и Августа II, саксонского курфюрста и польского короля.

11. *...регентшей малолетнего сироты-короля...* — т.е. Густава Адольфа IV. Еще в 1778 г. Екатерина составила особую записку о том, как воспитывать будущего короля.

12. Герцог зюдерманландский (1748—1818) — с 1809 г. король Швеции под именем Карла XIII. После убийства его брата Густава III стал регентом (1792—1796) при несовершеннолетнем Густаве IV.

13. *...гром его канонад доносился до самого царского дворца.* — Герцог зюдерманландский в войне с Россией командовал флотом; одно из морских сражений произошло около Сескари (Сестрорецка), в 40 верстах от Петербурга. В письме Екатерины к принцу

де Линь (о нем см. ниже) читаем: “Ваша неустранимая пипет вам при пушечном грохоте, от которого дрожат стекла дворца” (Письма, мысли и избранные творения принца де Линя... М., 1809. Т. 3. Ч. 6. С. 77).

14. ... *комедии, где он был высмеян*. — Имеется в виду комическая опера Екатерины II “Горе-Богатырь Косометович” (музыка Мартини, арии были сочинены А.В. Храповицким). Главная роль Косометовича могла восприниматься как насмешка над Карлом Зюдерманландским или Густавом III, амбиции которого давали к тому повод, а опера в целом — как политический выпад в адрес Швеции. Спектакль был впервые представлен в январе 1789 г. на придворном театре. Он был игран несколько раз и тотчас по заключении Верельского мира убран из репертуара.

15. Тугут Франц Мария де Паула (1736—1818) — барон (с 1774), в 1780 г. исполнял важное дипломатическое поручение в Польше; министр иностранных дел (1794—1800).

16. Иосиф II (1741—1790) — австрийский император с 1780 г., император Священной Римской империи с 1765 г.

17. Понятовский Станислав II Август (1732—1798) — последний польский король (с 1764); вступил на престол при поддержке Екатерины. Их близкие отношения, завязавшиеся в Петербурге еще в 1755 г., когда Екатерина была великой княгиней, а Понятовский — секретарем английского посольства и впоследствии польским посланником, получили огласку. Из-за этого Понятовский был в 1758 г. выслан из России. Екатерина позднее называла его за бесхарактерность “восковой куклой”: он почти не противодействовал разделам Польши и в 1795 г. подписал отречение от престола. Умер в Петербурге, куда приехал уже в царствование Павла.

18. Зубов Платон Александрович (1767—1822) — последний фаворит Екатерины; возвысился в 1789 г. благодаря протекции Н.И. Салтыкова и был наделен безмерной властью: в его руках в 1796 г. сосредоточилось до тринадцати должностей по высшему управлению империей.

19. Румянцев Сергей Петрович (1755—1838) в 1793 г. был назначен на место Штакельберга послом в Швецию. Менее чем через год обострение отношений между Швецией и Россией заставило его уехать в Петербург и не возвращаться в Стокгольм, хотя место посланника сохранялось за ним до 1795 г., когда его сменил на этом посту А.Я. Будберг (см. ниже). Брат С.П. Румянцева, Николай Петрович (1754—1826), в 1781—1795 гг. был чрезвычайным посланником и полномочным министром в Германии, аккредитованным при трех духовных курфюрстах и пяти императорских дворах; местом постоянного пребывания Румянцева был Франкфурт-на-Майне.

20. Армфельд (Армфельт) Густав Мориц (1757—1814) — граф; влиятельное лицо при Густаве III, по завещанию которого должен был участвовать в регентстве и быть губернатором Стокгольма. По смерти короля все имущество Армфельда было конфисковано, сам он приговорен к казни по обвинению в измене. Армфельд успел бежать в Россию; шведы в течение ряда лет безуспешно требовали его выдачи. Когда молодой король достиг совершеннолетия и занял престол, Армфельд смог вернуться в Швецию. Снова оказался в России в 1811 г., после низложения Густава IV; был президентом комитета по делам Финляндии и членом Государственного совета.

21. Герцог Орлеанский — Жозеф Филипп Эгалите (1747—1793) (*égalité*, фр. — равенство; это прозвище закрепилось за ним после 1789 г.). Член Конвента, подписал смертный приговор Людовику XVI, своему кузену; тем не менее сам был обвинен в стремлении к захвату власти и гильотинирован.

22. ... *руки принцессы мекленбургской*... — 1 ноября 1795 г., в день рождения Густава IV, в Стокгольме праздновали его обручение с Луизой Шарлоттой, принцессой мекленбург-шверинской. В это же время в Петербурге велись переговоры о его браке с великой княжной Александрой.

23. Граф Шверин — шталмейстер Густава IV; в октябре 1795 г. был послан в Петербург с официальным сообщением об обручении.

24. *Archi-Catherine* — буквально Великая Катерина. Массон ошибается: на самом деле первый слог имени Екатерины по-гречески значит “присно”, “вечно”. В большинстве европейских языков это имя лишено начального “Е”.

25. Сганарель — персонаж нескольких пьес Мольера; в данном случае речь идет о комедии “Брак поневоле”: Массон имеет в виду, что короля хотели женить насильно.

26. Стединг Курт Богислаус Людвиг Христофор (1746—1837) — граф, шведский военный и дипломат; принимал участие в войне с Россией 1788—1790 гг. В августе 1790 г., имея чин генерал-майора, был назначен посланником в Петербурге. Возглавлял шведскую миссию до 1811 г.

27. Долгорукий (Долгоруков) Юрий Владимирович (1740—1830) — князь, генерал-аншеф; в 1794 г. вышел в отставку, поссорившись с П.А. Зубовым. В 1795 г. ему было поручено проинспектировать войска, стоявшие на русско-шведской границе в Финляндии.

28. Стенбок — граф, обер-камер-юнкер; в 1793 г. был уполномочен регентом начать переговоры о браке Густава IV с великой княжной Александрой Павловной, что и выполнил весьма успешно.

29. Ливен Шарлотта Карловна (1742—1828) — графиня (с 1796); в 1783 г. заняла должность воспитательницы великих княжон.

30. Кристин Фердинанд — швейцарский путешественник; впервые оказался в России в 1793 г., был представлен Екатерине. В 1796 г. находился в Стокгольме, где пытался, пользуясь знакомством с одним из учителей Густава IV, убедить короля и регента в необходимости союза с Россией. Эта миссия не удалась, и ему пришлось уехать в Петербург. Впоследствии он тщетно просил о месте секретаря русского посольства в Швеции.

31. Калонн Шарль Александр (1734—1802) — генеральный контролер финансов при дворе Людовика XVI (1783—1787).

32. Гюс — актриса из французской актерской семьи Гюс (Hus); переехала в Россию, играла на сцене французского театра в Петербурге. Современник так передает свои впечатления: “Гюс, действительно, была Мельпоменою французского петербургского театра. Мне было семнадцать лет, когда в первый раз я видел ее в “Альзире” <...> я думал, что сердце вырвется у меня из груди, выбежал из театра и за трепет душевный заплатил горячку. Вскоре потом встретил я эту драматическую очаровательницу в Летнем саду и что же увидел? Женщину небольшого роста, лицо в веснушках <...> И к

ногам этой драматической красавицы прикован был наш граф-дипломат” (*Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. С. 81. Семнадцать лет мемуаристу было в 1793 г.*).

33. Морков (Марков) Аркадий Иванович (1747—1827) — граф (с 1796), дипломат; с 1783 г. посол в Стокгольме; вступил там в деятельные отношения с дворянской оппозицией. В 1786 г. был назначен членом Коллегии иностранных дел и стал помощником сначала А.А. Безбородко, а потом П.А. Зубова, при содействии которого в ведение Моркова перешла иностранная переписка императрицы. Павел I отставил Моркова от службы и приказал ему покинуть столицу. Имеются сведения о том, что в годы опалы Моркова не покидал его давний знакомый Кристин, “живший <...> в пожалованной Екатериною Подольской деревне”, неподалеку от малороссийского имения Моркова. В 1801—1803 гг. Кристин состоял при русской миссии в Париже, которую возглавлял Морков (*Бартенев П.И. Биография Моркова // Рус. беседа. 1857. Кн. 8. С. 51—52.*).

34. Будберг Андрей Яковлевич (1750—1812) — тайный советник, министр иностранных дел (1806—1808). Прибыл в Стокгольм как частное лицо, официально назначен послом в 1795 г.; через него шли переговоры между регентом и Екатериной о браке короля.

35. Великий князь Константин Павлович (1779—1831) — второй сын Павла I.

36. Потемкин Григорий Александрович (ок. 1739—1791) — генерал-фельдмаршал. Учился в Московском университете, но курса не кончил; в 1762 г. после участия в перевороте сделан камер-юнкером; в 1769 г. отправился волонтером на турецкую войну, где отличился под Хотинном, при Фокшанах и Кагуле. С 1771 г. — генерал-поручик, вслед за тем — генерал-адъютант. В 1774 г. стал фаворитом; в 1776 г. возведен в достоинство князя Римской империи и назначен генерал-губернатором Новороссийского края, составил план овладения Крымом, построил Черноморский флот; с 1784 г. — президент Военной коллегии. В 1787 г. Екатерина предприняла путешествие на юг, ставшее триумфом Потемкина: он получил титул светлейшего князя Таврического. В 1787—1791 гг. — главнокомандующий русской армией во второй турецкой войне. Отношение Екатерины к Потемкину и после того, как его сменил в 1776 г. Завадовский, оставалось дружеским.

37. ...великолепный... праздник. — С 1790 г. Потемкин жил в Яссах; в 1791 г. в последний раз посетил Петербург, но основной своей цели — смещения П.А. Зубова — не достиг. 28 апреля он устроил в Таврическом дворце (выстроенном в 1783—1789 гг. по проекту И.Е. Старова) грандиозное торжество по случаю взятия Измаила. Хоры к этому действу и его описание были сочинены Г.Р.Державиным.

38. “... не забуду, что граф гаагский — король”. — Принятое Густавом IV во время поездки в Россию имя графа гаагского заимствовано от названия летней королевской резиденции близ Стокгольма (так же во время заграничных путешествий именовал себя и его отец, ср.: “...шведский король под именем графа Гаги приехал ко мне”. — *Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 166.*) Регент назвался графом Ваза, династическим именем шведского королевского дома.

39. Великий князь Александр Павлович (1777—1825) — старший сын Павла I, с 1801 г. император Александр I.

40. Строганов Александр Сергеевич (1733—1811) — сенатор, президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки, меценат; обладал значительным состоянием, собрал коллекции картин, камней, медалей, монет, обширную библиотеку.

41. Остерман Иван Андреевич (1725—1811) — граф, младший сын Андрея Ивановича Остермана (см. ниже). С 1759 по 1773 г. был чрезвычайным посланником и полномочным министром в Стокгольме; в 1796 г. — государственный канцлер. При Павле I вышел в отставку.

42. Безбородко Александр Андреевич (1747—1799) — государственный деятель, меценат; граф (с 1784). В молодости служил правителем канцелярии у малороссийского генерал-губернатора П.А. Румянцева, участвовал в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. С 1775 г. состоял при императрице секретарем по принятию прошений, в 1780 г. был причислен к Коллегии иностранных дел и назначен управляющим почтовым департаментом. Подписав в 1791 г. Ясский мир с Турцией, вернулся в Петербург, но его положение при дворе пошатнулось: место докладчика занял П.А. Зубов. В царствование Павла I был возведен в княжеское достоинство и назначен государственным канцлером.

43. Самойлов Александр Николаевич (1744—1814) — граф, государственный деятель. Прошел обе турецкие кампании, в 1792 г. привез в Петербург известие о Ясском мире и был сделан генерал-прокурором и государственным казначеем.

44. Мелиссино Петр Иванович (1726?—1797) — генерал, с 1783 г. — директор Инженерного и артиллерийского кадетского корпуса.

45. ... *совещалась с архиепископом...* — Имеется в виду Гавриил (в миру Петр Петрович Шапошников; 1730—1801), с 1770 г. архиепископ Петербургский и Ревельский; в 1783 г. стал петербургским митрополитом.

46. *Великий патриарх России...* — Массон иронически называет Екатерину патриархом, подразумевая, что в ее ведение входили и церковные дела. Институт патриаршества в 1721 г. был заменен Святейшим Синодом — государственным учреждением, приравненным к одной из коллегий.

47. ... *великого князя-отца вместе с великой княгиней...* — Речь идет о Марии Федоровне, урожденной принцессе вюртембергской Софии Доротее (1759—1828). С 1776 г. состояла в браке с великим князем Павлом Петровичем.

48. ... *супруг одиннадцати тысяч дев...* — Возможно, Массон обыгрывает евангельскую притчу о десяти девах и светильниках (Мф., 25, 1—13).

49. *Еще более секретные обязательства, данные регентом Директории...* — Летом 1795 г. по новой конституции исполнительная власть во Французской республике перешла к Директории, которая существовала до переворота 18 брюмера (ноябрь 1799 г.). Так называлась коллегия из 5 директоров, которые назначали министров и агентов правительства в провинциях. Директория обещала субсидировать шведский двор, а Швеция в свою очередь обязывалась поддерживать французскую политику по отношению к России.

50. Флемминг Клас Адольф (1771—1831) — камер-юнкер Густава IV.

51. ...*случился даже легкий удар...* — Ср. этот же эпизод в другом пересказе: “Императрица так была сим поражена, что приближенные ее заметили, что едва ли не имела

она легкого удара, и с тех пор стала в духе и телом ослабевать. С чрезвычайным усилием приняла она на себя вид твердый” (*Энгельгардт Л.Н.* Записки. М., 1868. С. 195; далее в ссылках — *Энгельгардт*).

52. Имеется в виду Юлиана Генриетта Ульрика (1781—1860), дочь наследного принца (впоследствии владетельного герцога) саксен-заальфельд-кобургского от его брака с графиней Рейсской. В феврале 1796 г. вышла замуж за великого князя Константина Павловича. Брак этот, оставшийся бездетным, был официально расторгнут в 1820 г.

53. ... *великой княгини Елизаветы*. — Массон говорит о принцессе баден-дурлахской Луизе Марии Августе (1779—1826), в православии Елизавете Алексеевне, с 1793 г. супруге великого князя Александра Павловича. Густав IV женился на ее сестре Фредерике Вильгельмине Доротее.

54. «...сколько живут розы». — Стихи Малерба “Утешение г-ну Дюперье”.

55. Лафайет Мари Мадлен (1634—1693) — французская писательница. Ее самое известное произведение — чувствительный роман “Принцесса Клевская” (1678).

56. ...*сильное раздражение и досаду у императрицы*. — Ср. с петербургскими толчками об этом сватовстве в пересказе другого современника: «Не сбылось, не состоялось. А град Петров говорил: “Судьба определила Екатерине быть великим человеком: принялась за женское дело, а потому и не успела”» (*Глинка С.Н.* Указ. соч. С. 171).

57. ...*добрую страницу*. — Полный титул Павла I выглядел следующим образом: “Павел Первый, Император и Самодержец Всероссийский: Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса-Таврического, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Вольнский и Подольский, Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогицкий, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Булгарский и иных: Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Вишепский, Мстиславский и вся Северная страны, Повелитель и Государь Иверския Земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь, Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голштинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, Государь Еверский и Великий Магистр Державного Ордена Святого Иоанна Иерусалимского и прочая, и прочая”.

58. ...*достоин одного из своих предшественников, который объявил войну Польше*. — Массон не совсем точен. Упоминаемый им эпизод относится ко времени Ивана IV. В 1549 г. литовские послы заключили с Москвой перемирие сроком на пять лет. Договор, однако, едва не расстроился из-за того, что при составлении грамоты Иван IV хотел, чтобы в ней упоминался его новый — царский — титул, принятый им два года назад, послы же не соглашались на это. В конце концов царю пришлось уступить.

59. ...*пальбой из пушек*. — Герцогиня Анна Мария Луиза де Монпансье (1627—1693) мечтала сделаться французской королевой и потому отказывала многочисленным претендентам на ее руку. В 1652 г. она примкнула к Фронде и, приехав в Париж, в решительную минуту сражения между войсками короля и Фронды распорядилась стрелять из Бастилии в королевские войска, чтобы прикрыть отступление принца Конде. Он

был спасен, но мадемуазель де Монпансье потеряла всякую надежду на брак с Людовиком XIV. Эту аналогию и имеет в виду Массон.

60. София Шарлотта Христина (1694—1715), принцесса брауншвейг-вольфенбюттельская, в 1711 г. стала женой цесаревича Алексея Петровича (1690—1718), сына Петра I. Муж не любил ее и жестоко с ней обращался. Сам Алексей подвергся гневу отца за упорное противодействие реформам, бежал за границу, был привезен оттуда и заключен в Петропавловскую крепость, где умер при неясных обстоятельствах, не дождавшись исполнения смертного приговора.

61. Анна Леопольдовна (1718—1746) — дочь герцога мекленбург-шверинского Карла Леопольда, племянница императрицы Анны Иоанновны, регента с ноября 1740-го по декабрь 1741 г. — в период, когда российским императором был объявлен ее сын Иоанн Антонович (1740—1764). В декабре 1741 г. после дворцового переворота императрицей стала Елизавета Петровна; ее манифест объявлял права Иоанна Антоновича на престол незаконными. Иоанн, Анна Леопольдовна и ее муж, принц брауншвейгский Антон Ульрих, были отправлены в ссылку в Холмогоры, где Иоанн прожил 12 лет в полном одиночестве (его содержали отдельно от родителей). В 1756 г. он был переведен в Шлиссельбургскую крепость, где убит в 1764 г., когда офицер В.Я. Мирович пытался его освободить (инструкция Елизаветы, подтвержденная Екатериной, предписывала: “живого никому его в руки не отдавать”). Именование Иоанна Антоновича Иваном III зависит от того, с какого из Иванов — русских правителей — начинать счет: если с Ивана Калиты (ум. 1340), то годовалый император — шестой Иван на российском престоле, если с Ивана Васильевича Грозного (1530—1584), то третий.

62. Наталия Дармштадтская — принцесса Вильгельмина (1755—1776), в православии Наталия Алексеевна, с 1773 г. супруга великого князя Павла Петровича; умерла от родов.

63. *Убийца своего мужа...* — Герцог шлезвиг-голлштейн-готторпский Карл Петер Ульрих (1728—1762), по матери приходившийся родным племянником императрице Елизавете, вступил на престол в конце 1761 г. под именем Петра III и вскоре многими своими действиями возбудил всеобщее недовольство. 28 июня 1762 г. в результате заговора против него восстала гвардия. Петр отрекся от престола, императрицей была провозглашена Екатерина. После отречения он был отвезен за 25 верст от Петергофа, в местечко Ропшу, и вскоре убит гвардейскими офицерами — если не по прямому приказанию Екатерины, то с ее молчаливого согласия.

64. Сигизмунд Август (1520—1572) — последний польский король из династии Ягеллонов (с 1548 г.). Долгие переговоры о браке Ивана IV с его сестрой Екатериной не увенчались успехом.

65. *...велела приехать в Россию одиннадцати немецким принцессам...* — В этой фразе автор объединяет события разного времени: ландграфиня гессен-дармштадтская Генриетта с тремя дочерьми приехала в Россию в 1773 г.; овдовев, великий князь Павел Петрович вскоре отправился в Берлин, где уже находились вюртембергские принцессы, — в 1776 г.; в 1792 г. прибыли баденские принцессы, в 1796-м — кобургские.

66. Фридрих II Великий (1712—1786) — прусский король с 1740 г. Пруссия обязана ему приобретением статуса великой европейской державы.

67. *Их мать...* — Амалия, в замужестве принцесса баден-дурлахская, впоследствии маркграфиня.

68. *...графине Шуваловой, вдове автора "Послания к Нинон"...* — Имеется в виду Екатерина Петровна (урожденная Салтыкова; 1743—1816/1817?), жена Андрея Петровича Шувалова (1743/1744?—1789), дипломата, сенатора, писателя. Он помогал Екатерине вести переписку с Вольтером, которому подражал в своих французских стихотворениях; одно из них, "Послание к Нинон де Ланкло" (1773—1774), изданное в Париже, долгое время приписывалось Вольтеру.

69. *Стрекалов Степан Федорович (1728—1805)* — статс-секретарь Екатерины, писатель, театральный деятель.

70. *Браницкая Александра Васильевна, урожденная Энгельгардт (1754—1838)* — любимая племянница Г.А. Потемкина, обер-гофмейстерина; входила в близкое окружение Екатерины.

71. *...когда прибыла в Россию.* — Екатерина говорит о 1744 г. — тогда она, София Фредерика Августа, принцесса ангальт-цербстская, приехала в Россию со своей матерью, принцессой голштинской Иоанной Елизаветой.

72. *Генерал Адам Филипп де Кюстин (1740—1793)*, командуя в 1792 г. французской революционной армией, одержал ряд побед и занял Майнц, Франкфурт, Шпейер, Вормс, однако вскоре пруссаки заставили его уйти из двух последних городов. Тогда Конвент отозвал Кюстина в Париж, где он был заключен в тюрьму по обвинению в государственной измене и вскоре казнен.

73. *...великие князья много говорили о них...* — Как свидетельствует воспитатель Александра Павловича, в ноябре 1792 г. его подопечный "откровенно говорил, сколько принцесса для него приятна; что <...> он ощущает к принцессе нечто особое, преисполненное почтения, нежной дружбы и несказанного удовольствия обращаться с нею <...> что она в глазах его любви достойнее всех здешних девиц" (*Протасов А.Я.*) О юности Александра I-го. Лейпциг, 1862. С. 20).

74. *...оставить... трон непосредственно им.* — К 1791 г. у Екатерины окончательно сформировался план лишить Павла прав на престол и при своей жизни короновать старшего внука, предварительно его женив ("Мой Александр женится, а затем будет коронован со всеми возможными церемониями, торжествами и всенародными праздниками <...>") — писала она Ф. М. Гримму 14 августа 1792 г. — Сборник Русского Исторического общества. СПб., 1878. Т. 23. С. 574). Юридически это было оправданно, так как закон о престолонаследии 1722 г., введенный Петром I, оставался в силе: император мог назначать себе наследника, изменяя прежде сделанные распоряжения.

75. *...три четверти ее территории.* — Речь идет о втором разделе Польши. По нему Россия получила всю Подолию, Украину, Белоруссию и восточную часть Полесья и Волыни; Пруссия — Гданьск, Торунь, Великую Польшу и Мазовию. За Польшей осталась малая часть территорий. Акты об уступке требуемых земель были подписаны комиссией Сейма 11 июня (в пользу России) и 14 сентября (в пользу Пруссии) 1793 г.

76. *Граф Браницкий Францишек Ксаверий (1732—1819)* в 1771 г. был польским посланником в Петербурге, куда ранее приезжал в свите Понятовского. Великий коронный гетман (1771—1793); в 1781 г. стал военным министром Польши. Муж А.В. Энгельгардт.

77. Альтести Андрей Иванович (1750-е — после 1840) — грек родом из Рагузы. В 1780-х был замечен русским посланником Я.И. Булгаковым в Константинополе и благодаря знанию языков взят на службу в русское посольство. В Петербурге стал ближайшим помощником П.А. Зубова. В его ведение перешли переписка императрицы и иностранные дела, что вызывало недовольство А.И. Моркова, видевшего в Альтести опасного соперника. Стараниями Моркова Альтести был отправлен в отпуск, из которого вернулся незадолго до смерти Екатерины. С воцарением Павла выслан из столицы и заключен в киевскую крепость, где просидел до 1801 г.; после освобождения уехал в Италию. Скорее всего, Массон имеет в виду составленную Альтести брошюру “Заметки о польской революции” (СПб., 1792, на французском языке).

78. *...две армии...* — По окончании второй турецкой кампании, в мае 1792 г., в Польшу были посланы войска, которыми командовали генералы М.Н. Кречетников и М.В. Каховский; литовская армия польского Сейма была разгромлена, а украинская отступила.

79. 3 мая 1791 г. на Сейме была принята новая конституция (прежняя действовала с 1775 г.). Законодательная власть объявлялась принадлежавшей Сейму, исполнительная — королю и его Совету; вводилось наследование польского престола, создавалось постоянное войско, объявлялась веротерпимость. При сохранении привилегий шляхты были расширены права других сословий.

80. Карлсруэ — главный город княжества Баден, расположенный в 7 км к востоку от Рейна. Ср.: “Во время царствования императрицы Екатерины наследник ее, великий князь Павел Петрович, терпел многие нужды и лишения. Назначенных на расходы его сумм не доставало ему даже на содержание своего двора. Когда же он начал строить дворец в Павловске, то вошел в долги до 500 тысяч рублей” (Рус. старина. 1874. № 10. С. 153).

81. *... три войны, почти одинаково победоносных.* — Война со Швецией закончилась Верельским миром (1790), война с Турцией — миром в Яссах (1791), польский Сейм подтвердил раздел Польши в 1793 г.

82. Персидские суфии — приверженцы суфизма, мистико-аскетического течения в исламе, возникшего в VIII—IX вв. Скорее всего, Массон не вдавался в эти тонкости, а хотел лишь сказать, что при дворе Екатерины можно было увидеть кого угодно — в том числе и персидских мудрецов.

83. Де Ришелье Арман Эммануэль Дюплесси (1766—1822) — герцог; после падения монархии эмигрировал из Франции в Россию, служил в армии; с 1803 г. генерал-губернатор Одессы и Новороссийского края. В сентябре 1815 г. вернулся во Францию и получил пост первого министра при дворе Людовика XVIII.

84. Салтыков Николай Иванович (1736—1816) с 1773 г. находился при великом князе Павле Петровиче; с 1783 г. — воспитатель великих князей Александра и Константина; с 1784 г. — сенатор и член Совета при императрице. В 1790 г. назначен президентом Военной коллегии; с 1796 г. — генерал-фельдмаршал, в 1814 г. ему пожаловано княжеское достоинство.

85. Эпиталама — небольшое лирическое стихотворение, сочиняемое на случай бракосочетания; источник цитируемого Массоном текста установить не удалось.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. ... *пират Ламбро Кацони*... — Ламбро Дмитриевич Кацони (Ламброс Кацонис), греческий моряк. Поступил на русскую службу около 1774 г., получил чин майора; во время второй русско-турецкой войны с собранной им небольшой флотилией действовал в Архипелаге, уничтожая отдельные неприятельские суда. После заключения Ясского мира продолжал корсарствовать, заявив, что «если императрица заключила свой мир, то Кацонис свой еще не заключил» (*Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. М., 1976. С. 88). Состояние Кацониса после известия об ударе, случившемся с Екатериной, передает очевидец: «Он показался мне бледен, смутен, словно как бы на смерть осужденный <...> Я подошел к нему и спросил: «Ламбро! что с тобою сделалось?» — Он не отвечает. — «Ты, верно, болен, — продолжал я, — посмотри в зеркало: на тебе лица нет: поди скорее и посоветуйся с каким-нибудь лекарем!» — Он ни слова! стоит, вытаращив глаза, как истукан» (*Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 1. С. 8).

2. Де Рибас Иосиф (Осип) Михайлович (1749—1800) — адмирал, государственный деятель; родом испанец. В русской службе с 1772 г. (по приглашению А.Г. Орлова). Участник второй русско-турецкой войны; по его проекту была в 1794 г. основана Одесса. По преданию, он вместе с Орловым принимал участие в похищении самозванки княжны Таракановой (см. ниже).

3. ...*крепость и гробницы государей*... — Петропавловская (до 1914 г. — Санкт-Петербургская) крепость с собором св. Петра и Павла была усыпальницей российских монархов (начиная с Петра I).

4. ...*маленьким эрмитажем*... — Речь идет о малом, избранном круге общения императрицы (от франц. «hermitage» — уединенное место, скит), в который входили только близкие к ней люди, пользовавшиеся ее расположением. Общество собиралось сначала в залах Зимнего дворца, а в 1764—1767 гг. по проекту архитектора Ж.Б. Валлен-Деламота было выстроено особое здание — Малый Эрмитаж, соединенный с дворцом Висячим садом (в 1783—1787 гг. Дж. Кваренги пристроил небольшой театр). Екатерина старалась создать в своем «эрмитаже» атмосферу непринужденности и свободы от этикетных условностей. Наблюдавший придворную жизнь вблизи современник пишет: «Один раз в неделю было собрание в Эрмитаже, где иногда бывал и спектакль; туда приглашаемы были люди только известные; всякая церемония была изгнана; императрица, забыв, так сказать, свое величество, обходилась со всеми просто. Были сделаны правила против этикета <...>» (*Энгельгардт.* С. 47).

5. Моро Жан Виктор (1763—1813) — французский полководец времен Первой республики. В 1796 г. командовал рейнско-мозельской армией, противостоявшей австрийцам. После ряда побед неприятель был отнесен к Дунаю, но вскоре французские колонны были разбиты и отброшены назад за Рейн.

6. Кобенцль (Кобенцель) Иоганн Людвиг (1753—1809) — с 1779 по 1801 г. австрийский посол в Петербурге; пользовался расположением императрицы; в 1795 г. способствовал заключению австро-русского соглашения против Франции. Канцлер Австрии в 1801—1805 гг.

7. Нарышкин Лев Александрович (1733—1799) — любимый камергер Петра III; принадлежал к избранному кружку Екатерины еще в бытность ее великой

княгиней и впоследствии остался к ней близок. В ее царствование был обер-шталмейстером, т.е. главой придворного конюшенного ведомства. Известный хлебосол и шутник; был необыкновенно популярен в петербургском обществе.

8. Король сардинский — Виктор Амадей III (1726—1796; правил с 1773 г.).

9. ...Захария Константинович... — Захар Зотов (1755—1802), старший камердинер императрицы, постоянно находившийся при ней. К 7 ноября 1796 г. имел чин действительного статского советника; “по кончине Екатерины II был заключен в Петропавловскую крепость и освобожден уже Александром. В крепости он сошел с ума” (Рус. старина. 1874. № 10. С. 154).

10. ...курьером Зубова был его собственный брат. — Николай Александрович Зубов (1763—1805), старший брат фаворита, первым привез Павлу известие об ударе, случившемся с Екатериной. Существует версия о том, что, выслушав Зубова, “государь [Павел I] надел на него Андреевский орден и поехал тотчас же в Петербург, приказав за собою следовать гатчинским своим войскам” (Энгельгардт. С. 195; см. также далее, в гл. V “Записок”). Вскоре он был выслан вместе с братом Платоном из столицы; возвращен в конце царствования Павла и сделан обер-шталмейстером.

11. ...мельницу, выстроенную по его приказанию. — В пяти верстах от гатчинского дворца, на р. Пудости была в 1791 г. устроена “мельница о двух жерновах и передана в арендное пользование иностранцу Иоганну Штакеншнейдеру” сроком на 10 лет (Столетие города Гатчины. Гатчина, 1896. Т. 1. С. 81).

12. Лье — французская мера длины, равная 4 км.

13. ...апартаменты... наполнились... офицерами... — “Дико было видеть гатчинских офицеров вместе с старыми гвардейскими; эти были из лучшего русского дворянства, более придворные, нежели фрунтовые офицеры, а те, кроме фрунта, ничего не знали, без малейшего воспитания” (Энгельгардт. С. 197).

14. Человек, всех больше потерявший со смертью императрицы... — П.А. Зубов.

15. ...порядку жизни, который был вечным... предметом их сарказма... — Гатчинская мыза, принадлежавшая Г.Г. Орлову с 1765 г., в 1783 г. была куплена Екатериной у его наследников и подарена Павлу Петровичу. При нем Гатчина приобрела вид устроенного по прусскому образцу военного лагеря, с заставами, шлагбаумами, казармами и полуосадным положением жителей. Эти увлечения Павла давали Екатерине и ее двору постоянный повод для насмешек (см. об этом ниже в тексте “Записок”). 11 ноября 1796 г., т.е. на пятый день царствования Павла I, Гатчина получила статус города.

16. День св. Екатерины празднуется 24 ноября по старому стилю.

17. Присутствие уменьшает сплетни (лат.).

18. Лампи-старший Иоганн Батист (1751—1830) — австрийский живописец. В России, где он находился с 1790 по 1796 г., написал портреты всех особ царской фамилии, многих сановников и придворных. Портрет Екатерины был первой работой, выполненной Лампи по приезду в Петербург.

19. Г-жа Лебрен — Мария Луиза Елизавета Виже-Лебрен (1755—1842), известная французская портретистка. Покинув Францию в самом начале революции, с 1795 по 1801 г. жила в Петербурге; писала парадные портреты. Оставила пространные воспоминания (изданы в 1835 г. в трех томах), одиннадцать глав которых посвящены ее пребыванию в России (фрагменты мемуаров и подборку репродукций см.: Наше На-

следие. 1992. № 25—26.). В письме к Ф.М. Гримму Екатерина отзывалась о портрете внучек: “Эти прелестные фигуры госпожа Лебрен изобразила скорчившимися на диване, скривила младшей шею и придала им вид двух молсов, греющихся на солнце, или, если хотите, уродливых савоярок, причесанных, как вакханки, с гроздьями винограда в руках, и одела их в туники густого красного и фиолетового цветов. <...> Сторонники госпожи Лебрен возносят это творение до небес, но, по мне, все очень плохо, потому что нет в этом портрете ни сходства, ни вкуса, ни благородства <...>” (письмо от 8 ноября 1795 г. — Сборник Русского Исторического общества. СПб., 1878. Т. 23. С. 661—662).

20. *Прекрасные княгини...* — Речь идет о графине Прасковье Андреевне Шуваловой (1770—1828), с 1787 г. бывшей замужем за князем М.А. Голицыным (1765—1812), тайным советником и камергером, и о Екатерине Федоровне Барятинской (1769—1849), жене князя В.В. Долгорукова (1752—1812), одной из ближайших петербургских знакомых Виже-Лебрен.

21. *...портрет великой княгини Елизаветы...* — Выполнен в 1798 г. по заказу матери Елизаветы Алексеевны — маркграфини баденской. Внешность великой княгини в первой ее молодости производила на современников поразительное впечатление, например: “...жена Александра Павловича была красоты неописанной, совершенно ангельское лицо <...> я <...> насмотрелась на старшую великую княгиню — обворожительное лицо” (Рассказы бабушки. Л., 1989. С. 70).

22. Архиепископ де Бомон Кристоф (1703—1781) с 1746 г. до кончины был главой парижской епархии. Напечатал большое количество пастьерских посланий — вразумлений, обращенных к философам, нападавшим на церковь. На одно из них Ж.Ж. Руссо написал ответ под названием “Письмо к г-ну де Бомону”.

23. Орловы — из текста не ясно, о ком из Орловых идет речь. С равной вероятностью здесь могут быть названы и Алексей, и Григорий. Алексей Григорьевич (1731—1807) — один из главных участников событий июня 1762 г. Командуя в 1770 г. русским флотом в Архипелаге, в Чесменской бухте одержал победу над турками, за что был пожалован титулом Чесменского. В 1775 г., вследствие утраты Орловыми фавора, вышел в отставку. Его брат Григорий Григорьевич (1734—1783) — генерал-аншеф (с 1769), граф (за участие в перевороте в графское достоинство были возведены все пятеро братьев), впоследствии князь Римской империи. По воцарении Екатерины произведен в генерал-майоры и действительные камергеры. В 1771 г. был направлен на усмирение чумного бунта в Москве, в 1772 г. — послом на мирный конгресс в Фокшаны. Вскоре потерял благосклонность Екатерины — его место занял А.С. Васильчиков. В 1776 г. женился на своей двоюродной сестре — фрейлине Е.Н. Зиновьевой (1758—1781). Члены Совета при императрице подали мнение о необходимости развести их и заключить обоих в монастыри; Екатерина все же позволила Орловым выехать за границу, что означало пожизненное изгнание.

24. Панин Никита Иванович (1718—1783) — дипломат, с 1763 г. руководил Коллегией иностранных дел, хотя официально не был назначен канцлером; с 1760 г. воспитатель великого князя Павла. Участвовал в перевороте 1762 г., желая отвести Екатерине роль регентши при Павле. Представленный Паниным проект реформы Сената, учреждения Императорского совета и его деятельности был отвергнут Екатериной. До самой смерти оказывал сильное влияние на внешнюю политику России.

25. *...обмен Голштинии на семь кораблей...* — Павел I по наследству от отца был герцогом шлезвиг-голлштейн-готторпским. В 1773 г. был заключен договор, по которому, уступая Дании герцогства Шлезвиг и Голштейн (Голштинию), Россия приобретала взамен графства Ольденбург и Дельменгорст, которые, впрочем, были переданы родственнику Петра III — принцу Фридриху Августу Голштейн-Готторпскому. Павел остался герцогом голштейнским лишь по титулу и праву награждать орденом св. Анны. По-видимому, Массон хочет сказать, что этот обмен был неравноценен и Россия в итоге лишь понесла территориальные потери.

26. *Первый раздел Польши (между Россией, Австрией и Пруссией) произошел в 1772 г.*

27. *Мытари* — сборщики податей в провинциях Римской империи (в т.ч. в Иудее).

28. *Субретка* — одно из комедийных амплуа: служанка (зачастую и наперсница) главной героини.

29. *... когда во Франции стремились к их уничтожению.* — Речь идет о французской революции 1789—1794 гг.

30. *За исключением Салтыковых, не увидишь в милости ни одной знатной фамилии.* — Большинство тех, кто был вознесен случаем при Екатерине, не имело таких родословных, как Салтыковы, род которых ведет свое начало с XIII века.

31. *Завадовские* — Имеется в виду Петр Васильевич Завадовский (1738/1739?—1812). Началом его возвышения стала служба при П.А. Румянцеве, который назначил его во время первой русско-турецкой войны (1768—1774) управляющим секретной канцелярией. В 1775 г. Завадовский был представлен императрице и определен в кабинет-секретари, вскоре пожалован званием генерал-адъютанта и произведен в генерал-майоры. Фавор Завадовского обеспокоил Потемкина, и в 1777 г. ко двору был принят серб С.Г. Зорич, а Завадовскому был предложен отпуск; он оставался без назначения около года, а в 1780 г. был сделан тайным советником и сенатором. Императрица до конца жизни благоволила к нему.

32. *...книга, озаглавленная “Жизнь Екатерины II”...* — Далее Массон еще несколько раз ссылается на эту книгу, но именует ее “Историей Екатерины II”. По-видимому, это труд француза Жана Анри Кастера, дипломатического агента Людовика XV, при жизни Массона выплывший несколькими изданиями: первое (Париж, 1792, 2 тома) называется “Жизнь Екатерины II”, одно из последующих, дополненное и переработанное (1799—1800, 4 тома), — “История Екатерины II”.

33. *Мессалина Валерия (25 г. до н.э. — 48 н.э.)* — жена римского императора Клавдия, известная своим распутством.

34. *Людовик XIV (1638—1715)* — французский король с 1643 г. Его правление было отмечено успехами во внутренней и внешней политике, грандиозным строительством, блеском двора и роскошными торжествами.

35. *Румянцев Петр Александрович (1725—1796)* — граф, генерал-фельдмаршал (с 1774). В 1764 г. назначен генерал-губернатором Малороссии. Участник войн: русско-шведской (1741—1743), Семилетней (1756—1763), русско-турецкой (1768—1774). В последней командовал сначала резервной армией, а затем — основной.

Блистательные победы Румянцева отмечены обелисками в Петербурге и Царском Селе и полученным им титулом Задунайского.

36. Суворов Александр Васильевич (1729/1730? —1800) — генерал-фельдмаршал (с 1794); участник Семилетней войны, военных действий в Польше, русско-турецких войн 1768—1774 гг. и 1787—1791 гг., в которых одержал ряд важных побед. Главнокомандующий русской армией в Итальянском и Швейцарском походах против французов в 1799 г. Получил титулы графа Рымникского (1789), князя Итальянского и генералиссимуса (1799). Перед смертью подвергся опале. Мнение Массона о Суворове совпадает с отзывами ряда других современников: у многих он имел репутацию взбалмошного и жестокого человека.

37. Репнин Николай Васильевич (1734—1801) — князь, генерал-фельдмаршал (с 1796), дипломат. В 1763—1769 гг. — посол в Польше, в 1775—1776 гг. — в Турции; участник Семилетней, русско-турецких войн и заключения важных мирных договоров.

38. Карл Великий (742—824) — франкский король из династии Каролингов, с 800 г. император.

39. *...под Измаилом и Прагой...* — Русские войска взяли турецкую крепость Измаил 11 декабря 1790 г., варшавское предместье Прагу — 24 октября 1794 г.

40. Изида (Изида) — в египетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра.

41. *...восстановить греческую империю...* — Речь идет о так называемом “греческом проекте” Екатерины II. В первоначальном виде этот план стал известен в 1772 г.; по нему Турцию предполагалось разделить между Россией (ей отходили Молдавия, Валахия, Болгария, Фракия и Константинополь с проливом Дарданеллы) и Австрией, претендовавшей на Сербию, Боснию, Герцеговину, Албанию и Македонию. Особое значение Екатерина придавала господству России на берегах Босфора; она хотела воссоздать греческую империю, которой бы правил впоследствии ее внук Константин Павлович. Вторая редакция проекта (1781) существенно отличалась от первой; австрийский император Иосиф II настоял на специальных условиях, ограничивших планы Екатерины. Так, греческая империя по восстановлению должна была существовать отдельно от России. В 1787 г. был сделан первый шаг: к России был присоединен Крым; вскоре началась вторая русско-турецкая война, и проект осуществлен не был.

42. Вольтер Франсуа Мари Аруэ (1694—1778) — французский писатель и философ. Екатерина была воспитана на его сочинениях и признавалась, что обязана ему своим образованием; долгое время переписывалась с ним. Ее симпатии к Вольтеру создали в России моду на вольтерьянство, но к концу своего царствования изменила отношение к нему и называла его “полумудрецом сего века”. Бюсты Вольтера и Фокса (см. ниже) находились в числе других изваяний, украшавших Камеронову галерею в Царском Селе.

43. Фокс Чарльз Джемс (1749—1806) — английский политический деятель, лидер радикального крыла вигов; неоднократно входил в правительство.

44. *...объявить войну России.* — Речь идет об общеевропейском политическом кризисе, назревавшем с 1788 г.; к 1791 г. напряженность в отношениях России с Пруссией и Англией достигла предела. В мае 1791 г. кризис пошел на убыль: в Лондоне С.Р. Воронцов передал английской оппозиции секретные документы, опираясь на которые Ч. Фокс доказал парламенту невыгодность войны с Россией.

45. Бюффон Жорж Луи Леклер (1707—1788) — французский натуралист, автор монументального многотомного труда “Частная и общая естественная история”, вызвавшего восхищение всей Европы. Он был осыпан милостями августейших особ; Екатерина также посылала ему подарки.

46. Дидро Дени (1713—1784) — французский писатель, философ, инициатор создания знаменитой “Энциклопедии”. Общение Екатерины с ним началось сразу же после ее воцарения. В 1765 г. Екатерина купила у Дидро его библиотеку и оставила ее в его пожизненном пользовании, назначив его своим библиотекарем. В 1773 г. философ посетил Петербург; он составил несколько проектов по народному образованию в России.

47. Сивиллы — в греческой и римской мифологии прорицательницы. По легенде, одна из них получила в дар от Аполлона долголетие, но забыла попросить о вечной молодости и по истечении времени превратилась в дряхлую старуху; в Риме было принято желать друг другу “Сивиллиных лет”.

48. Брут Марк Юний (79—41 до н.э.) — один из организаторов заговора и убийства Юлия Цезаря.

49. Якобинцы — по месту собраний, парижскому монастырю ордена св. Иакова, название членов и сторонников радикальной политической группировки, существовавшей во Франции в 1789—1799 гг.

50. *...короля, который утверждал свои королевские полномочия, и дворянство, украшавшее его царствование...* — Имеется в виду польский король Станислав Август. О Конституции 3 мая 1791 г., расширявшей его власть, см. выше.

51. Вашингтон Джордж (1732—1799) — первый американский президент (1789—1797), главнокомандующий армией колонистов в Войне за независимость (1775—1783).

52. Орден Цинцинната — военное общество Цинцинната в Америке; существует с 1783 г. Названо по имени римского консула V в. до н.э., почитавшегося как образец патриотизма. Орден общества — орел в окружении бриллиантов.

53. Ланжерон Александр Федорович (Людвик Александр; 1763—1831) — французский эмигрант на русской военной службе (с 1789). Участвовал в войне со Швецией 1788—1790 гг. и в военных действиях против Турции. В 1799 г. возведен в графское достоинство.

54. Король прусский — Фридрих Вильгельм II (1744—1797), наследовавший Фридриху Великому в 1786 г.

55. Питт Вильям Младший (1759—1806) — английский государственный деятель, с 1783 по 1801 г. глава кабинета.

56. *...счастливое царствование Елизаветы, которое было прославлено многими произведениями...* — В царствование Елизаветы Петровны (1741—1761) писали А.П. Сумароков, В.К. Тредиаковский и М.В. Ломоносов. Они сформулировали принципы русского стихосложения и создали образцы различных жанров, которые в России до этого времени не были развиты (трагедии, комедии, эпические поэмы, лирические стихотворения).

57. *Из тщеславия Екатерина покупала библиотеки...* — О купленном книжном собрании Дидро см. выше; в 1778 г., после смерти Вольтера, Екатерина приобрела и его библиотеку.

58. *...ревнивая ко всякой славе, и в особенности к той, которую Фридрих, единственный и неповторимый, снискал себе своими сочинениями...* — Фридрих Великий был известен как поэт и автор различных трактатов.

59. *Она написала свой знаменитый “Наказ”...* — С целью составления нового Уложения в 1766 г. была образована специальная Комиссия. Для депутатов Комиссии, заседания которой открылись в Москве летом 1767 г., Екатерина написала “Наказ”, в котором изложила ее задачи и свои взгляды на важнейшие вопросы законодательной политики. Императрица сама признавала, что статьи “Наказа” были в основном заимствованы из работ Ш.Л. Монтескье (“О духе законов”, 1748), Ч. Беккариа (“Рассуждение о преступлениях и наказаниях”) и других текстов умеренно-просветительной литературы. В конце 1767 г. заседания Комиссии были перенесены в Петербург, а через год, по случаю начала войны с Турцией, депутатский корпус был распущен. Некоторые частные комиссии продолжали работать до 1774 г.

60. *...собрать некоторые слова трехсот различных языков в словарь не было доведено до конца.* — Екатерина предполагала издать глоссарий (сопоставительный словарь) всех языков. Массон ошибается: этот труд был издан в Петербурге в 1787—1789 гг. под названием “Словарь сравнительный всех языков и наречий, собранный Высочайшею десницею императрицы Екатерины II” (Т. 1—2). Он затевался в порядке соперничества со “Словарем Академии Российской” (выходил в 1789—1794 гг.) и был далек от профессионального уровня. Президент Российской Академии Е.Р. Дашкова скептически отзывалась о замысле Екатерины: “Она тогда тоже занималась так называемым словарем, редактором которого был господин Паллас. Это было подобие словаря 90 или 100 языков; некоторые из них предлагали всего 20 слов, таких, как земля, небо, вода, отец, мать и т.п. Странное это произведение представлялось несовершенно и бесполезным и внушало мне какое-то отвращение, хотя его превозносили как восхитительный словарь” (Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 162).

61. *... “Наказ” был включен в список...* — В 1769 г. труд Екатерины подвергся во Франции запрещению как слишком либеральное сочинение.

62. Тиссо Пьер Франсуа (1768—1854) — французский литератор. В период революции помещал многочисленные статьи в либеральных газетах; возможно, “Обращение к народу” — такая статья, напечатанная отдельной брошюрой.

63. *... украшенных медалями за угодливость.* — Массон несколько неточен: медаль получил каждый из депутатов, которых “было 652 [по другим сведениям — 564] человека. Им розданы были, для ношения в петлице, на золотой цепочке золотые овалы-ные медали с изображением на одной стороне вензелевого Е<е> И<мператорского> В<еличества> имени, а на другой пирамиды, увенчанной императорскою короною, с надписью: Блаженство каждого и всех; а внизу: 1766 год, декабря 14 день” (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : В 10 т. Л., 1973. Т. 4. С. 213).

64. Монтескье Шарль Луи (1698—1755) — французский просветитель, правовед, философ.

65. Беккариа Чезаре (1738—1794) — итальянский юрист и философ.

66. Державин Гавриил Романович (1743—1816) — поэт и государственный деятель. С конца 1791 по 1793 г. был статс-секретарем Екатерины. Обращенная к ней ода “Фелица” (напечатана в 1783 г.) сделала Державина знаменитым. О его учас-

тии в сочинении или обработке комедий Екатерины сведений не имеется. Известно, что прозаические комедии редактировал И.П. Елагин; А.В. Храповицкий сочинял стихи для комических опер и собирал материалы для “исторических представлений”.

67. Одар — скорее всего, Жан Доминик Жозеф Одар (1720?—1768?), гражданин Пьемонта, приехавший в Россию в начале 1760-х гг. и принятый (по просьбе Е.Р. Дашковой) на службу в придворное ведомство надзирателем за именными императрицы. Позже состоял членом Коммерц-коллегии, имел чин надворного советника. Из-за участия в заговоре против Екатерины был выслан из России и жил в Нише, где был убит молнией.

68. “Олег, историческое представление” — одна из пьес Екатерины, “историческое представление в 5-ти действиях с хорами и балетами”, под названием “Начальное управление Олега. Подражание Шекспиру без сохранения феатральных обыкновенных правил” (издано: Российский Феатр. СПб., 1787. Ч. 14.; поставлено 22 октября 1790 г. в Эрмитажном театре; публичные спектакли шли в Петербурге до 1795 г.). Олег (ум. 912) — древнерусский князь. Игорь (ум. 945) — сын Рюрика, великий князь киевский. Лев — Лев VI Философ (886—912), византийский император; эпизоды из *Еврипида* — третье действие пьесы представляет собой перевод с французского первых сцен трагедии “Алкеста” древнегреческого трагика Еврипида (ок. 480—407/406 гг. до н.э.). Упоминание ниже о семи сотнях лиц на сцене во время представления пьесы — преувеличение.

69. ...*при Очакове*... — Во время второй русско-турецкой войны Очаков был взят штурмом русскими войсками 6 декабря 1788 г.

70. Казанова Франческо (1727—1803) — итальянский художник-баталист.

71. Гаспарини и Мандини Паоло (1757—1842) — певцы итальянской оперы в Петербурге. Ср.: “Я бывал несколько раз в итальянской опере и теперь еще очень хорошо помню певцов Ненчини и Мандини, певца Сапоренти и Гаспарини” (*Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 69.*)

72. Сартти Джузеппе (1729—1802) — итальянский композитор; с 1784 г. был приглашен в Россию и занял должность придворного капельмейстера. В 1786—1790 гг. находился на службе у Потемкина, с 1790 г. — вновь при петербургском дворе. Писал музыку к операм (в общей сложности — более чем к пятидесяти, в том числе к представлению “Начальное управление Олега”), кантаты, оратории, симфонии, концерты духовную музыку для католического и православного богослужения. Давал уроки дочерям великого князя Павла Петровича.

73. Сегюр Луи Филипп (1753—1830) — французский посол в России в 1785—1789 гг. Екатерина ценила в нем ум и любезность; по ее поручению он написал ряд драматических сочинений для Эрмитажного театра.

74. ...*на создание “Кориолана”*... — Пятиактной трагедией Сегюра “Кай Марций Кориолан” открывался сборник “Recueil des pieces de l’Hermitage”, изданный А.В. Храповицким в 1787—1789 гг. Сегюр написал пьесу (впервые поставленную на сцене Эрмитажного театра) еще летом 1783 г., т.е. еще до приезда в Петербург и близкого знакомства с императрицей. Кориолан (более точное его имя — Гней Марций) — полуплебей римский патриций (5 в. до н.э.), изгнанный из Рима за попытку ограничить права плебеев. Встав во главе недружественных Риму вольсков, осадил город :

взял его, но пощадил жителей по просьбе матери. При создании своей пьесы Сегюр мог взять за образец одноименную трагедию Шекспира (ок. 1607).

75. *...эпитафия собачке*. — В Царском Селе в 1772 г. была выстроена Египетская (Собачья) пирамида — усыпальница любимых собак Екатерины (архитектор В. Неслов, впоследствии сооружение было перестроено Ч. Камероном): «<...> узкая дорожка, свернув налево, приводит к беседке в виде четырехгранной гранитной пирамиды. <...> По сторонам ее стоят четыре небольшие тонкие мраморные колонны, а зади, на берегу мелкого протока, против так называемых “Лебединых островков”, под тремя мраморными плитами погребены любимые собачки великой царицы — Сир Том Андерсон, Земира и Дюшес” (*Вильковский С.Н.* Царское Село. СПб., 1992. С. 162). Сочиненная Сегюром эпитафия, фрагмент которой приводит Массон, написана на смерть собачки Земиры. В парке замка Сан-Суси — летней резиденции Фридриха II — также было “кладбище любимых королевских собак. Над каждой мраморная доска с надписью” (*Ростопчин Ф.В.* Путешествие в Пруссию // *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! М., 1992. С. 49).

76. Мария Терезия (1717—1780) — эрцгерцогиня австрийская с 1740 г., мать Иосифа II, совместно с которым правила вплоть до своей кончины.

77. Графиня д'Эскарбанья — героиня одноименной комедии Мольера (1671).

78. Белосельский-Белозерский Александр Михайлович (1752—1809) — князь; посланник в Дрездене (1777—1790) и Турине (1792—1793), литератор. Писал преимущественно по-французски, в различных жанрах (философские диалоги, афоризмы, стихотворения “на случай”); трагедия “Лжедимитрий” не сохранилась. Коллекция произведений изобразительного искусства, которую Белосельский-Белозерский собирал с середины 1770-х гг., к концу его жизни считалась одной из лучших в России. В “Послании к французам”, к которому тематически примыкает “Послание к англичанам”, перечисляются достижения русской культуры, имена наиболее известных русских писателей и их сочинения (оба текста напечатаны в книге “Французские стихотворения одного иностранного князя”, Кассель, 1784).

79. Паллас Петр Симон (1741—1811) — немецкий натуралист, с 1767 г. член Петербургской Академии наук; по указу Екатерины предпринял путешествие на Кавказ и за Каспий (1768—1774).

80. Миллер Герард Фридрих (в России — Федор Иванович; 1705—1783) — историограф, академик; родом из Вестфалии. В 1725 г. приехал в Россию, во время экспедиции по изучению Сибири (1733—1743) собрал множество документов по русской истории (так называемые “портфели Миллера”), а также сведения по этнографии, географии и археологии. Его наиболее крупный труд — “Описание Сибирского царства” (1750).

81. *...основательную критику на недостоверную историю Петра I...* — Миллер принял участие в работе Вольтера над “Историей России в царствование Петра Великого” (1759—1763), сообщая ему материалы и замечания, а впоследствии написал несколько отдельных статей, исправляющих неточности и ошибки в сочинении Вольтера. Сам Миллер утверждал, что недостатки “Истории...” “замечены были еще до ее появления в свет <...> Меня просили сделать замечания: я сделал. Но г. Вольтер не имел терпе-

ния ими воспользоваться: так спешил он напечатать первый том. <...> Заметки мои были отосланы. На их-то основании в предисловии ко второму тому он исправил некоторые промахи, сделанные в первом томе <...> наговорил мне грубостей; особенно постарался он не коснуться тех замечаний, которые бы заставили его покраснеть” (Цит. по: Соловьев С.М. Герард-Фридрих Миллер (Федор Иванович Миллер) // Современник. 1854. № 10. Отд. 2. С. 145–146).

82. Словарь Ламартиныера — десяти томный труд Антуана Огюстена де ла Мартиньера (1662–1749) “Grand Dictionnaire géographique, historique et critique” (1726–1730).

83. ...как будто бы окончания, придуманные им, были менее грубыми, чем окончание слова Шантелу. — Автор иронизирует над тем, что Вольтер, считая русский язык варварским и неблагозвучным и не желая вникать в его тонкости, по незнанию русских фамилий писал их на французский лад (не Chouvalow или Chouvaloff, а Chouvalou). Таким образом, возникает каламбур: по-французски одинаково звучит окончание и перевернутой Вольтером фамилии (Шувалу), и слова Шантелу (Chanteloup) — названия французской деревушки или опять-таки фамилии, только на этот раз французской. Массон слышит и в том и в другом слово loup (волк), которое и называет в шутку “более грубым”. Ср. с еще одной шутливой “этимологией” фамилии Шувалов (Шувалу): “Cheval-loup”, т.е. “лошадь-волк”, — в третьем томе записок Массона (Amsterdam, 1802. V. 3. P. 229). Небрежностью Вольтера возмущался и переводчик другого его исторического труда, А.Ф. Воейков: “Мы можем <...> спросить, почему Меншику, Шереметью нравились ему лучше Меншикова, Шереметева?” (История царствования Людовика XIV и Людовика XV, королей французских... Ч. 4. М., 1809. С. 420).

84. Конфуций (Кун-дзы; ок. 551–479 до н.э.) — выдающийся древнекитайский мыслитель.

85. Клиндер Фридрих Максимилиан (Федор Иванович; 1752–1831) — немецкий поэт и драматург. Его пьеса “Sturm und Drang” (“Буря и натиск”, 1776) дала название литературному направлению в Германии. На русской службе с 1780 г.; был чтецом при великой княгине Марии Федоровне, директором первого кадетского и пажеского корпусов. С 1811 г. — генерал-лейтенант, в 1803–1817 гг. — попечитель Дерптского учебного округа и университета.

86. Коцебу Август Фридрих (1761–1819) — немецкий драматург, романист. В 1781 г. отправился в Петербург, откуда вскоре был переведен на службу в Остзейский край. В 1800 г. по пути в Петербург, где в кадетском корпусе учились его сыновья, был арестован и сослан в Сибирь. Вскоре Павел возвратил его из ссылки и осыпал милостями. В изложении современника эти события выглядели так: Коцебу “по приезде своем в Петербург был представлен Государю и принят им благосклонно. Он сочинил там новую пьесу. В ней выходит на сцену Лейб-Кучер Императора Петра III, который по смерти монарха сего живет более тридцати лет в крайней нищете, скудости; но наконец достойным сыном его извлекается из нещатия; и за прежние заслуги и терпение получает награду. Пьеса понравилась Государю. Сочинитель ее пожалован следующим чином, сделан директором Петербургского немецкого театра, жалованья положено ему 1200 рублей <...> Вот торжество талантов!” (Письмо Г.П. Каменева к С.А. Москотильникову от 27 сентября 1800 г. // Бобров Е. Литература и просвещение

в России XIX в. Казань, 1902. Т. 3. С. 122—123). Написанная Коцебу драма не могла не понравиться Павлу, так как в ней недвусмысленно подчеркивалась его преданность памяти отца; об этом Массон подробно рассказывает в гл. IV. Перечень переведенных Коцебу стихотворений Державина (в том числе оды “Бог”) см. в кн.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1883. Т. IX. С. 512—513.

87. “Кандид, или Оптимизм” (1759) — нравоучительная повесть Вольтера.

88. Шторх Генрих (Андрей Карлович; 1766—1835) — экономист, вице-президент Академии наук. Давал уроки политической экономии великим князьям Николаю и Михаилу. Первым его статистическим сочинением было “Описание Санкт-Петербурга” (1793).

89. Байльи Жан Сильвен (1736—1793) — французский астроном. В “Письмах о Платоновой Атлантиде” (1779) высказал гипотезу о том, что европейская культура обязана своим началом северному народу, жившему некогда в Средней Азии и исчезнувшему вследствие природной катастрофы.

90. Кювье Жорж Леопольд (1769—1832) — французский ученый-естествоиспытатель, зоолог, палеонтолог, создатель сравнительной анатомии.

91. Аблайкит — развалины буддийского монастыря и резиденции калмыцкого хана Аблая (XVII в.); находились в долине реки Аблайкитки, впадающей в Иртыш. Открыты при Петре I; Миллер и Паллас вывезли отсюда много рукописей.

92. Левек Пьер Шарль (1737—1812) — французский историк. Дидро рекомендовал его Екатерине, и в 1773 г. Левек приехал в Петербург и при поддержке императрицы написал “Историю России” (Париж, 1782; 5 томов), большая часть которой посвящена XVIII веку. “История” Левека пользовалась в конце XVIII в. успехом в России, хотя отдельные оценки резко оспаривались. Екатерина II была недовольна трудом Левека.

93. Шапп д’Отрош Жан (1722—1769) — французский астроном. В 1761 г. по поручению французской Академии наук отправился в Тобольск для астрономических наблюдений, что и описал в “Путешествии по Сибири” (Париж, 1768), содержащем критические замечания о России, русском народе, обществе, устройстве власти. Екатерина издала в 1770 г. брошюру с возражениями — “Антидот” (анонимно, на французском языке), написанную ею совместно с А.П. Шуваловым и Г.В. Козицким.

94. Леклерк Никола Габриель (1726—1798) — французский врач, живший некоторое время в Петербурге, автор “Физической, нравственной, гражданской и политической истории древней и новой России” (Париж, 1783—1784; 6 томов), изобилующей произвольными суждениями и фактическими ошибками. По инициативе Екатерины И.Н. Болтин написал полемический ответ — “Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка” (СПб., 1788; 2 тома).

95. Татищев Василий Никитич (1686—1750) — автор “Истории Российской с древнейших времен” (СПб., 1768—1848; 5 томов).

96. Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790) — автор “Истории Российской от древнейших времен” (СПб., 1794, 1805, 1817. Т. 1—3).

97. Бакмейстер Людвиг Христиан (Логгин Иванович; 1730—1806) — библиограф; переехал в Россию из Курляндии в 1766 г. В предпринятом им 11-томном издании “Русская библиотека” (СПб., 1772—1787, на немецком языке) содержится

перечень и обзор выходявших в России книг, рецензии, известия о научных путешествиях, академическая и университетская хроника. Помогал Палласу в сборе материалов для глоссария, задуманного Екатериной. Оставил обширные библиографические материалы и переписку. Возможно, Массон имеет в виду труд другого Бакмейстера, Иоганна (Ивана Григорьевича; ум. в 1788), библиотекаря Академии наук (с 1756) — «Описание библиотеки и кабинета редкостей и естественной истории при Санкт-Петербургской Академии наук» (СПб., 1776, по-немецки; русский перевод — СПб., 1799).

98. *Бессмертный автор “Карла XII”, “Петра I” и “Века Людовика XIV”...* — Вольтер, написавший «Историю Карла XII» (1731), «Историю России в царствование Петра Великого» и «Век Людовика XIV» (1751).

99. *...графу Шувалову...* — Корреспондентом Вольтера был Иван Иванович Шувалов (1727—1797), генерал-адъютант, государственный деятель, меценат; по его инициативе появился труд Вольтера о русской истории. Массон ошибочно называет И.И. Шувалова графом: он отказался от этого титула.

100. К ю ч у к - К а й н а р д ж и й с к и й м и р, заключенный 21 июля 1774 г. при деревне Кайнарджи на Дунае, завершил первую русско-турецкую войну.

101. *...восстановить престол Константина...* — т.е. завоевать Стамбул (Константинополь), бывшую столицу Византии, и возродить греческую империю. Константин Великий (ок. 285—337) — римский император с 306 г., основавший новую столицу на месте города Византий (бывшей греческой колонии).

102. *...в честь мраморной церкви, которая вот уже в течение двадцати лет все стоит в лесах.* — Исаакиевский собор, строительство которого было начато в 1768 г. (проект А. Ринальди; работами руководил В. Бренна). Екатерина хотела отделать здание разными сортами мрамора — до карниза оно и было мраморным. Павел изменил проект, и собор был достроен из кирпича. Эта стилиевая какофония осмеивалась в получившей широкое распространение эпиграмме:

Се памятник двух царств, обоим толь приличный —
На мраморном низу поставлен верх кирпичный.

(*Шишков А.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 21). Существующее ныне здание строилось в 1818—1858 гг. по проекту О. Монферрана.

103. С о ф и я — город возле Царского Села, заложенный в 1779 г. и просуществовавший до 1808 г., когда он был снесен по приказу Александра I. Единственным напоминанием о нем осталось здание Софийского собора на краю Царскосельского парка (выстроен в 1782—1788 гг.).

104. П о т с д а м — резиденция Фридриха II в окрестностях Берлина; основное строительство велось в 1760-е гг. в соответствии с замыслом короля. Интересны впечатления Ф.В. Ростопчина, в 1786—1787 гг. посетившего Потсдам, а впоследствии часто бывавшего при «малом дворе» наследника в Гатчине: «Несмотря на возвышения, заливы и множество разных предметов, Потсдам, кроме слепых, весьма печальное для всех место. Покойный король <Фридрих II>, основав место своего пребывания в Потсдаме, украсил его многими домами с великолепными фасадами. Но город без торговли, без роскоши не может процветать. Кроме войск нет жителей в Потсдаме. Наружность его — великолепная декорация, внутренность — казармы. Приходный иностранец

должен думать, что Потсдам завоеван, жители истреблены и солдаты заменили оных” (*Ростопчин Ф.В.* Указ. соч. С. 47).

105. *Во время путешествия по Тавриде...* — Речь идет о поездке Екатерины по Днепру в Новороссию и Крым в 1787 г. Екатеринослав был основан в 1778 г. Потемкиным, но в 1783 г. перенесен на новое место и сделан губернским городом.

106. *...конная статуя Петра I*. — “Медный всадник” — открытый в 1782 г. памятник, выполненный по модели скульптора Э.М. Фальконе. Подножие скульптуры — гигантская гранитная глыба массой около 1600 т., известная под названием “гром-камень”, — была найдена в 1768 г. на берегу Финского залива. Доставка ее в Петербург (сначала сушей на платформе, двигавшейся по переносным рельсам, а затем на специально построенной барже) заняла 2 года. Камень был обработан по рисунку архитектора Ю.М. Фельтена и, уменьшившись в объеме, приобрел форму скалы.

107. Делиль Жак (1738—1813) — французский поэт. Цитируемые строки взяты из самого известного произведения Делиля — описательной поэмы “Сады” (1782); цитируются в переводе А.Ф. Воейкова (1816) по изданию: *Делиль Ж.* Сады. Л., 1987. С. 137.

108. Фетида — в греческой мифологии одна из nereид, морских богинь.

109. Мерсье Луи Себастьян (1740—1814) — французский писатель. “Картина Парижа” (1790) — двенадцатитомная серия нравоописательных и сатирических очерков, принесшая автору широкую известность.

110. Николай Христофор Фридрих (1733—1811) — немецкий литератор, издатель. Его “Топографическое и историческое описание королевских резиденций Берлина и Потсдама со всеми их достопримечательностями” (1769) в свое время считалось образцовым. Массон ошибается — Николай не мог подражать Мерсье, его книга появилась раньше, чем “Картина Парижа”.

111. Георги Иоганн Готлиб (1729?—1802) — этнограф и путешественник, профессор Петербургской Академии наук по кафедре натуральной истории и химии. Уроженец Померании; в России с 1770 г. Широкой известностью пользовалось его “Описание Российско-Императорского столичного города Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного” (вышло по-немецки в 1790 г.; русский перевод — 1794).

112. Ангальт Фридрих (Федор Евстафьевич) (1732—1794) — граф, генерал-адъютант, сын принца ангальт-дессауского. В России с 1783 г.; с 1786 г. был генерал-директором Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.

113. *...майора М. и его брата*. — Стремясь одновременно и не раскрывать своего авторства, и поведать об известных только ему фактах, Массон называет себя майором М. (а также “одним из <...> друзей, снабдивших меня некоторыми материалами для этих записок”) и говорит о себе, согласно одной из традиций мемуарной литературы (ср., к примеру, “Записки” Г.Р. Державина), в третьем лице. Андре Пьер Массон (1759 — ок. 1820), его старший брат, — полковник русской службы. По изгнании из России жил в Байрейте, где написал эпическую поэму “Сарацины во Франции” (Нюрнберг, 1815; 2 т.).

114. *...написанные по-немецки статистические таблицы...* — Речь идет о подготовленном Шторхом труде “Статистическое обозрение наместничеств Российской империи в таблицах” (СПб., 1795).

115. Царское Село. — В начале XVIII в. на его месте находилась финская деревня Saari-Mois (Верхняя Мыза). В 1710 г. Петр I подарил ее Екатерине I, в 1717—1723 гг. был сооружен небольшой каменный дворец и разбит парк. С 1725 г. мыза стала императорской резиденцией с названием Сарское (затем — Царское) Село. Дворец расширился в 1743—1751 гг., а окончательный вид приобрел в царствование Елизаветы (проект В.В. Растрелли). Екатерина II подолгу жила в Царском Селе и много сделала для его украшения: при ней были возведены, в частности, Александровский и Баболовский дворцы, Лицейский корпус, Камеронова галерея, Китайская деревня, Чесменская колонна, Кагульский обелиск, ворота: Орловские и “Любезным моим сослуживцам”.

116. Ланской Александр Дмитриевич (1754—1784) — генерал-поручик и генерал-адъютант. Екатерина заметила молодого гвардейского офицера летом 1779 г. в Петергофе. Весною 1780 г., когда он переехал в Зимний дворец, ему шел 23-й год, и он был на 29 лет моложе императрицы. Назначив Ланского камергером, она принялась его просвещать, ввела в переписку с Ф.М. Гриммом и со временем все больше к нему привязывалась. В июне 1784 г. в Царском Селе Ланской занемог “злокачественной пятнистой горячкой” (по другой версии — дифтеритом), были приглашены доктора: гвардейский врач Соболевский и гофмедик М.А. Вейкарт (1742—1803), который оставил записки, излагающие ход болезни и опровергающие мнение о том, что Ланской был отравлен. Эта смерть повредила карьере Вейкарта: императрица не хотела видеть никого из тех, кто пользовал покойного. Ланского похоронили в саду Царского Села; вскоре его прах был перенесен в церковь Казанской Божьей Матери, выстроенную Дж. Кваренги в Софии как мавзолей.

117. *...печального Мраморного дворца...* — Строившийся в 1768—1785 гг. по проекту А. Ринальди для Г.Г. Орлова Мраморный дворец на Миллионной улице, неподалеку от Зимнего дворца. В отделке здания, завершеного уже после смерти Орлова, снаружи и внутри использован мрамор 32 сортов. В 1783 г. дворец куплен в казну; впоследствии был резиденцией С.А. Понятовского, великого князя Константина Павловича и других особ императорской фамилии.

118. Немезида — в греческой мифологии богиня мщения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Елизавета I Тюдор (1533—1603) правила Англией и Ирландией с 1558 г. Умная и образованная, она была черства, эгоистична и дорожила своей независимостью, уклоняясь от вступления в брак.

2. Мария Стюарт (1542—1587) получила образование при французском дворе и в 1558 г. вышла замуж за дофина Франциска. После ранней смерти мужа вернулась в Шотландию (1561), где через несколько лет вступила в брак со своим кузеном Генрихом Дарнлеем. Этот союз был несчастен. После гибели ее любовника, итальянца Риччио, благосклонность Марии снискал граф Ботвелл. По обвинению в покушении на королеву Елизавету была приговорена английским судом к смертной казни.

3. Христина Августа (1626—1689) — королева Швеции с 1632 г. Решилась не выходить замуж по примеру Елизаветы английской. Лыстецы называли ее (как и Екатерину II) Северной Палладой, Минервой, десятой Музой. Отреклась от престола в 1654 г.

4. Царица Савская — легендарная правительница Сабейского царства в Южной Аравии.

5. Ермолов Александр Петрович (1754—1834/1836?) — в милости с начала 1785 г.; генерал-майор, флигель-адъютант Екатерины и действительный камергер. “Случай” его длился недолго: уже летом 1786 г. Ермолов отправился в Европу, по возвращении поселился в Москве, а в 1800 г. навсегда уехал за границу; умер в Австрии. В.В. Вяземский, в 1808 г. путешествовавший по Европе, записывал в дневнике: “Бывший фаворит Екатерины Ермолов, надутая скотина, щеголяет в лежкоконном мундире, коего давно не существует, в ленте Белого Орла, которой давно не носит никто, в достоинство вменяет, что он был фаворитом” (Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 178. № 9851. Л. 15).

6. Церера — в римской мифологии богиня земледелия и плодородия.

7. Кибела — фригийская богиня, почитавшаяся в Малой Азии, Греции и Риме; праздники в ее честь сопровождались оргиями и неистовствами.

8. Салтыков Сергей Васильевич (1726/1728?—1813) — камергер великого князя Петра Федоровича, дипломат, впоследствии генерал-поручик. “Он был прекрасен как день <...> Он был довольно умен и владел искусством обращения с тою хитрою ловкостью, которая приобретается жизнью в большом свете и особенно при дворе” (Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 125—126). При дворе появился в начале 1750-х гг., пользовался расположением как Петра, так и Екатерины. В 1755 г. назначен послом в Гамбург. В 1762 г. переведен в Париж, но в должности посланника там пробыл не долее года, так как вел себя легкомысленно и наделал долгов, заплатить которые не мог, хотя получал от императрицы деньги. Впоследствии был определен в Дрезден.

9. Римский-Корсаков Иван Николаевич (1754—1831) — генерал-майор, генерал-адъютант, фаворит с лета 1778 г.; имел неосторожность сблизиться со статс-дамой Прасковьей Александровной Брюс (1729—1786), сестрой фельдмаршала П.А. Румянцева и женой графа Я.А. Брюса. В октябре 1779 г. они были удалены от двора; Брюс некоторое время жила за границей, Корсаков переехал в Москву.

10. ...уступкой Мамонова юной сопернице. — Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич (1758—1803), состоя адъютантом при князе Потемкине, в 1786 г. был представлен императрице. С августа того же года — флигель-адъютант, с 1788 г. — генерал-адъютант; тогда же был возведен в графское достоинство Римской империи и сделан членом Совета при императрице. Его карьере погубила связь с фрейлиной Д.Ф. Щербатовой; их бракосочетание состоялось в июне 1789 г., вскоре супруги уехали в Москву с условием никогда не появляться при дворе. По воцарении Павла I Мамонов был пожалован титулом графа Российской империи.

11. Протасова Анна Степановна (1745—1826) — графиня (с 1801), кавалерственная статс-дама; с ранней молодости состояла камер-фрейлиной при Екатерине

и пользовалась ее исключительным доверием; со стороны матери находилась в родстве с братьями Орловыми.

12. Рожерсон (Роджерсон) Джон Сэмюэл (1741—1823) в 1765 г. закончил Эдинбургский университет и в следующем году приехал в Россию, где в течение 50 лет занимал должность лейб-медика. Особенно преуспел после смерти А.Д. Ланского, когда Екатерине II было неуютно видеть кого-либо из врачей, неудачно лечивших фаворита. В 1816 г. вернулся на родину, в Шотландию.

13. *...свою... любовницу...* — Речь идет о Елизавете Романовне Воронцовой (1739—1792, в замужестве Полянской), сестре Е.Р. Дашковой, которая рассказывала впоследствии о столкновении Петра III с Понятовским (*Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 282—283).

14. *На последнем заседании Сейма...* — Сейм открылся летом 1793 г. в Гродно. Комиссия Сейма после переговоров с русским послом Я.И. Сиверсом, который окружил город войсками и грозил членам Сейма и Понятовскому ссылкой в Сибирь, подписала акты о втором разделе Польши.

15. Раутенфельд — генерал-майор прусской армии, участвовавший в заседаниях гродненского Сейма. «В одно <...> заседание Сейм был окружен 4 батальонами с пушками. Генерал-майор Раутенфельд в мундире введен был в сеймовую залу; близ трона были поставлены ему кресла <...> В течение того времени один из депутатов сказал: “Императрица российская именует патриотов якобинцами <...> Но вот якобин (указав на генерала Раутенфельда), который только что не сидит на троне”» (*Энгельгардт*. С. 146).

16. Пистор Якоб Иоганн (Яков Матвеевич) — в русской службе с 1771 г. Служил по квартирмейстерской части в Генеральном штабе; во время второй русско-турецкой войны был генерал-квартирмейстером армии Потемкина; генерал-майор (1789).

17. Кречетников Михаил Никитич (1729—1793) — граф (с 1793), генерал-аншеф. В 1772 г. был назначен вместе с М.В. Каховским управлять Псковской и Могилевской губерниями, образованными на бывших польских землях. В 1792 г. армии Кречетникова и Каховского одержали победу над польскими войсками. В марте 1793 г., еще до решения гродненского Сейма, в местечке Лабунь — на главной квартире Кречетникова — было объявлено о присоединении части польских земель к России.

18. Каховский Михаил Васильевич (1734—1800) — граф (с 1797), генерал от инфантерии.

19. Костюшко Тадеуш (1746—1817) — польский военный и политический деятель; участвовал в войне американских колоний за независимость, состоял адъютантом Дж. Вашингтона. В марте 1794 г. огласил в Кракове акт о восстании и был объявлен главнокомандующим национальной армией. Летом союзные русско-прусские войска с разных сторон направились к Варшаве; Костюшко опередил их. Осада города, предпринятая И.Е. Ферзеном и прусскими войсками, была неудачной; тем не менее Костюшко, решив помешать соединению войск Суворова и Ферзена, покинул Варшаву и преградил Ферзену дорогу у местечка Мацейовицы, где его войско было наголову разбито, а он сам ранен и взят в плен. Находился в заключении в Петербурге вплоть до воцарения Павла.

20. Сиверс Яков Иоганн (1731—1808) — граф (с 1798 г.), дипломат. В 1792 г. стал чрезвычайным и полномочным послом в Польше; председательствовал на гродненском Сейме и настоял на втором разделе Польши. Отозван в 1794 г.

21. *...во главе конфедерации...* — В мае 1792 г. в городке Тарговицы образовалась конфедерация поляков — противников Конституции 3 мая. Они требовали восстановить прежний порядок правления. Екатерина покровительствовала им; Понятовский вскоре был вынужден присоединиться к конфедерации и тем самым отменить им же провозглашенную конституцию.

22. Игельстром Осип Андреевич (1734—1817) — барон, генерал от инфантерии. В 1793 г., командуя русскими войсками, расположенными в Польше, предупреждал Екатерину о назревающем восстании и безуспешно просил усилить армию. Вскоре разразилось восстание; Игельстром, чудом спасшийся от смерти, вернулся в Россию и вышел в отставку.

23. *...его племянница...* — Урсула Мария Потоцкая, урожденная Замоysкая (1760—1816).

24. Рюльер Клод Карломан (1735—1791) — с 1760 по 1762 г. был секретарем французского посольства в Петербурге и стал свидетелем июньского переворота. Вернувшись в Париж, написал об этом книгу (1768), которую, не отдавая в печать, читал в салонах. На предложение Екатерины продать рукопись или смягчить в ней краски ответил отказом, обещав лишь (под нажимом Дидро, который по поручению Екатерины вел с ним переговоры) не печатать ее до смерти императрицы. Книга вышла в 1797 г. под заглавием “История, или Анекдоты о революции в России в 1762 г.”; ввоз ее в Россию был сразу же запрещен. Массон мог читать труд Рюльера в рукописной копии.

25. Пассек Петр Богданович (1736—1804) — сослуживец и друг Г.Г. Орлова. 27 июня 1762 г. его арестовали, что встревожило Е.Р. Дашкову, А.Г. Орлова и других сторонников Екатерины, поторопившихся осуществить задуманный переворот. В день коронации был сделан действительным камергером; с 1781 г. — генерал-губернатор Могилевской и Полоцкой губерний. Павел I отставил его от службы и запретил въезд в столицы.

26. Барятинский Федор Сергеевич (1742—1814) — князь; находился вместе с А.Г. Орловым в Ропше при отрешении императора. В записке Орлова к Екатерине от 6 июля 1762 г. (день убийства Петра III) говорилось: “Он [Петр] заспорил за столом с князь Федором; не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты, достойны казни” (Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 21. С. 430). В день коронации был пожалован в камер-юнкеры. С 1788 г. — гофмаршал, с 1795 г. — обер-гофмаршал. Сразу после похорон императрицы был выслан в деревню.

27. *...похищение дочери императрицы Елизаветы...* — Имеется в виду авантюристка, именовавшая себя княжной Таракановой. В 1774 г., находясь в Италии, она объявила себя дочерью Елизаветы Петровны, сестрой Пугачева и претенденткой на русский престол. Екатерина приказала А.Г. Орлову “схватить бродяжку”; он предложил княжне Таракановой свою руку и помощь, та доверилась ему и в Ливорно села на русский корабль, где была арестована и привезена в Петербург. В 1775 г. умерла от чахотки в Петропавловской крепости, так и не открыв тайны своего рождения.

28. *...как и Ивана...* — т.е. Иоанна Антоновича.

29. Бобринский Алексей Григорьевич (1762—1813). — Массон ошибочно называет его Василием. В 1774—1782 гг. учился в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. С 1782 г. — гвардейский офицер; путешествовал по России и Европе. К 1787 г. сумма его карточных долгов достигла нескольких миллионов рублей. В графское достоинство был возведен Павлом в 1796 г.; в ноябре того же года император объявил Бобринского в Сенате своим братом.

30. Курций Марк — римский юноша; согласно легенде, в 362 г. до н.э. принес себя в жертву благополучию сограждан, бросившись в трещину, которая возникла на Форуме. Гнев богов был смягчен, и трещина исчезла. Медаль в честь Г.Г. Орлова была отчеканена в 1771 г. Надпись на ней гласила: «Россия таковых сынов в себе имеет» (*Иверсен Ю.Б. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1880. Т. 1. С. 296.*)

31. Гатчинский замок — дворец (центральный корпус с двумя служебными, Кухонным и Конюшенным), выстроенный в 1766—1781 гг. по проекту А. Ринальди.

32. Иезекииль — библейский пророк, предсказавший падение Иудеи, явление Мессии; был убит одним из иудейских князей за обличение его в идолопоклонстве.

33. Васильчиков Александр Семенович (1744—1803) — в фаворе с конца 1772 по 1774 г.

34. *...офицер по фамилии Бауер...* — Возможно, речь идет о Карле Федоровиче Бауере (Боуре; 1767 — после 1811). В 1787 г. — подполковник, адъютант Потемкина; впоследствии генерал-лейтенант.

35. Де Линь Шарль Жозеф (1735—1814) — бельгийский принц; австрийский политический деятель и писатель. В 1780 и 1787 гг. приезжал с дипломатическими поручениями в Россию, заслужил расположение императрицы. В 1788 г. прикомандирован к армии Потемкина; участвовал в осаде Очакова.

36. Людовик XII (1462—1515) — французский король с 1498 г.

37. Фейяд Франсуа III (1631—1691) — герцог, маршал Франции (с 1675). Для достижения своих целей не пренебрегал самой грубой лестью в адрес короля. В 1686 г. на парижской площади Побед по его заказу была воздвигнута конная статуя Людовика XIV; под ней он велел приготовить место для собственной могилы. Вплоть до смерти маршала каждый вечер возле памятника зажигались фонари.

38. *...провел около года в столице...* — Потемкин находился в Петербурге с марта по июль 1791 г.

39. *Старый Репнин воспользовался его отсутствием...* — В продолжение второй русско-турецкой войны Н.В. Репнин оставался под началом Потемкина и вынужден был придерживаться строго оборонительной тактики. Во время пребывания Потемкина в Петербурге русские войска одержали победы при Сальчи, Мачине и штурмом взяли Анапу. 31 июля 1791 г. Репнин подписал предварительный вариант мирного договора с Турцией, допустив непростительную ошибку: торопясь присвоить себе честь окончания войны, согласился на слишком мягкие условия. Это вызвало гнев императрицы и Потемкина, так как в тот же день турецкий флот был разгромлен у мыса Калиакрия. Прибывший на юг Потемкин взял переговоры в свои руки. Ср.: «Хотя кн. Репнин слыл за государственного человека и любящего свое отечество, но в сем случае предпочел

личное свое лобочестие пользе государственной, не имея иной побудительной причины поспешить заключить мир, кроме того, чтобы его окончить до приезда светлейшего князя” (*Энгельгардт*. С. 124).

40. ...*учеником Мартэна...* — Репнин был масоном (мартинистом), последователем мистического учения, основания которого были сформулированы французским философом Луи Клодом де Сен-Мартэном (1743—1803). Репнин состоял с ним в переписке.

41. ...*везти себя в Очаков...* — Неточность: накануне решающей стадии переговоров о мире Потемкин приказал везти себя из Ясс в Николаев.

42. Меншиков Александр Данилович (1670/1673?—1729) — светлейший князь (с 1706), сподвижник Петра I, временщик при Екатерине I. Прославился как казнокрад и взяточник. В 1727—1728 гг. все состояние Меншикова было конфисковано, а сам он отправлен в ссылку.

43. Бирон Эрнест Иоганн (1690—1772) — граф, герцог курляндский, обер-камергер императрицы Анны. В октябре 1740 г. в силу ее завещания стал регентом при Иоанне Антоновиче, но через месяц был арестован и предан суду; приговорен к смертной казни, замененной ссылкой на Урал. В 1763 г. Петр III разрешил Бирону жить в Петербурге, возвратил ему ордена, а Екатерина восстановила его на курляндском престоле, от которого он отказался в пользу своего сына Петра в 1769 г.

44. Зорич Семен Гаврилович (ум. 1799) — протеже Потемкина, который весной 1777 г. представил его к назначению командиром лейб-гусарского эскадрона; осенью Зорич был уже генерал-майором, но вскоре решил покончить с зависимостью от покровителя, в результате чего в мае 1778 г. был удален от двора. Поселился в Шклове, где в 1780 г. его посетила императрица.

45. Кадетский корпус — Шкловское благородное училище, впоследствии переведенное в Москву и преобразованное в 1-й Московский кадетский корпус.

46. Артемиза (Артемизия) — жена карийского царя Мавсола (4 в. до н.э.), выстроившая ему пышную гробницу в Галикарнасе — мавзолее, в древности считавшийся одним из чудес света.

47. Зубов Валериан Александрович (1771—1804) — выдвинулся вместе со старшим братом Платоном. В 1793—1794 гг. командовал военным отрядом в Польше, где лишился ноги; прибыв в апреле 1795 г. в Петербург, явился к императрице в кресле на колесах. В 1796 г. был назначен главнокомандующим Персидского похода; по восшествии на престол Павел отозвал корпус Зубова в Россию.

48. Роклор Гастон Жан Батист (1617—1676/1683?) — маркиз, впоследствии герцог; играл при дворе роль шута. Его собственные и приписываемые ему анекдоты и остроты собраны в книге “*Aventures divertissantes du duc de Roquelaure*” (“Веселые приключения герцога Роклора”, Кельн, 1727).

49. Матрена Даниловна Теплицкая, по воспоминаниям современников, “была знакома императрице еще в то время, когда она была великой княгиней; родом из Ярославля. Государыня ее очень любит: она <...> хорошо шутит и ловко говорит. Ныне она богата: имеет каменный дом и много бриллиантов, и ходит все в государынинном платье, даваемым ею от нее, и всякий день во дворце <...>” (*Болотов А.Т.* Записки. Тула, 1988. Т. 2. С. 394—395; см. там же “анекдоты о шутихе” — С. 396). Ср. также: *Фон-Гецце П.П.* Записки // Рус. архив. 1902. Кн. 3. № 9. С. 69.

50. Нассау-Зиген Карл Генрих (1745—1805/1808?) — принц из германского владетельного дома — княжества Нассау. В 1788 г. принят на русскую службу адмиралом флота; уволен Павлом I.

51. ...*Екатерина была таким же философом, как и Тереза.* — Имеется в виду Тереза-философ, героиня одноименного непристойного романа, впервые вышедшего анонимно в 1749 г. и затем неоднократно переиздававшегося под именем маркиза д'Аржанса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. ...*от имени которого тридцать пять лет правила Россией.* — Н.И. Панин, один из главных участников переворота 1762 г., прямо высказывал Екатерине, что с устранением Петра III престол должен был быть представлен великому князю Павлу Петровичу, до совершеннолетия которого Екатерина была бы регентшей.

2. Герцог вюртембергский — Фридрих Вильгельм Карл (1754—1816), старший брат императрицы Марии Федоровны; состоял на русской службе и был выборгским генерал-губернатором, но из-за нерадения к службе и грубого обхождения с супругой, принцессой Августой Зельмирой Екатериной, которая жаловалась Екатерине II на своего мужа, не пользовался расположением императрицы и был уволен в конце 1786 г. Взяв с собою детей, принц уехал за границу, оставив жену при русском дворе; с 1797 г. — король вюртембергский.

3. Лагарп Фредерик Цезарь (1754—1838) — швейцарский политический деятель, республиканец; с 1784 г. — воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей. В 1795 г. ему было поставлено в вину начавшееся на его родине, в кантоне Во, восстание, имевшее своей целью добиться независимости от Берна, и он был вынужден покинуть Россию. После отъезда переписывался с Александром, в 1801 г. по его приглашению приезжал в Россию.

4. ...*брат Ивана III.* — У Иоанна Антоновича было два брата, родившихся в заключении в Холмогорах — Петр (1745—1798) и Алексей (1746—1787). Скорее всего, Массон имеет в виду Петра, так как ко времени написания “Записок” Алексей уже умер. Рождение детей Анны Леопольдовны тщательно скрывалось, они провели в ссылке более 36 лет. По кончине их отца, Антона Ульриха Брауншвейгского, датская королева Юлиана Мария, приходившаяся ему сестрой, решила облегчить участь своих племянников, брауншвейгских принцев, и в результате переговоров с Екатериной в 1780 г. они были вывезены в Данию (т.е. на полуостров Ютландию).

5. ...*обнародовав при своем короновании акт...* — Имеется в виду манифест о вступлении на престол Павла I — “Акт, Высочайше утвержденный в день священной коронации Его Императорского Величества...”, который был составлен великим князем Павлом Петровичем еще в январе 1788 г. и напечатан в Москве 5 апреля 1797 г.

6. *Екатерина I становится императрицей, потому что Меншиков имеет смелость так ее назвать...* — Петр I не успел назначить себе наследника. Когда он умер, его жена Екатерина Алексеевна (1684—1727), была возведена на престол А.Д. Меншиковым, который привел гвардейские полки в ночь с 27 на 28 января 1725 г. ко дворцу, где решался вопрос о престолонаследии.

7. *Петр II царствует по завещанию.* — Когда императрица Екатерина I заболела, Меншиков, надеясь сохранить свое влияние, составил завещание, которое она подписала: согласно этому завещанию, престол передавался внуку Петра I — царевичу Петру Алексеевичу (1715—1730), за которого Меншиков собирался выдать свою дочь (ввиду опалы Меншикова этот замысел не удался).

8. *Анна была избрана Советом...* — Анна Иоанновна (1693—1740), дочь Иоанна Алексеевича (брата Петра I) после смерти Петра II в 1730 г. была призвана к власти Верховным Тайным Советом, решившим, что из желания царствовать Анна пойдет на “кондиции”, то есть условия, ограничивавшие ее самодержавную власть. Однако при поддержке среднего дворянства Анна уничтожила подписанные кондиции, а Тайный Совет был упразднен.

9. *...дочь Елизаветы...* — См. примечание 27 к главе III; существовала также другая Тараканова — княжна Августа, которую принято считать дочерью Елизаветы Петровны и А.Г. Разумовского. Воспитывалась за границей, в 1785 г. по секретному указу Екатерины II была привезена в Москву, где в Ивановском монастыре приняла постриг под именем старицы Досифеи; жила там в совершенном одиночестве, прославив праведницей. Умерла в 1808 или 1810 г.; похоронена в Новоспасском монастыре в усыпальнице бояр Романовых.

10. *...держат... взперти в Тампле!* — Тамплъ (монастырь Тамплиеров) — старинное здание в Париже, которое после революции стало тюрьмой вместо Бастилии. Здесь был заключен Людовик XVI вместе с семьей.

11. *Филопеман* (153—183 до н.э.) — полководец ахейского союза; “последний из греков”, избранный в восьмой раз стратегом союза, обратил в бегство Дейнократа, главу олигархии, поддерживаемой римлянами; раненый, был взят в плен и отравлен в Мессене.

12. *Игнатий Потоцкий* (ум. в 1809 г.) — великий маршал литовский, дипломат, активный участник Сейма, сторонник прусской ориентации, один из создателей Конституции 3 мая 1791 г. После восстания 1794 г., вернувшись из эмиграции, стал министром иностранных дел повстанческого правительства. Когда движение было подавлено, Потоцкий попал в плен и был заключен в Шлиссельбурге; в 1796 г. освобожден Павлом.

13. *Унгерн-Штернберг Карл Карлович* (1730—1799) — барон, генерал-адъютант Петра III; позднее служил под начальством Румянцева, осенью 1773 г. в чине генерал-поручика руководил неудавшимся штурмом Варны.

14. *...автор “Жизни Екатерины II”...* — по-видимому, Ж. Кастера (см. выше).

15. *Аракчеев Алексей Андреевич* (1769—1834) — выпускник Артиллерийского и инженерного корпуса, своим начальником П.И. Мелиссино был рекомендован Н.И. Салтыкову, который пригласил его преподавать артиллерию молодым Салтыковым. Вскоре был представлен Павлу, переведен в гатчинское войско, а затем назначен комендантом Гатчины; с осени 1796 г. — петербургский комендант, майор Преображенского полка; барон с 1797 г., граф с 1799 г. В конце 1798 г. назначен генерал-квартирмейстером, с начала 1799 г. — инспектор всей артиллерии. Осенью 1799 г. отставлен Павлом от службы с запрещением въезжать в столицу. Возвращен Александром

ром I в 1803 г., позднее приобрел чрезвычайное влияние на императора и все государственные дела.

Массон был лично знаком с Аракчеевым. В другом месте записок Массона находим следующий эпизод, относящийся к ноябрю 1796 г.: “Я рассказал молодым графам Салтыковым о положении дел и спросил у них, что следует делать, чтобы выручить моего брата [А. П. Массона] из рук инквизиции. Вследствие этого я поспешил отправиться к Аракчееву, генерал-адъютанту императора, внезапно сделавшемуся его любимцем. Он был моим старинным приятелем по кадетскому корпусу и учителем молодых графов, служил под начальством моего брата и сохранил к нему уважение <...> Он всегда выказывал мне свое дружеское расположение, знаки внимания с моей стороны также были ему приятны. Я рекомендовал Аракчеева министру [Н.И. Салтыкову] в качестве учителя фортификации для его сыновей, что и явилось причиной его стремительного возвышения. Я поехал к нему и застал его еще бодрствующим; он был окружен офицерами всех родов войск, которые сопровождали его из царских покоев после отхода государя ко сну. Он провел меня к себе в кабинет, но, как я его ни просил, не согласился замолвить слово в защиту моего брата. Он повторял, что, решив однажды не вмешиваться ни в какие дела, кроме непосредственных его обязанностей по военной службе, он не может входить ни во что, связанное с двором и политикой. Затем, сказав, что он устал и его клонит ко сну, он пожелал мне доброй ночи и удалился в спальню. На обратном пути я размышлял о дружбе и о внезапной перемене в человеке, который еще три дня назад стал бы уверять меня в своей привязанности” (*Masson Ch. Memoires secrets sur la Russie pendant les regnes de Catherine et de Paul I. Paris, 1804. Vol. 4. P. 297—298*).

16. ...за чтением “Жизни Жамере Дюваля” и его переписки с т-ле Соколовой... — Имеется в виду книга “Oeuvres de Valentin Jamerai Duval” (СПб., 1784; 2 тома), содержащая воспоминания Жамере Дюваля (1695—1775), хранителя кабинета медалей и библиотеки в Вене, и его переписку с Анастасией Ивановной Соколовой (1741—1822), камер-юнгфер Екатерины II, побочной дочерью или воспитанницей И.И. Бецкого (ее мужем был И. де Рибас).

17. Нелидова Екатерина Ивановна (1758—1839) — выпускница Смольного института, с 1776 г. — фрейлина Марии Федоровны, супруги Павла. Нелидова имела большое влияние на Павла, откровенно высказывала свои мнения, не боясь возбудить его гнев.

18. Архаров Николай Петрович (1740/1742?—1814) — с 1771 г. московский обер-полицеймейстер, в 1782 г. назначен московским губернатором. С 1784 г. — генерал-губернатор Тверского и Новгородского наместничеств, с 1790 г. — директор водных коммуникаций. Павел произвел его в генералы от инфантерии, в 1796 г. при оставлении прежних должностей — в Санкт-Петербургские генерал-губернаторы, но в следующем году он попал в опалу и был выслан в свои тамбовские поместья.

19. Хогарт Вильям (1697—1764) — английский живописец и гравер, автор широко известных юмористических рисунков и карикатур.

20. Терский Аркадий Иванович (1732—1815) — в 1780—1792 гг. генерал-рекетмейстер: на нем лежало рассмотрение жалоб на судебную несправедливость

и волокиту и прошений на Высочайшее имя. Был уволен с вступлением на престол Павла.

21. Витворт Чарльз (1760—1824) — английский посол в Петербурге в 1788—1800 гг. После смерти Екатерины ему удалось войти в милость к новому императору; Павел даже ходатайствовал перед английским королем Георгом III о пожаловании ему перстца, но к тому времени, когда желание императора было уважено, Витворт уже подвергся опале у Павла I и должен был уехать из России.

22. Гауенцин — граф, прусский посланник при русском дворе в первой половине 1790-х гг. (см. о нем: Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 13. С. 360—361).

23. Князь Георгий Голицын — предположительно Юрий Михайлович Голицын (род. в 1728), полковник (с 1759).

24. Монбельяр — столица небольшого графства в Вогезах (в настоящее время часть французской территории на границе со Швейцарией). Собственность вюртембергского дома — с конца XIV в., владение отца Марии Федоровны, Фридриха Евгения — с 1769 г.; в 1793 г. отошло к Франции. Павел Петрович с супругой посетили Монбельяр и находящийся неподалеку городок Этюп (родину великой княгини Марии Федоровны) осенью 1782 г., когда путешествовали по Европе.

25. ...термином “революция”, говоря о движении звезд... — Во французском языке первое значение слова *revolution* — оборот, вращение (звезд, Луны).

26. Сен-Жермен Клод Луи (1707—1778) — французский государственный деятель, военный министр с 1775 г., проводивший реформы в армии по прусскому образцу.

27. ...звучат как рифмованная пословица... — “Пудра не порох, / Букли не пушки. / Коса не тесак. / Я не немец, а природный русак” (Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 689).

28. Была она [Екатерина] и великая слава русских (лат.)

29. ...молодым королем прусским его министрам... — Имеется в виду Фридрих Вильгельм III (1770—1840), вступивший на престол в 1797 г. Фосс и Фридрих Леопольд Шреттер (1743—1815) были министрами при его дворе.

30. ...с войсками на усмирение нескольких селений... — Речь идет о событиях 1797 г., когда в основном обошлось без военных действий, “только в деревне Брасове Орловской губернии Репнину пришлось, не ограничиваясь увещаниями, употребить силу” (Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 102).

31. Фридрих Вильгельм I (1688—1740) — прусский король с 1713 г.

32. “Когда кому-нибудь хотим мы подразжать... и кашлять, и плеватьсь”. — Стихи из комедии Мольера “Ученые женщины” приведены в переводе С.М. Городецкого (Мольер Ж.Б. Полн. собр. соч.: В 2 т. СПб., 1913. Т. 2. С. 466).

33. ...у возрожденной нации. — Речь идет о Франции.

34. За этим турком, которого зовут Иван Павлович... — Кутайсов Иван Павлович (1759—1834), пленный турок, взятый ко двору в царствование Екатерины II, служивший камердинером и “брадобреем” у великого князя. Ловкий и проницательный Кутайсов вошел в доверие к Павлу, который по вступлении своем на престол сделал его гардеробмейстером. К осени 1798 г. с помощью Безбородко и Ростопчина Кутайсов сумел подорвать влияние императрицы и Нелидовой на Павла и вскоре получил графский титул и звание обер-шталмейстера.

35. **Тарквиний** — Луций Тарквиний Гордый, с 534 г. до н. э. римский царь; показал себя гордым властителем, особенно строгим к патрициям и сенату, власть которых старался ослабить. Насилиями и несправедливыми казнями возбудил против себя неудовольствие народа и был изгнан в 510 г. до н. э.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. *Фридрих I столько же отличался великолепием и учтивостью, как его сын — мелочной бережливостью и грубостью...* — Фридрих III, бранденбургский курфюрст с 1688 г., занял прусский престол под именем Фридриха I в 1701 г. Его сын Фридрих Вильгельм I (см. выше) вынужден был после смерти отца, известного своей расточительностью, приводить в порядок дела казны.

2. **Великий король** — Фридрих II.

3. **Эпинус Франц Ульрих Теодор** (1724—1802) — немецкий математик, с 1757 г. — профессор высшей математики и физики Петербургской Академии наук. В 1763 г. Екатерина познакомилась с Эпинусом и некоторое время спустя назначила его воспитателем Павла.

4. **Сенека Луций Анней** (ок. 4 до н.э. — 65 н.э.) — философ-стоик, поэт, воспитатель Нерона. Первоначальное доверие Нерона постепенно сменилось ненавистью к наставнику. Обвиненный в участии в заговоре Пизона, Сенека был осужден на смерть, выбор которой был предоставлен на его усмотрение: он вскрыл себе вены в 65 г. н.э.

5. **Бурр Афраний** — префект преторских когорт при императоре Клавдии; как и Сенека, сначала имел влияние на Нерона. Решительно отказался помогать ему в отравлении его матери Агриппины и жены Октавии. Скончался в 63 г., вероятно отравленный Нероном.

6. **Лопухина Анна Петровна** (1777/1778?—1805) (в замужестве княгиня Гагарина) — дочь П.В. Лопухина, генерал-прокурора с осени 1798 г.; камер-фрейлина и кавалерственная дама. Будучи в Москве весной 1798 г., Павел пленился А.П. Лопухиной, которая вскоре переехала с отцом в Петербург. Тогда же возвысился Кутайсов, интриговавший против Нелидовой, — все это привело к ее опале с лета 1798 г.

7. *...о возвращении из ссылки Бирона, Миниха и Лестока...* — Бирон вернулся в Петербург в царствование Петра III, который возвратил ему все ордена; курляндский престол был отдан ему позже благодаря хлопотам Екатерины. Миних Бурхард Христофор (1688—1767) — фельдмаршал, первый министр Анны Леопольдовны; после восшествия Елизаветы Петровны был отправлен в ссылку. Восстановлен во всех правах в 1762 г. указом Петра III. Лесток Иоганн Герман (1692—1767) — граф, французский эмигрант, приехавший в Россию в 1713 г. в качестве личного врача Петра I. Принимал участие в восшествии на престол Елизаветы Петровны, которая к нему благоволила. В ноябре 1748 г. по обвинению в государственной измене приговорен к смертной казни, но, получив помилование, сослан в Углич, затем — в Великий Устюг; освобожден Петром III, возвратившим ему чины и конфискованное имущество.

8. Отец даровал русским дворянам естественные права... — 18 февраля 1762 г. был обнародован указ Петра III, освобождавший дворянство от обязательной службы.

9. Царь Федор даже повелел сжечь грамоты, посредством которых некоторые семейства хотели получить превосходство над другими. — В 1682 г. правительством царя Федора Алексеевича (1661—1682) было уничтожено местничество; для того чтобы положить конец обычаю бояр и дворян считаться службой предков при занятии должности, были сожжены разрядные книги.

10. ...стричь свои священные бороды... — По восшествии на престол Петр III настаивал на том, чтобы из церквей были убраны все иконы, кроме образов Спасителя и Богоматери, священнические облачения — заменены пасторскими сюртуками, а сами священники обрили бы бороды. Эти намерения императора вызвали крайнее возмущение духовенства, передавшееся широким слоям населения.

11. Некий часовой... начали строить церковь и новый дворец, посвященные его святейшему архангелу Михаилу. — Эта история существует не в одной мемуарной записи. Ср.: «С самого начала царствования Павла I рассказывали, что часовой в Летнем дворце видел Михаила Архангела и даже имел с ним разговор, точный смысл которого не был известен. Как бы то ни было, Летний дворец решено было сломать и государь <...> положил первый камень в фундамент Михайловского дворца, на том же самом месте, где был Летний дворец” (*Головина В.Н.* Мемуары. М., 1911. С. 201; далее в ссылках — *Головина*). “Сперва не хотел никто тому верить, что он [часовой] и сержанту, а потом и караульному офицеру самое то же под клятвю рассказывал, то сочли они за нужное <...> довести историю сию и до самого государя” (*Болотов А.Т.* Записки очевидца. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 1989. С. 255). Закладка Михайловского замка состоялась 26 февраля 1797 г., замок был совершенно готов к 8 ноября 1800 г., когда и был торжественно освящен в присутствии императора. Тогда же освятили находящуюся при нем церковь Архангела Михаила, построенную по проекту архитектора В. Бренна.

12. ...уничтожение политического сыска, установленного Елизаветой. — Массон заблуждается: еще в царствование Анны Иоанновны (в 1730 г.) была образована Канцелярия тайных разыскных дел, куда перешли все дела из Преображенского приказа, созданного еще при Петре I. В ее ведении состояли политические дела на всей территории России. Распоряжения канцелярии были обязательны для всех центральных и местных учреждений. В 1732 г. она была переведена в Петербург, а ее глава А.И. Ушаков получил право ежедневного доклада императрице.

13. Последнее событие... подтвердило мое мнение. — Речь идет об убийстве Павла 11 марта 1801 г.

14. Линденер Федор Иванович — настоящая фамилия Липинский, которую он изменил на немецкий лад, по словам А.П. Ермолова, “из своих видов” (*Ермолов А.П.* Записки. М., 1991. С. 433); подполковник, по восшествии на престол Павла I произведен в генерал-майоры и инспекторы кавалерии. Как свидетельствует А.С. Шишков, Линденер был “наушником”, повлиявшим не на одну судьбу людей из окружения Павла (*Шишков А.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 71). В 1794 г. Ф.В. Раstopчин характеризовал его следующим образом: “Этот двор [в Павловске] имеет также при себе подполковника Линденера, заурядного типа, которого распирает от самолюбия, проистекающего из бывшего увлечения его высочества [Павла Петровича]. Это человек очень опасен, ибо

он недоверчивый, а господин легковерный и вспльщивый” (Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 8. С. 94).

15. *...искусства, в которых она блистает талантами...* — Известно, например, что Мария Федоровна подарила камердинеру Екатерины II Секретареву “янтарные пуговицы к манишке, выточенные ею самой” (Рус. старина. 1874. № 10. С. 154).

16. *Мирабо Оноре Габриель Рикетти (1749—1791)* — граф, деятель французской революции, знаменитый оратор. В начале 1786 г. послан в Пруссию с тайным дипломатическим поручением, блистательно исполненным. Из Пруссии отправил министру Калонну письма (изданы в 1789 г.) под названием “Секретная история Берлина, или Письма французского путешественника...”. В XXII письме от 8 сентября 1786 г. Мирабо приводит анекдот шестилетней давности о некоем юноше: желая служить при русском дворе, он добился представления великой княгине. Та просила за него Павла. Но вскоре стало известно о его влюбленности в одну даму, у которой он часто бывал, и великая княгиня, уединясь с ним на маскараде, предупредила о смертельной опасности, грозящей ему, и о необходимости оставить службу и вернуться во Францию. В знак прощания она подарила этому молодому человеку ленту со своего черного домино.

17. *Бенкендорф Анна Юлиана, урожденная Шиллинг фон Канштадт (ум. в 1797)* — подруга детства Марии Федоровны, вместе с которой воспитывалась. Приехала в Петербург из Штутгарта. Находясь при дворе великой княгини, попала в немилость Павла Петровича, однако вновь была призвана ко двору по вступлении его на престол. Замужем за майором гатчинских войск Х.И. Бенкендорфом, в будущем генерал-лейтенантом, затем военным губернатором Риги.

18. *Телемак* — главный герой сочинения Франсуа Фенелона (1651—1715) “Приключения Телемака” (1699). В этом воспитательном романе под именами мифологических персонажей выведены исторические лица: Людовик XIV (Идоменей), его внук герцог Бургундский (Телемак) и воспитатель дофина, сам Фенелон (Ментор). В XVIII в. сочинение Фенелона было чрезвычайно популярно и многократно переводилось в России (один из переводов, вышедший в 1786 г. и выполненный И.С. Захаровым, посвящен великим князьям Александру и Константину).

19. *...он отнял у него его полк, чтобы дать другой...* — Приказом от 7 ноября 1796 г. великий князь Александр Павлович был переведен из Екатеринославского полка в Семеновский и определен полковником.

20. *Так поступил великий князь Константин.* — Ср.: “<...> великий князь Константин приходил завтракать к своей невесте ежедневно в десять часов утра. Он приносил с собой барабан и трубы и заставлял ее играть на клавишине военные марши, аккомпанируя ей на этих шумных инструментах. Это было единственное изъятие любви, которое он ей оказывал” (Головина В.Н. Указ. соч. С. 129).

21. *Бабушка приказала посадить его на гауптвахту.* — По-видимому, после этого события Екатерина писала Н.И. Салтыкову (29 августа 1796 г.): “Мне известно бесчинное, бесчестное и непристойное поведение его в доме генерал-прокурора [Самойлова], где он не оставлял ни мужчину, ни женщину без позорного ругательства, даже обнаружил и к вам неблагодарность, понося вас и жену вашу, что столь нагло и постыдно и бессовестно им произнесено было — что не только многие из наших, но даже

и шведы без соблазна, содрогания и омерзения слышать не могли. Сверх того, он со всякою подлостью везде, даже и по улицам, обращается с такой непристойной фамильярностью, что я того и смотрю, что его где ни есть прибьют к стыду и крайней неприятности” (Цит. по: *Карнович Е.П.* Цесаревич Константин Павлович. СПб., 1899. С. 33).

22. *Отец Зубова...* — Александр Николаевич Зубов (1727—1795) до возвышения своего сына имел чин статского советника. Благодаря влиянию сына в 1792 г. получил назначение обер-прокурором в 1-й департамент Сената. В 1793 г. возведен в графское достоинство, как и вся семья фаворита. Был известен взяточничеством.

23. Эстергази Валентин (1787—1838) — граф, уполномоченный французских принцев в России; “корыстолюбивый царедворец” (*Головкин Ф.Г.* Двор и царствование Павла I. М., 1912. С. 398, ср.: *Головина.* С. 86).

24. *...путешествие в Гатчину...* — Имеется в виду Н.А. Зубов.

25. Грибовский Адриан Моисеевич (1766—1833) имел репутацию кутилы и мота; начинал карьеру казначеем приказа общественного призрения в Петрозаводске; с 1787 г. — сотрудник канцелярии Потемкина. Будучи с 1792 г. управляющим канцелярией П.А. Зубова, пользовался расположением начальника, получил доступ в покои императрицы; с 1793 г. полковник, с 1795 г. статс-секретарь. После смерти Екатерины был заключен в Петропавловскую крепость, в 1799 г. — в Шлиссельбургскую, освобожден в 1801 г. Александром I.

26. *...посол Болкунов...* — Так Массон передает фамилию Якова Ивановича Булгакова (1743—1809) — дипломата, с 1762 г. служившего в Коллегии иностранных дел, в 1781 г. назначенного чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополь. В 1787 г. в связи с осложнением русско-турецких отношений по приказанию султана заключен в крепость, освобожден в 1789 г. По возвращении в Россию определен послом в Варшаву; деятельность Булгакова на этом посту вызвала недовольство П.А. Зубова, в 1792 г. он был отозван в Петербург. С воцарением Павла получил назначение губернатором в Вильно и Ковно; в отставке с 1799 г.

27. Головин Николай Николаевич (1756—1820) — граф, с 1780 г. полковник, позднее маршал; в 1796—1799 гг. обер-гофмейстер двора великого князя Александра; с 1799 г. президент почты; муж мемуаристки В.Н. Головиной, урожденной Голицыной.

28. *Он был сыном попа...* — Отец А.М. Грибовского был есаулом напольного полка Малороссийского казачьего войска.

29. Копьев Алексей Данилович (1767—1846) — адъютант П.А. Зубова, драматург, мастер мистификаций и розыгрышей. Однажды он решил посмеяться над павловской формой: заказал себе обмундирование, утрировав характерные детали нововведенного образца, и в таком виде явился в Москву, куда был послан с приказами. Когда об этом стало известно Павлу, Копьева разжаловали в солдаты и отправили в гарнизонный полк в Финляндию. Подробнее о Копьеве см. в воспоминаниях Н.И. Греча и Ф.Ф. Вигеля (*Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 149—150; *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 1892. Ч. 3. С. 159—163).

30. *...вести в Персии войну...* — В 1795 г. Платон Зубов представил Екатерине план завоевания Персии. После того как Суворов отказался принять начальство над войс-

ками, главнокомандующим стал Валериан Зубов. Военные действия, сразу же обнаружившие всю несостоятельность проекта, остановила только смерть Екатерины.

31. ...с юными принцессами курляндскими... — Вероятно, речь идет о внучках герцога курляндского Э.И. Бирона, дочерях Петра Бирона (1724—1800) от третьего брака. Внимание Зубова привлекла старшая принцесса, Катерина Фредерика (р. 1781). Их мать — красавица Анна Шарлотта Доротея, урожденная Медем (1761—1821). В 1795 г. П. Бирон подписал отречение от герцогства в пользу России, получив за это огромную пенсию — 50 тысяч червонных в год — и тем обеспечив будущее своих дочерей. В ноябре 1795 г. отдельным указом была образована Курляндская губерния; делами по ее устройству занимался П.А. Зубов.

32. ...наставник юных великих князей... — Фраза оборвана во французском тексте “Записок”.

33. Старый вице-канцлер Остерман... роль, какую его отец играл в царствование Анны... навлек на себя немилость Елизаветы. — В конце 1796 г. И.А. Остерман был назначен государственным канцлером, но через год уволен в отставку. Его отец, Андрей Иванович Остерман (1686—1747), пользовался благоволением Анны Иоанновны; после событий 1730 г. возведен в графское достоинство; в звании первого кабинет-министра (с 1734) фактически руководил при Анне внешней и внутренней политикой. По воцелении Елизаветы Остерман был присужден к смертной казни, которая была заменена ему ссылкой в Березов, где он и прожил последние 5 лет своей жизни.

34. ...трагической актрисе Гюс, которая пытается... сделать уважаемым звание матери... — У Гюс было две дочери от Моркова (Грибовский А.М. Записки о Императрице Екатерине Великой. М., 1864. С. 16). По другим сведениям, детей было больше, но к 1801 г. “все они умерли, кроме одной дочери [Варвары], которой Император [Александр] позволил носить титул графини Морковой” (Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 28).

35. Куракин Алексей Борисович (1759—1829) — после воцарения Павла действительный камергер; генерал-прокурор, с осени 1798 г. в опале.

36. Ленуар Жан (1732—1807) — с 1774 г. начальник парижской полиции; известен тем, что открыл школу пекарей, ввел систему уличного освещения и другие полезные новшества.

37. Сартин Антуан (1729—1801), граф д’Альби — генерал-лейтенант полиции в 1759—1774 гг., заботился о чистоте и безопасности улиц.

38. Сеян Луций Элий — могущественный префект преторского конвоя при императоре Тиберии, известен насилием и коварством; казнен в 31 г.

39. ...был чужим в своем семействе, как Лафонтен. — Жан де Лафонтен (1621—1695), знаменитый французский баснописец, в 1647 г. по настоянию отца женился на пятнадцатилетней девушке. Большую часть жизни он провел в Париже, не вспоминая о своей семье. Лишь изредка под влиянием уговоров он навещал жену и детей; встретившись однажды со своим взрослым сыном, он не узнал его.

40. ...представиться отцу и быть им принятым. — Сыновья П.А. Румянцева неоднократно испытывали на себе суровый характер отца. С.П. Румянцев был назначен послом в Швецию в июне 1793 г. и весьма способствовал укреплению отношений России с Швейцарией, но его положение осложнялось делом Армфельда, которое старались за-

мять в России. В августе 1794 г. Румянцев прибыл в Петербург, чем вызвал гнев отца, который не хотел его видеть, несмотря на заступничество П.В. Завадовского.

41. Д'Артуа (1757—1836) — Карл X, французский король с 1824 г., брат Людовика XVI. С начала революции — с июля 1789 г. — в эмиграции, хлопотал перед иностранными дворами о вооруженном вмешательстве во французские дела; весной 1793 г. приезжал в Петербург и безуспешно пытался вовлечь Екатерину в состав антифранцузской коалиции.

42. *...резня русских в Варшаве...* — Речь идет о польском восстании 1794 г., начавшемся в Варшаве. Русские войска, захваченные врасплох, не оказали сопротивления и понесли большие потери.

43. Каменский Михаил Федорович (1738—1809) — участник Семилетней и обеих русско-турецких войн. Когда в 1791 г. заболел Потемкин, главнокомандующим стал М.В. Каховский, а не Каменский. Ссылаясь на старшинство, последний отказался повиноваться Каховскому и вышел в отставку. В 1796 г. Павел назначил его начальником Финляндской дивизии. Вскоре он был произведен в генерал-фельдмаршалы, что не помешало ему впасть в немилость: он был уволен и уехал в деревню.

44. Салтыков Иван Петрович (1730—1805) — участник Семилетней войны и русско-турецкой войны 1768—1774 гг. В 1773 г. — генерал-поручик, командовал крупным соединением в армии Румянцева. В 1790 г. назначен главнокомандующим сухопутных войск в войне со шведами. В 1795 г. вышел в отставку. При Павле вновь принят на службу: генерал от кавалерии, шеф кирасирского полка, киевский губернатор и инспектор кавалерии. С 1797 г. — генерал-губернатор Москвы.

45. *Аттила... не был... столь жесток.* — Ср. с утверждением Д.В. Давыдова в очерке “Встреча с великим Суворовым”, написанном отчасти как ответ “порицателям” великого полководца: “Многие указывают на Суворова как на человека сумасбродного, невежду, злодея, не уступавшего в жестокости Аттиле и Тамерлану, и отказывают ему даже в военном гении” (*Давыдов Д. Сочинения. М., 1962. С. 167*). Аттила (ум. ок. 453) — предводитель гуннов, угрожавших в первой половине V в. существованию Западной Римской империи; получил прозвище “бич Божий”.

46. *“Каменский знает войну... ни сам ей неизвестен”.* — Это изречение Суворова известно в другом варианте: “Я не знаю тактики, да тактика знает меня, а Ивашка [Салтыков] не знает ни тактики, ни практики. С военным делом незнаком и сам ему неизвестен” (*Суворов А.В. Указ. соч. С. 491; ср.: Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884. Т. 1. С. 166; Мир музея. 1995. № 4. С. 31—32*).

47. Ферзен Иван Евстафьевич (1747—1799) — барон, с 1793 г. — граф; осенью 1794 г. в сражении при Мацейовицах нанес поражение польским повстанцам и взял в плен Костюшко. Со вступлением на престол Павла уволен в отставку, но уже в конце 1797 г. вновь принят на службу. В 1798 г. произведен в генералы от инфантерии, однако в том же году вышел в отставку.

48. Шарет — Франсуа Атанас Шарет де ла Контри (1763—1796) — один из предводителей вандейского мятежа против республики: в 1795 г. войска его были разбиты, в 1796 г. он был ранен, пленен и расстрелян. Письмо Суворова к нему от 1 октября 1795 г. из Варшавы см.: *Суворов А.В. Указ. соч. С. 296—297*.

49. ...он, галый, в одной сорочке... пел три раза петухом... — Ср.: “За полчаса до полуночи меня с братом разбудили, чтобы видеть Суворова <...> потому что ученье началось за час до рассвета, а в самую полночь, как нас уверяли, он выбежит нагой из своей палатки, ударит в ладоши и прокричит петухом: по этому сигналу трубачи затрубят “генерал-марш”, и войско станет седлать лошадей, ожидая “сбора”, чтобы садиться на них и строиться для выступления из лагеря. Но <...> мы не слышали ни хлопанья в ладоши, ни крика петухом. Говорили потом, что он не только в ту ночь, но никогда, ни прежде, ни после, сего не дельвал и что все это была одна из выдумок и увеличений разных странностей, которые ему приписывали” (Давыдов Д. Указ. соч. С. 177).

50. ...рассорился с женой, не пожелал признать сына... — Варвара Ивановна Суворова, урожденная Прозоровская (1750—1806), была красивой и светской женщиной, но, увы, неверной своему мужу. Суворов был вынужден с ней разехаться, в завещании 1797 г. он отказал “все благоприобретенные деревни дочери Наталье, а все родовое и пожалованные за службу — сыну Аркадию, которого долго не признавал своим” (см.: Суворов А.В. Указ. соч. С. 497). Аркадий Александрович Суворов (1784—1811) — в 1795 г. был принят на службу в гвардию, зачислен в камер-юнкеры к великому князю Константину; с 1797 г. жил у своего родственника Д.И. Хвостова. В 1799 г. отправлен Павлом в Италию, вместе с отцом проделал Итальянский и Швейцарский походы, после чего произведен в генерал-майоры и генерал-адъютанты; впоследствии генерал-лейтенант; утонул, переправляясь через разлившийся Рымник.

51. ...князей Горчаковых... — Алексей Иванович Горчаков (1769—1817) с 1788 г. состоял адъютантом при Суворове; генерал от инфантерии (1814), в 1812—1815 гг. — военный министр. Его брат Андрей (1779—1855) в 1797 г. по протекции дяди был назначен флигель-адъютантом, сопровождал Суворова в Итальянском и Швейцарском походах.

52. Суворова Наталья Александровна (1775—1855) в 1779 г. была помещена отцом в Смольный монастырь. С 1791 г. — фрейлина Екатерины; в 1795 г. вышла замуж за Н.А. Зубова.

53. ...эти четыре многочисленных полка... — Имеются в виду старейшие русские полки (лейб-гвардейские): Преображенский, Семеновский (сформированы в 1690-х годах), Измайловский и Конный (1730).

54. Два князя Куракина... — Об Алексее Куракине см. выше. Александр Борисович Куракин (1752—1818) воспитывался под руководством Н.И. Панина вместе с великим князем Павлом Петровичем, с которым он вошел в тесную дружбу. В царствование Екатерины близость к цесаревичу была причиной его удаления в деревню; по восшествии на престол Павла назначен вице-канцлером.

55. Чичисбей — придворный, сопутствующий знатной даме. Понятие возникло в XVIII в. в Италии и обозначало друга дома.

56. Несвицкий — предположительно Иван Васильевич Несвицкий (1740—1804/1806?), князь, тайный советник, в день воцарения Екатерины пожалован камер-юнкером, обер-шенк; в коронацию Павла получил Андреевскую ленту, в 1797 г. награжден орденом св. Анны.

57. Растопчин (Ростопчин) Федор Васильевич (1763—1826) быстро пошел в гору после восшествия на престол Павла: кабинет-министр по иностран-

ным делам, первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел, член Военной коллегии, директор почтового департамента, член совета при императоре; в 1799 г. возведен в графское достоинство.

58. *...обязан своим фавором очень ловкому письму...* — Речь идет о письме Ростопчина, написанном летом 1794 г. обер-камергеру. По свидетельству В.Н. Головиной: «Летом случилась довольно оригинальная история. Согласно разрешению императрицы, данному камергерам, оставаться сколько им угодно в Царском Селе, они забросили свою службу в Павловске и вследствие этого Ростопчин, находившийся там, не мог никуда оттуда уехать. Выведенный из терпения этой особой ссылкой, он решился написать циркулярное письмо, довольно колкое, в форме вызова на дуэль всем своим коллегам. Это письмо было составлено так, чтобы осмеять каждого, разбирая подробно мотивы его небрежности <...> Эта история дошла до государыни, и она, желая дать пример, сослала Ростопчина в свое имение с женой» (Головина. С. 117–118).

59. Шувалов Павел Андреевич (1777–1823) — сын А.П. Шувалова (см. выше), генерал-адъютант Павла I.

60. Бярятинский Иван Иванович (1767–1826) — сын И.С. Бярятинского, ординарца при Елизавете Петровне и флигель-адъютанта Петра III; с 1780 г. — адъютант Потемкина, с 1790 г. — камер-юнкер, с 1804 г. — тайный советник, в 1808–1812 гг. — посланник и полномочный министр в Мюнхене.

61. *Эти язвительные выражения... потребовали у Ростопчина объяснений.* — «Жалоба» Ростопчина чуть не привела к дуэли. В.Н. Головина пишет: «Все эти господа обиделись и пожелали драться с Ростопчиным, который принял вызов и попросил моего мужа [Н.Н. Головина] быть секундантом. Князь Михаил Голицын и граф [П.А.] Шувалов должны были драться первыми. Назначили свидание, но они оказались настолько расудительными, что муж воспользовался их мирным настроением и окончил дело полюбовно. Постарались также успокоить князя Бярятинского <...>» (Головина. С. 118). 20 июля 1794 г. Ф.В. Ростопчин извещал С.Р. Воронцова: «Привязались к письму, которое я написал <...> обер-камергеру, чтобы пожаловаться на товарищей по службе, из которых ни один не хочет служить. Правда, что я по своей резкости назвал некоторых повесами <...> Они впятером потребовали опровержения моего письма. Потом, в тот же день, каждый из них мне предложил драться или отказаться от своих слов <...> Заметьте, что это письмо она сама [Екатерина II] читала, смеялась над ним и говорила о нем со мной <...>» (Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 8. С. 98–99).

62. Плещеев Сергей Иванович (1752–1802) появился при дворе в середине 1780-х гг.; в 1794 г. удален Павлом, в 1796 г. во время первой опалы Нелидовой приближен вновь вместе с женой Наталией (в ней Павел желал одно время найти замену Нелидовой). В 1798 г. произведен в вице-адмиралы и назначен «состоять при особе его величества». В следующем году, однако, снова впал в немилость и был выслан в Москву.

63. Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1751–1829) — статс-секретарь Павла, поэт. Осенью 1798 г. отставлен от службы, возвращен в конце 1800 г.; тайный советник и сенатор.

64. Николаи Генрих Людвиг (Андрей Львович) (1737/1747?–1820) — уроженец Страсбурга, писатель, губернёр сыновей графа К.Г. Разумовского, с

которыми в 1764 г. путешествовал по Англии. Отзывы Разумовских обратили на него внимание Панина, который, написав письмо в Англию, пригласил Николаи преподавателем к Павлу. В 1773 г. назначен секретарем великой княгини Натальи Алексеевны. Состоял в свите цесаревича Павла, отправившегося в Берлин свататься к принцессе Софии Доротее, сопровождал великого князя с супругою в 1781 г. в путешествии по Европе; член кабинета Его Величества, секретарь императрицы Марии Федоровны. С 1798 по 1803 г. — президент Академии наук.

65. Ариосто Лодовико (1474—1533) — один из величайших поэтов итальянского Возрождения, автор поэмы “Неистовый Роланд”.

66. Донауров (Данауров) Михаил Иванович (1758—1817) — в 1780-х гг. обер-секретарь и библиотекарь при Павле, после его воцарения генерал-майор; с 1797 г. — управляющий кабинетом Его Величества.

67. ...крещение по французскому обычаю... — Имеются в виду “обеда королей”, принятые на Западе в праздник крещения (6/19 января), на которых по традиции подавали пирог с запеченным бобом: тот, кому достается боб, становится “королем” обеда.

68. Бальдонские воды — курорт с сернистым источником в Курляндской губернии.

69. ...свою жену... — Наталья Владимировна Салтыкова, урожденная Долгорукова (1736—1812), имела репутацию “женщины гордой, вздорной, бранчливой и халды” (Болотов А.Т. Записки. Тула, 1988. Т. 2. С. 425—426).

70. ...пошлют в Сен-Дени, чтобы он там замещал шпагу Карла Великого... — В аббатстве Сен-Дени осенью 1793 г. была разорена королевская усыпальница, так называемая часовня Карлов: часть некрополя была уничтожена, знаменитые скульптуры разрушены.

71. Юсупов Николай Борисович (1750—1831) — князь, сенатор, меценат. С 1783 по 1789 г. — посланник в Турине; с 1791 по 1799 г. — директор императорских театров (состоя в этой должности, ввел ряд полезных новшеств в устройстве театра); с 1796 г. — действительный тайный советник, тогда же ему было поручено принять в свое ведение императорский Эрмитаж; с 1797 г. — главный директор Мануфактур-коллегии.

72. Морков будет послан министром в Париж... — В 1801—1803 гг. Морков действительно состоял послом во Франции.

73. Кутузов — Иван Логинович Голенищев-Кутузов (1729—1801) — адмирал, с 1762 г. — директор Морского кадетского корпуса и генерал-интендант флота, вице-президент Адмиралтейств-коллегии (1797 г.), после восшествия Павла, с осени 1798 г., — ее президент.

74. ...шут наступил ему на мозоль... — Речь идет об А.В. Суворове.

75. ...больше охотник, чем финансист... — Завадовский управлял двумя банками (с 1781 г. — петербургским дворянским, с 1786 г. — государственным заемным), которые служили ему источником доходов; Павел обратил внимание на его злоупотребления только в 1799 г.: Завадовский был выслан в деревню.

76. ...его небесного покровителя Савла, или Павла... — Имеется в виду история обращения гонителя христиан Савла, который однажды услышал голос: “Савл, Савл! что ты гонишь Меня?” (Деян., 9, 14).

77. ...*один святой пророк заставил медведей сожрать сорок два ребенка...* — Пророк Елисей (IX в. до Р.Х.) проклял “именем Господним” детей, которые смеялись над ним, называя его плешивым. “И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка” (4 книга Царств, 2, 23–24).

78. *“Не нам, не нам, но имени Твоему”*. — Цитата из псалма 114 (стих 9): “Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей”.

79. ...*с мальтийским орденом, гроссмейстером которого... он только что себя провозгласил...* — Орден Мальтийских рыцарей, существовавший с XVI в., предпринимал первые попытки сношения с Россией еще в начале XVIII в. В 1798 г. французы заняли о. Мальту; Павел решил помочь ордену и дозволил учреждение великого приората ордена в России. Вскоре был издан манифест об образовании русского ордена св. Иоанна Иерусалимского, а Павел был избран великим магистром.

80. За проступки царей терпят народы (*лат.*).

81. ...*эспапонами...* — то же, что эспадронами, т.е. тупыми палашами “для учебной рубки” (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 4. Стб. 1538).

ДОПОЛНЕНИЕ

1. Крайний предел (*лат.*).

2. Фонтенель Бернар Бовье (1657–1757) — французский философ-скептик, автор “Разговоров о множестве миров” (1686).

3. Руссо Жан Жак (1712–1778) — французский писатель и философ. В России среди его сочинений особенной популярностью пользовались: “Рассуждение о том, способствовало ли восстановление наук и художеств к исправлению нравов” (1750), “Рассуждение о начале и основаниях неравенства между людьми” (1755), трактат “Об общественном договоре” (1762), романы “Эмиль, или О воспитании” (1762) и “Юлия, или Новая Элоиза” (1761).

4. К и м б у р г. — Имеются в виду военные действия на Кинбурнской косе (по другую сторону Днепровско-Бутского лимана, напротив крепости Очаков) в начале второй русско-турецкой войны.

5. ...*медлившего в Литве Репнина...* — В 1794 г. Н.В. Репнин был назначен главнокомандующим русскими войсками в Польше и Литве, боевые действия он вел медленно и нерешительно, чем вызвал недовольство Екатерины II. Суворов осаждал императрицу и влиятельных вельмож письмами с целью добиться назначения в Польшу, что и было исполнено.

6. Брестская битва — сражение при Бресте 8 сентября 1794 г.

7. Буксгевден Федор Федорович (1750–1811) — граф (с 1797), отличился в походах Суворова; при Павле произведен в генералы от инфантерии.

8. ...*молодого Толстого...* — Возможно, имеется в виду граф Петр Александрович Толстой (1761–1844), в 1799 г. генерал-адъютант.

9. В Пруссии об них до сих пор сохранилась добрая память... — Речь идет о военных действиях России на территории Пруссии в ходе Семилетней войны (1757—1762).

10. ...лафонтеновский ваятель... — Имеется в виду персонаж басни “Ваятель и статуя Юпитера” (кн. 9, VI).

11. Те Деум. — Массон изменяет начальные слова благодарственной молитвы “Те Деум laudamus” (“Тебя, Бога, хвалим”) так, что получается “Те Деам”, то есть “Тебя, Богиню”. Эта острота, по наблюдению В.М. Живова и Б.А. Успенского, восходит к письмам Вольтера к Екатерине от 17 и 30 октября 1769 г. (*Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 119—120*).

12. Платон Левшин (1737—1812) — в 1763—1773 гг. законоучитель великого князя Павла. С 1775 г. — митрополит Московский; историк церкви и духовный писатель.

13. Самборский Андрей Афанасьевич (1732—1815) в 1765 г., по окончании Киевской семинарии, был по приказанию Екатерины отправлен в Англию для изучения агрономии. В 1769 г. ненадолго приезжал в Россию для принятия священнического сана, после чего до 1779 г. был священником русской церкви в Лондоне. По возвращении в Россию был сделан протоиереем собора в г. Софии близ Царского Села. В 1782 г. в звании духовника сопровождал великого князя Павла Петровича и Марию Федоровну в их путешествии по Европе. В 1784 г. назначен законоучителем и преподавателем английского языка к великим князьям Александру и Константину, при которых состоял до 1793 г., потом стал духовником великих княжон. Со старшей из них, Александрой Павловной, уехал в 1799 г. в Венгрию и находился при ней до самой ее кончины в 1801 г. В 1797 г. Самборский управлял школой земледелия близ Царского Села; его интерес к агрономии и желание приобщить русских к заграничному опыту нашли выражение, в частности, в написанной им книге “Описание практического английского земледелия” (М., 1781). “<...> Живя часто и подолгу за границю, где <...> наше духовенство носило обыкновенное светское платье и брило бороду, о Самборский привык к этому костюму и не изменял его даже и в России, тем более, что императрица Екатерина не только позволила, но даже повелела ему носить таковой костюм и брить бороду, когда он оставался в России” (О жизни протоиерея А.А. Самборского. СПб., 1888. С. 15).

14. Эней — герой греческой и римской мифологии; один из защитников Трои. В последнюю ночь перед падением города получил от богов повеление покинуть его. Священные изображения троянских богов (в том числе и пенатов, покровителей домашнего очага) сопутствовали Энею в его скитаниях до тех пор, пока не получили нового пристанища на итальянской земле.

15. Дашкова Екатерина Романовна, урожденная графиня Воронцова (1743/1744?—1810), принимала деятельное участие в июньском перевороте 1762 г.; в 1783—1796 гг. — директор Академии наук и президент Российской академии. Во время заграничных путешествий (1770—1771, 1775—1782) встречалась со многими европейскими знаменитостями, в том числе и с Вольтером.

16. Томирис (Томириса) — царица массагетов (VI в. до н.э.), победившая и убившая царя Кира Старшего в войне, которую он предпринял против массагетов. Вольтер намекал на участие Дашковой в перевороте 1762 г.

17. Мусин-Пушкин Валентин Платонович (1735—1804) — генерал-аншеф, фельдмаршал; командовал войсками в Финляндии во время русско-шведской войны 1788—1790 гг. Его жена — Прасковья Васильевна, урожденная княжна Долгорукова (1754—1804).

18. “Меропа” (1743) и “Заира” (1732) — трагедии Вольтера, “Антигона” — трагедия Софокла (ок. 442 до н.э.) или, скорее, В. Альфьери (1783).

19. Флоридор. — Возможно, Массон говорит об известном французском актере (настоящее имя Жюзиас де Сулас, 1608—1671). Офрен (Жан Риваль, 1728—1804) дебютировал в Comedie Française, по приглашению Екатерины приехал в Россию. С 1785 г. играл в петербургской французской придворной труппе.

20. Лефорт Франц Яков (1658—1699) — женевец, друг Петра I. В России с 1675 г.; генерал-адмирал, командовал флотом в Азовских походах.

21. Николь Шарль Эжен (1758—1835) — французский педагог, содержатель пансиона в Петербурге; в 1816—1826 гг. заведовал лицеем Ришелье в Одессе.

22. Киммерийцы — древний кочевой народ, обитавший в Северном Причерноморье и в VII в. до н.э. захвативший Малую Азию. В мифологических представлениях о киммерийцах обычно упоминается их родина — страна, лишенная солнечного света.

23. Анахарсис — скиф, герой романа Жан Жака Бартеlemi “Путешествие молодого Анахарсиса по Греции”. Впоследствии — нарицательное имя любознательного юноши, который с целью образоваться и приобрести новые впечатления странствует от одного великого мужа к другому.

24. ...с колонистами, вызванными... для обработки русских пустынь... — Автор упоминает о немцах, которые по приглашению Екатерины начали массово селиться в России в последней четверти XVIII в.

25. Монморанси — французский аристократический род.

26. “Путешествие двух французов по России” — Имеется в виду сочинение Фортиа де Пиль “Путешествие двух французов по северу Европы — Германии, Дании, Швеции, России и Польше, совершенное в 1790—1792 годах” (Париж, 1796). Третий том этой книги целиком посвящен России: автор описывает путь из Петербурга в Москву, достопримечательности обеих столиц; в конце приложен краткий французско-русский разговорник.

27. Кант Иммануил (1724—1804) — немецкий философ.

28. “Moniteur” — “Le Moniteur universel”, или “Gazette Nationale”, газета, основанная в 1789 г. для публикации дебатов в Парижской ассамблее.

29. Чаига (“так пойдет” — фр.) — революционная песня, сочиненная в 1792 г. Ладре на музыку Бекура. Ею парижская толпа сопровождала казни аристократов.

30. ...брат знаменитого Марата. — Марат Жан Поль (1743—1793) — французский политический деятель, один из вдохновителей революционного террора. Его брат (1756—1821), проживавший в России с 1784 г., в 1793 г. получил высочайшее разрешение переменить свою фамилию. В 1811—1821 гг. Давид Иванович де Будри был профессором французской словесности в Царскосельском Лицее.

31. Ньюмаркет — город в Англии, в 13 милях от Кембриджа. С конца XVI в. известен как место проведения традиционных скачек; в правление Карла I (1625—1649) был учрежден кубок Ньюмаркета.

32. Медичи Екатерина (1519—1589) — французская королева, жена Генриха II. Обнаруживая религиозную нетерпимость, она была вдохновительницей убийств протестантов в Варфоломеевскую ночь (с 13 на 24 августа 1572 г.).

33. Дивова Елизавета Петровна, урожденная графиня Бутурлина (1762—1813) — жена Адриана Ивановича Дивова, камергера, тайного советника.

34. Кобленц — город в Пруссии, при слиянии рек Рейна и Мозеля. После 1789 г. сделался центром французской дворянской эмиграции, местом пребывания братьев казненного Людовика XVI. В 1794 г. был занят революционными войсками; после 1814 г. отошел к Пруссии.

35. Фон Эльмпт Софья Ивановна — жена Петра Ивановича Турчанинова (1746—после 1823), по рекомендации Потемкина ставшего статс-секретарем императрицы по военным делам, генерал-поручика.

36. Энгельгардт Екатерина Васильевна (1761—1820/1829?) в первом браке была замужем за графом Павлом Мартыновичем Скавронским (1757—1794); ее сестра Татьяна (1767—1841) — за князем Николаем Борисовичем Юсуповым.

37. Парис — в греческой мифологии троянский царевич, разрешивший спор о красоте между тремя богинями — Герой, Афиной и Афродитой — в пользу последней, что и привело в конце концов к Троянской войне.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Аблай, калмыцкий хан 174
 Август II, саксонский курфюрст, польский король 155
 Август Сигизмунд, король польский 31, 161
 Августа см. Тараканова
 Августа Зельмира Екатерина, принцесса вюртембергская 183
 Агриппина 187
 Александр Павлович, великий князь (Александр I) 24, 28, 33—34, 39, 70, 76—77, 79, 101—102, 107—109, 155, 158, 160, 162—163, 165—166, 175, 183—185, 189—191, 197
 Александра Павловна, великая княжна 18, 22, 24, 28—30, 33, 43, 154—155, 157, 198
 Алексей Антонович, принц брауншвейгский 77—78, 183
 Алексей Петрович, цесаревич 31, 109, 161
 Альтести А.И. 34, 112, 163
 Альфьери В. 198
 Амалия, принцесса баден-дурлахская 32, 162, 166
 Ангальт Ф. 58, 81, 129, 176
 Ангальт-Дессауский, принц 176
 Анна Иоанновна 60, 78, 114, 116, 161, 182, 184, 188, 191
 Анна Леопольдовна, регентша 31, 161, 183, 187
 Анна Федоровна, великая княгиня 28, 160,
 Антон Ульрих, принц брауншвейгский 161, 183
 Аракчеев А.А. 86, 108, 184—185
 Аржанс д' 183
 Ариосто Л. 128, 195
 Армфельд Г. М. 20—21, 154, 156—157, 191
 Артемиза 72, 182
 Архаров Н.П. 87, 89—90, 101, 117, 185
 Аттила 117, 121, 192
 Байльи Ж. С. 54, 174
 Бакмейстер И. 55, 175
 Бакмейстер Л.Х. 55, 174—175
 Бартелими Ж.Ж. 198
 Бартнев П.И. 158
 Барятинский И.И. 126—127, 194
 Барятинский И.С. 194
 Барятинский Ф.С. 66, 85, 129, 180
 Бауер К.Ф. 68, 181
 Безбородко А.А. 25, 27, 36, 38, 45—46, 89, 101, 109, 114—116, 128, 158—159, 186
 Беккария Ч. 51, 170
 Бекур 198
 Белосельский-Белозерский А.М. 53—54, 172
 Бенкендорф А.Ю. 106, 125, 189
 Бенкендорф Х.И. 189
 Бецкий И.И. 185
 Билиштейн, барон 86
 Билиштейн, сын 86—87
 Бирон А.Ш.Д. 114, 191
 Бирон К. 33
 Бирон К.Ф. 114, 191
 Бирон П. 114, 191
 Бирон Э.И. 70, 103, 112, 136, 182—183, 187, 191
 Бобринский А.Г. 66, 79, 181
 Бобров Е. 173
 Болотов А.Т. 183, 188, 196

* В указатель включены имена, упоминаемые в тексте "Записок" и в комментариях.

- Болтин И.Н. 174
 Бомон К. 43, 177
 Бонапарт см. Наполеон
 Ботвелл Дж. 178
 Браницкая А.В. 33, 69, 73, 128, 154, 162
 Браницкий Ф.К. 34, 162
 Бренна В. 175, 188
 Брут Марк Юний 49, 169
 Брюкнер 147
 Брюс П.А. 71, 154, 178
 Брюс Я.А. 178
 Будберг А.Я. 22, 156, 158
 Будри Д.И. 151, 198
 Буксгевден Ф.Ф. 139, 196
 Булаков Я.И. 112, 163, 190
 Бургундский, герцог 189
 Бурр Афраний 102, 187
 Бюффон Ж.Л.Л. 49, 54, 169
- Вайтфорт (Витворт) Ч. 90, 186
 Валлен-Деламотт Ж.Б. 164
 Васильчиков А. 67, 166, 181
 Вашингтон Дж. 49, 169, 180
 Вейкарт М. А. 177
 Вигель Ф.Ф. 190
 Виже-Лебрен М.Л.Е. 43, 165—166
 Виктор Амадей III, король сардинский 38, 165
 Вилламова (в замужестве Ланская) Е.И. 24
 Вильмот К. 159
 Вильмот М. 159
 Вильчковский С.Н. 172
 Воейков А.Ф. 173, 176
 Волконский, князь 120
 Вольтер Ф.М. 49—50, 55, 72, 142, 162, 168—169, 172—175, 197—198
 Воронцов С.Р. 169, 195
 Воронцова Е.Р. 65, 102, 179
 Вяземский В.В. 178
- Гавриил, митрополит 25, 140, 159
 Ган 97
- Гаспарини 53, 171
 Гей 51
 Генриетта, ландграфиня гессен-дармштадтская 162
 Генрих II 199
 Георг III 186
 Георги И.Г. 58, 176
 Глинка С.Н. 158, 160
 Гогарт (Хогарт) У. 88, 185
 Голенищев-Кутузов И.Л. 129, 195
 Голицын 120
 Голицын Г. см. Голицын Ю.М.
 Голицын М.А. 166, 194
 Голицына (урожд. Шувалова) П.А. 43, 166
 Голицын Ю.М. 92, 186
 Голицыны 111, 136, 139
 Головин Н.Н. 112, 190, 194
 Головина В.Н. 188—190, 194
 Головкин Ф.Г. 190
 Городецкий С.М. 186
 Горчаков Ал.И. 123, 193
 Горчаков Ан.И. 123, 193
 Гранмон 147
 Грассе 51
 Греч Н.И. 172, 190
 Грибовский А.М. 112, 190—191
 Грибовский М. 112, 190
 Гримм Ф.М. 162, 166, 177
 Грот Я. 174
 Густав Адольф II 19, 155
 Густав III 18—19, 48, 151, 154—156
 Густав Адольф IV 19, 23—29, 37, 155—168, 160
 Гюс 22, 115, 146, 157—158, 191
 Гюс, семья 157
- Давыдов Д.В. 192—193
 Даль В.И. 196
 Дарнлей Г. 177
 Д'Артуа 119, 192
 Дашкова Е.Р. 142, 159, 170—171, 179, 181, 197
 Дейнократ 185

- Делиль Ж. 57, 176
 Денисов А.К. 18, 155
 Денисов Ф.П. 18, 155
 Державин Г.Р. 51, 54, 158, 170, 174, 176
 Дивов А.И. 199
 Дивова Е.П. 154, 199
 Дидро Д. 49, 169, 174, 180
 Дмитриев-Мамонов А.М. 62—63, 72, 178
 Долгорукий, кн. 138
 Долгорукий Ю.В. 22, 157
 Долгоруков В.В. 170
 Долгорукова 53, 147
 Долгорукова (урожд. Барятинская) Е.Ф. 43, 166
 Долгоруковы 111, 136, 147
 Донауров (Данауров) М.И. 128, 195
 Досифея, см. Тараканова
 Дюваль Ж. 86—87, 185
- Еврипид 52, 171
 Екатерина I 78, 177, 182, 183
 Екатерина II 15, 18—23, 25—28, 30—37, 39—58, 60—80, 82—84, 91, 93—94, 96—100, 102, 104—105, 107—108, 110—120, 122—124, 126, 128, 134, 138—140, 142—148, 149, 151, 154, 155—181, 183—192, 194—195, 197—199
 Екатерина (Ягеллон) 32, 162
 Екатерина Павловна, великая княжна 18, 155
 Елагин И.П. 171
 Елена Павловна, великая княжна 18, 33, 43, 155
 Елизавета Алексеевна, великая княгиня 29, 31, 33—35, 43, 129, 160, 166
 Елизавета английская 61—62, 177—178
 Елизавета Петровна 50, 60, 64, 66, 72, 78, 81, 83, 101, 103—104, 114, 124, 139, 142, 161, 169, 177, 180, 184, 187—188, 191, 194
 Елисей, пророк 130, 196
 Ермолов Ал-др П. 61, 72, 178
 Ермолов Алексей П. 188
- Живов В.М. 197
- Завадовский П.В. 45, 70, 129, 158, 167, 192, 195
 Захаров И.С. 189
 Зорич С.Г. 70, 167, 182
 Зотов З.К. 40, 165
 Зубов А.Н. 111, 190
 Зубов В.А. 73—74, 101, 113, 124, 182, 191
 Зубов Н.А. 38, 112, 165, 190, 193
 Зубов П.А. 20, 26—29, 36, 38, 40, 46, 61, 63—64, 66, 70, 72—74, 88, 101, 110—114, 117, 119, 128, 156—159, 163, 165, 182, 190—191
 Зубовы 45, 74, 117
- Иван I Калита 161
 Иван IV 32, 160—162
 Иван V 184
 Иверсен Ю.Б. 181
 Игельстром О.А. 65, 180
 Игорь, князь 52, 171
 Иезекииль, пророк 67, 181
 Иоанн Антонович 31, 55, 66, 75, 77—78, 83—84, 161, 181—182, 183
 Иоанна Елизавета, принцесса голштинская 162
 Иосиф, палатин венгерский, эрцгерцог австрийский 154
 Иосиф II 20, 48, 57, 122, 155—156, 168, 172
- Казанов 154
 Казанова Ф. 53, 171
 Калонн Ш. А. 22, 157, 189
 Каменев Г.П. 173
 Каменский М.Ф. 120—121, 192
 Камерон Ч. 172
 Кант И. 150, 198
 Карл, принц баден-дурлахский 35
 Карл Великий 48, 129, 168, 195
 Карл I 198
 Карл IX 155

- Карл XII 19, 23, 55, 105, 155, 175
 Карл XIII, герцог зюдерманландский 19, 155—156
 Карл Леопольд, герцог мекленбург-шверинский 161
 Карнович Е.П. 190
 Кастера Ж. 83, 167, 184
 Каховский М.В. 65, 163, 179, 192
 Кацони (Кацонис) Л.Д. 36—37, 164
 Кваренги Дж. 164, 177
 Кир Старший 197
 Клавдий, император 168, 187
 Клингер Ф. М. 54, 173
 Кобенцль (Кобенцель) И. Л. 37, 53, 73, 164
 Козицкий Г.В. 174
 Комар, нунций 65
 Конде Л., принц 161
 Константин, император 56, 175
 Константин Павлович, великий князь 22, 24, 28, 31, 35, 53, 77, 101, 109—112, 158, 160, 163, 168—169, 177, 183, 189—190, 194, 197
 Конфуций 54, 173
 Копьев А.Д. 113, 190
 Кориолан Гней Марций 53, 171—172
 Корсаков см. Римский-Корсаков И.Н.
 Костюшко Т. 65, 81—82, 96, 103, 122, 179, 192
 Коцебу А. Ф. 54, 173—174
 Кречетников М.Н. 65, 163, 179
 Куракин Ал-др Б. 126, 129, 193
 Куракин Алексей Б. 116, 126, 129, 191, 193
 Куракины 147
 Курций Марк 67, 181
 Кутайсов И.П. 100, 186—187
 Кутузов см. Голенищев-Кутузов И.Л.
 Кювье Ж. Л. 54, 174
 Кюстин А. Ф. 33, 162
 Лагарп Ф.Ц. 77, 102, 107—109, 151, 183
 Ладре 198
 Ламартиньер А.О. 54, 173
 Лами, аббат 88
 Лампи И. Б. 42—43, 58, 165
 Ланжерон А.Ф. 49, 169
 Ланкло Н. 32, 54, 162
 Ланской А.Д. 60—62, 69, 71—72, 177
 Ларош Эмон 114
 Лафайет М.М. 29, 160
 Лафонтен Ж. 118, 191, 197
 Лебрен см. Виже-Лебрен М.Л.Е.
 Лев VI 52, 171
 Левек П.Ш. 54—55, 174—175
 Ле Жандр 134
 Леклерк Н.Г. 55, 174
 Лемуар Ж. 117, 191
 Лесток И.Г. 103, 187
 Лефорт Ф.Я. 147, 198
 Ливен Ш.К. 22, 129, 157
 Линденер Ф.И. 105, 188—189
 Линдквист 147
 Линь Ш.Ж. де 68, 156, 181
 Лихарев, бригадир 92
 Лихарева 92
 Ломоносов М.В. 169
 Лопухин П.В. 187
 Лопухина А.П. 103, 187
 Луиза, принцесса баденская см. Елизавета Алексеевна
 Луиза Шарлотта, принцесса мекленбург-шверинская 21, 157
 Людовик XII 69, 181
 Людовик XIV 35, 46, 55, 69, 73, 102, 129, 161, 167, 174, 181, 189
 Людовик XV 174
 Людовик XVI 89, 134, 151, 157, 184, 192, 199
 Людовик XVIII 163
 Мавсол 182
 Малерб Ф. 160
 Мамонов см. Дмитриев-Мамонов А.М.
 Мандини 53, 172

- Марат Ж.П. 151, 198
 Мария Терезия 53, 172
 Мария Федоровна, великая княгиня 26, 31, 78, 102, 104—107, 155, 159, 173, 184, 186—187, 189, 195, 197
 Мария шотландская (Стюарт) 61, 177
 Марков, конюший 132
 Мартини 156
 Мартэн см. Сен-Мартэн Л.К.
 Массон А.П. 58, 176, 185
 Массон Ш. 58, 86, 94—95, 102, 113, 154, 157, 159—161, 163—164, 167—168, 170—175, 176, 181, 183, 185—186, 189, 197—198
 Матрена Даниловна см. Теплицкая М.Д.
 Медичи Е. 154, 199
 Мейендорф 89
 Мелиссино П.И. 25, 58, 83, 86, 129, 140, 152, 159, 184
 Меллейны 143
 Меншиков А.Д. 73, 78, 112, 136, 182—184
 Мерсье Л.С. 58, 176
 Мессалина 46, 151, 167
 Местр Ж. де 191
 Миллер Г.Ф. 54—55, 172—174
 Миних Б.Х. 103, 187
 Мирабо О.Г. 106, 148, 189
 Мирович В.Я. 161
 Михаил Павлович, великий князь 174
 Мольер Ж.Б. 98, 157, 172, 186
 Монморанси 149, 198
 Монпансье А.М.Л. 31, 160—161
 Монтескье Ш.Л. 51, 170
 Монферран О. 175
 Морков (Марков) А.И. 22, 26—29, 45, 89, 101, 114—116, 129, 158, 163, 191, 195
 Моркова В.А. 191
 Моро Ж. В. 37, 164
 Москотильников С.А. 173
 Мусин-Пушкин В.П. 143, 198
 Мусина-Пушкина П.В. 143, 198
 Мюральт, графиня 110
 Н.Н. 154
 Наполеон Бонапарт 53
 Нарышкин Л.А. 37, 73, 164—165
 Нассау-Зиген К.Г. 73, 183
 Наталия Алексеевна, великая княгиня 31, 161, 195
 Неелов В. 172
 Нелединский-Мелецкий Ю.А. 127, 194
 Нелидова Е.И. 86—87, 102—103, 125, 185—187, 194
 Ненчини 172
 Нерон, император 187
 Несвицкий И.В. 126, 193
 Николай А.Л. 127—128, 194—195
 Николай Х.Ф. 58, 176
 Николай Павлович, великий князь 174
 Николь Ш. Э. 147, 199
 Обер 120
 Обри 51
 Одар Ж.Д.Ж. 51, 171
 Октавия 187
 Олег 52, 171—172
 Орбейль, Кюне д' 58
 Ольденбургский П.Ф.Г., принц 155
 Орлеанский, герцог 21, 157
 Орлов А.Г. 66, 85, 164, 166, 180
 Орлов Г.Г. 62, 66—67, 70, 79, 110, 165—166, 177, 180
 Орлова (урожд. Зиновьева) Е.Н. 166
 Орловы 44—45, 62, 60, 73—74, 166—167, 179
 Остерман А.И. 114, 159, 191
 Остерман И.А. 25, 101, 114, 129, 159, 191
 Офрен 146, 198
 Павел Петрович (Павел I) 20, 29—33, 36, 38—41, 44, 56, 60—61, 64, 66—67,

- 69–71, 74–112, 114, 116–118,
120–121, 124–136, 139, 149–151,
154–156, 158–167, 173–175, 178–181,
183–198
Павел (Савл), апостол 130, 195
Паллас П.С. 54, 170, 172, 174–175
Панин Н.И. 44, 46, 67, 166, 183,
193–195
Пассек П.Б. 66, 85, 180
Петр Антонович, принц брауншвейг-
ский 77, 183
Петр I 46, 54–55, 57–58, 77–78, 91,
124–125, 137, 142, 147, 150, 155,
161, 163–164, 173–177, 182–184,
187–188, 199
Петр II 78, 136, 184
Петр III 55, 64, 66, 72, 75, 78, 82–85,
97, 101–104, 116, 126, 161, 165, 167,
174, 178, 180, 183, 184, 187–188, 194
Петрушевский А. 192
Пизон 188
Пистор Я.И. 65, 179
Питт У. 50, 81, 169
Платон, митрополит 140, 197
Плещеев С.И. 127, 194
Плещеева Н.Ф. 194
Позднякова 153
Полянская см. Воронцова Е.Р.
Понятовский С.А. 20, 64–66, 107, 119,
156, 163, 169, 177, 179–180
Попов М. 51
Потемкин Г.А. 23, 33, 44–46, 57, 63,
66–72, 74, 76–77, 89, 110, 112, 116,
118–121, 129, 136, 143, 154, 158, 162,
167, 172, 176, 179, 181–182, 191–192,
194, 199
Потоцкая У.М. 65, 180
Потоцкий И. 81, 184
Преториус 127
Протасов А.Я. 162
Протасова А.С. 63, 67, 73, 128,
178–179
Пугачев Е.И. 56, 138, 180
Пушкин см. Мусин-Пушкин В.П.
Пушкин А.С. 170
Разумовский А.Г. 184
Разумовский К.Г. 194–195
Разумовские 127, 195
Растрелли В. В. 177
Растопчин (Ростоичин) Ф.В. 126–127,
172, 175–176, 186, 188, 193–194
Ратиков 85
Раутенфельд 65, 179
Рейсская, графиня 160
Репнин Н.В. 46, 69, 96, 101, 118–121,
129, 139, 168, 181–182, 186, 196
Рибас (де Рибас) И.М. 36, 67, 164, 185
Римский-Корсаков И.Н. 62, 71, 178
Ринальди А. 175, 177, 181
Риччио Д. 177
Ришелье А.Э. 35, 163, 199
Роже 113
Рожерсон (Роджерсон) Дж. 63, 179
Роклор Г.Ж. Б. 73, 182
Румянцев Н.П. 20, 118, 156, 191
Румянцев П.А. 46, 60, 115, 118, 159,
167–168, 178, 184, 191–192
Румянцев С.П. 20, 118, 156, 191–192
Руссо Ж. Ж. 136, 148, 166, 196
Рюльер К. К. 66, 180
Рюрик 171
Савская, царица 61, 178
Салтыков, камергер 151
Салтыков А.Н. 184–185
Салтыков Д.Н. 184–185
Салтыков И.П. 120–121, 143, 192
Салтыков Н.И. 35, 38, 46, 63, 87, 89,
101, 105, 109, 111, 113–114, 118, 124,
128, 156, 163, 184–185, 189
Салтыков П. 73
Салтыков С.В. 62, 64, 75, 178
Салтыков С.Н. 184–185
Салтыкова 142
Салтыкова Н.В. 128, 195
Салтыковы 45, 111, 136, 167, 185
Самборский А.А. 140, 197
Самойлов А.Н. 25, 37, 89, 101, 110,
116, 129, 159, 189

- Сапоренти 171
 Сартри Дж. 53, 171
 Сартин А. 117, 191
 Сегор Л. Ф. 53, 73, 171—172
 Секретарев 189
 Семирамида 15, 42, 48, 154
 Сен-Жермен К.Л. 96, 186
 Сен-Мартэн Л.К. 69, 182
 Сенека Луций Анней 102, 187
 Сеян Луций Элий 117, 191
 Сиверс Я.И. 68, 179—180
 Скавронская Е.В. 154, 199
 Скавронский П.М. 199
 Соболевский 177
 Соколова А.И. 86—87, 185
 Соловьев С.М. 173
 София Шарлотта, принцесса браун-
 швейгская 31, 161
 Софокл 198
 Станиславская А.М. 164
 Старов И.Е. 158
 Стединг см. Штединг Л.Х.
 Стенбок 22, 157
 Степанова П. 154
 Стрекалов С.Ф. 32, 162
 Строганов А.С. 25, 159
 Суворов А.А. 123, 193
 Суворов А.В. 46, 94, 101, 119—124,
 129, 135, 138—139, 168, 179, 186, 191,
 192—193, 195—196
 Суворова В.И. 123, 193
 Суворова Н.А. 123, 193
 Сумароков А.П. 169
- Тамерлан 193
 Тараканова, княжна 66, 78, 164, 180,
 184
 Тарквиний Гордый 100, 187
 Татищев В.Н. 55, 174
 Тауенцин, граф 91, 186
 Теплицкая М.Д. 73, 182
 Терский А.И. 88, 185—186
 Гиберий 191
 Тиман 120
 Тиссо П.Ф. 51, 170
- Толстой П.А. 139, 196
 Томирис 142, 197
 Тредиаковский В.К. 169
 Тутут Ф., барон 20, 156
 Турчанинов П.И. 154, 199
- Унгерн-Штернберг К.К. 82—84, 184
 Успенский Б.А. 197
 Ушаков А.И. 188
- Фальконе Э.М. 176
 Федор Алексеевич 103, 188
 Фейяд Ф. 72, 181
 Фельтен Ю.М. 176
 Фенелон Ф. 107, 189
 Ферзен И.Е. 122, 139, 179, 192
 Филопмен 81, 184
 Флемминг К.А. 28, 159
 Флоридор 146, 198
 Фокс Ч. Дж. 49, 168
 Фон-Гёце П.П. 182
 Фонтенель Б.Б. 133, 196
 Фортиа де Пиль, граф 198
 Фосс 95, 186
 Франциск, дофин французский 177
 Фредерика Вильгельмина Доротея,
 принцесса баденская 29, 160
 Фридрих, принц мекленбург-шверинс-
 кий 155
 Фридрих I 102, 187
 Фридрих II (Великий) 32, 42, 48, 50,
 97—98, 102, 109, 129, 155, 161,
 169—170, 172, 175, 187
 Фридрих Август, принц голштинский
 167
 Фридрих Вильгельм I 97, 102, 129,
 186—187
 Фридрих Вильгельм II 50, 76, 169
 Фридрих Вильгельм III 95, 186
 Фридрих Вильгельм Карл, принц
 вюртембергский 77, 184
 Фридрих Евгений, принц вюртемберг-
 ский 187

- Хвостов Д.И. 193
Храповицкий А.В. 156, 171
Христин (Кристина) Ф. 22, 157—158
Христина шведская 61—62, 178
- Цезарь Гай Юлий 121, 169
Цинциннат Луций Квинкций 49, 170
- Шапп Ж. 54, 174
Шарет де ла Контри Ф.А. 123, 192
Шверин, граф 21—22, 157
Шекспир В. 171—172
Шишков А.С. 164, 175, 188
Шреттер Ф.Л. 95, 186
Штакельберг, полковник 68
Штакельберг О.М. 18—20, 53, 155—156
Штакеншнейдер И. 165
Штединг (Стединг) К.Л.Х. 22—23, 28, 74, 157
Штернберг И. 16, 154
Шторх Г. 54, 58, 174, 176
- Шувалов А.П. 32, 162, 174, 194
Шувалов И.И. 55, 175
Шувалов П.А. 126—127, 194
Шувалова см. Голицына П.А.
Шувалова Е.П. 32—33, 129, 162
Шумигорский Е.С. 186
- Щербатов М.М. 55, 174
Щербатова Д.Ф. 62, 72, 178
- Эзоп 129
Эльмпт С.И. 154, 199
Энгельгардт Л.Н. 160, 164—165, 179, 182
Эпинус Ф.Т.У. 102, 187
Эстергази В. 112, 117, 190
- Юлиана Мария, королева датская 183
Юсупов Н.Б. 129, 195, 199
Юсупова Т.В. 154, 199
Юсуф 119

СОДЕРЖАНИЕ

О “Записках” Массона. <i>Вступительная статья Е.Э. Ляминой и А.М. Пескова</i>	5
Предисловие автора к первому изданию	15
Глава первая. Пребывание шведского короля в Петербурге. Подробности и анекдоты, касающиеся его предполагаемого брака с великой княжной Александрой — Его портрет — Портрет этой молодой принцессы — Замечания об их несостоявшемся браке — Германские принцессы, вызванные в Россию — Женитьбы великих князей, подробности об их супругах и пышности двора в эту эпоху	18
Глава вторая. Екатерина II. Подробности ее болезни и смерти — Ее портрет — Ее характер — Замечания о ее дворе, придворных, министрах — Влияние французской революции на ее ум — Покровительствовала ли Екатерина литературе? — Ее сочинения — Нравы и памятники ее царствования	36
Глава третья. Фавориты. Екатерина возводит их обязанности в придворную должность — Ее темперамент и великодушные в любви — Ее бесстыдство — Водворение Зубова — Перечень двенадцати главных фаворитов — Последние беспутства Екатерины — Малый эрмитаж, маленькое общество — Умолчание	61
Глава четвертая. Восшествие на престол Павла. Поведение и планы Екатерины в отношении сына — Он провозглашен императором — Его первые шаги в этом качестве — Погребальные почести, возданные им отцу и матери — Суровые меры, примененные к гвардии — Вахтпарад — Милости и опалы — Его занятия — Запрещение круглых шляп и русской упряжи — Варварский этикет: его смешные и ужасные следствия — Перемены по военной и гражданской части — Крестьяне — Солдатомания — Канцелярия для принятия прошений — Финансы — Камердинер-фаворит	75
Глава пятая. Должен ли Павел страшиться жребия Петра III? Параллель между Павлом и его отцом — Портрет теперешней императрицы, великого князя Александра, великого князя Константина, Зубова, Н. Салтыкова, Остермана, Самойлова, Безбородко, Моркова, Архарова, Репнина, Суворова, Валериана Зубова — Черты характера Павла и его главных придворных или министров — Его портрет — Анекдоты о поведении Павла в бытность его великим князем	101
Дополнение	133
Комментарии	154
Указатель имен	200

россия в мемуарах

Наблюдения француза,
жившего при дворе,
о придворных нравах,
демонстрирующие
незаурядную
наблюдательность
и осведомленность
автора

